

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М. АКМУЛЛЫ»

***АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОБЩЕГО И РЕГИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ***

*Материалы Межрегиональной научной конференции «Актуальные
проблемы общего и регионального языкознания», посвящённой 30-летию
кафедры общего языкознания*

Уфа 2011

УДК 842
ББК 45
А 24

Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: материалы Межрегиональной научной конференции «Актуальные проблемы общего и регионального языкознания», посвящённой 30-летию кафедры общего языкознания. – Уфа: Издательство БГПУ, 2011. – 121 с.

В сборник вошли материалы Межрегиональной научной конференции «Актуальные проблемы общего и регионального языкознания», посвящённой 30-летию кафедры общего языкознания, по широкому кругу лингвистических вопросов.

Книга предназначена для преподавателей филологических дисциплин, научных сотрудников и молодых специалистов: аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов в области гуманитарного профиля.

ISBN 978-5-87978-704-7

© Издательство БГПУ, 2011

Т.М. Гарипов, Г.М. Курбангалеева и Т.Ю. Капишева (докт. филол. наук,
проф.; канд. филол. наук, доц., зав. каф. общего языкознания;
канд. филол. наук, преп.; БГПУ им. М. Акмуллы,
Башкортостан, г. Уфа)

ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ НА КАФЕДРЕ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ БАШКИРСКОГО ГПУ ИМЕНИ М.К. АКМУЛЛЫ¹

Исходя из общепринятой дефиниции **Культуры** как совокупности высших достижений человечества в производственной, социальной и духовной жизни общества [1], уместно дополнить производное понятие **Межкультурных коммуникаций** принципиальным соображением о том, что в реальной действительности подобные информационные трансляции чаще и естественнее всего оказываются **Межъязыковыми контактами** [2].

Собственно, преимущественно именно для этих целей и была создана с начала 1980-ых годов кафедра общего языкознания (КОЯ) в данном вузе, коллектив которой, редко превышавший десяток специалистов, в различные периоды и в неравновеликих временных объёмах изучал и преподавал до 15-ти разноструктурных языков Евразии и в их числе: а) древние – восточнославянский и старославянский; б) классический латинский; в) историю русского языка в разных эпохах, сферах и стилях общения, включая диалектное просторечие и функционирование в качестве иностранного средства коммуникации; г) сопоставительные штудии западноевропейских языков (предпочтительно английского и немецкого, а также эсперанто) [3], д) тюркские – башкирский и татарский и отчасти турецкий и *тюрки* (или «туркейский», как его именовал уфимский дворянин-просветитель и российский титулярный советник М.И. Уметбаев); е) элементы восточных наречий – предпочтительно арабского и персидского [4]; ё) реконструкции отдельных протоязыковых систем – общеславянской, ностратической и иных [5].

Лингвистическая продукция КОЯ реализовалась в виде как ряда монографий и моносборников, эксклюзивных пособий и словарей, так и в особенности тематических циклов, среди коих безусловно выделяются продолжающиеся публикации:

А) Научная серия «**Языки Башкортостана**» под общей редакцией з.д.н. РФ и РБ, члена-корреспондента Академии наук республики, д.ф.н. и

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке федеральной целевой программы (ФЦП) «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы – «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области гуманитарных наук». Тема НИР: «Этноконфессиональная история и языковое наследие народов Урала».

профессора Т.М. Гарипова – всего за 15 лет с 1996 по 2010 год опубликовано 17 книг и отдельных изданий общим объёмом 129 учётно-печатных листов (или 2200 страниц) и тиражом 3860 экземпляров на материале 10 этнических языков (порядок алфавитный): английском, арабском, башкирском, венгерском, латинском, немецком, персидском, русском, татарском и турецком; серия в целом получила несколько межвузовских поощрений, а первый в филологии «Историко-этимологический словарь башкирского языка» Т.М. Гарипова в 2008 году удостоен Диплома лауреата Конкурса на лучшую научную книгу России, проведённого Фондом развития отечественного образования в городе Сочи; среди 6 авторов остальных изданий цикла выделяются своей активностью кандидат наук Т.Ю. Капишева, перу которой принадлежат 3 книги, и докторант А.Н. Трегубов (2 книги) [6];

Б) Статьи в одно- и многотомных энциклопедических справочниках «Башкортостан: Краткая энциклопедия» (Уфа-Мадрид, 1995-1997, на русском и башкирском языках), «Башкирская энциклопедия» (Уфа, 2005-2010, тома I-VI), «Українська Радянська Енциклопедія» (Київ, 1959 и 1977, 2 издания) и др.

Т.М. Гарипов опубликовал в них 50 статей на 60 страницах общим объёмом 6,6 печатных листа и тиражом до 128 тысяч экземпляров; 3 статьи написаны Г.М. Курбангалеевой (0,3 учётно-издательского листа тиражом в 21 тысячу экземпляров); общая тематика публикаций: Венгерский язык; Индоевропейские и Славянские языки; Кыпчакские языки и Чувашский язык; Палеография и Социоллингвистика; Персоналии (Н.К. Дмитриев, М. Рясянен, Ю.П. Чумакова); Русистика и Русский язык; Эпиграфика и Этимология;

В) Пропедевтическая серия «Кафедра общего языкознания»: Программы учебных дисциплин. – Уфа: БГПУ, 2006 / 31 научно-методическое пособие по русскому, старославянскому, латинскому и всем языкам Республики Башкортостан. – Под общей редакцией Т.М. Гарипова; редакторы А.Г. Косов и Е.Е. Хазимуллина; составители – они же трое и Г.М. Курбангалеева, К.З. Закирьянов, Е.Г. Рузина, О.В. Ерёмкина/Печаткина, Е.В. Попова, Г.Х. Фазылова; общий объём 736 страниц или 46 учётно-издательских листов, тираж 11 160 экземпляров (2 завода раздельно для студентов и преподавателей); предназначены для 9 факультетов (а ныне и для 4 институтов) БГПУ [7].

Коллективное научно-педагогическое творчество КОЯ удачно дополняют индивидуальные труды соисполнителей обобщающей кафедральной темы «Сопоставительная лексикология славянских и тюркских языков», отнесённая к числу 17 ведущих научных школ БГПУ и официально включённая в «Важнейшие направления гуманитарных наук АН РБ».

Заведующий кафедрой Г.М. Курбангалеева является региональным координатором общероссийского проекта «Лексический атлас русских народных говоров» (ЛАРНГ) РАН по республикам Урала и Поволжья.

Члены кафедры участвуют совместно с кафедрами Института истории и правового образования в составе межфакультетского исследовательского коллектива КОЯ выполняют Федеральную целевую программу «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по теме: «Этноконфессиональная история и языковое наследие народов Урала» (Госконтракт № 14.740.0772 от 30 ноября 2010 года), 3 ВНИКа из 6 – филологические, сокоординатор этой темы по филологии также Г.М. Курбангалеева.

Доцент А.Г. Косов руководит проектом «Историческое лингвокраеведение и документная лингвистика: изучение языка документов российских провинциальных канцелярий XVIII века (по материалам Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан)» в рамках регионального конкурса РГНФ РК 2010 Урал: Республика Башкортостан, соисполнителем данной темы является Г.М. Курбангалеева.

Профессор Т.М. Гарипов – автор вышедших из печати 30 монографий, моносборников, словарей, дайджестов и отдельных изданий, а также свыше 600 научных статей, заметная часть из которых цитируется и в зарубежных источниках; член редакционных советов и коллегий ВАКовского журнала «Вестник ВЭГУ» и центрального журнала «Российская тюркология» (Москва-Казань), Всероссийской Ассоциации востоковедов (ВАВ) и Российского Комитета тюркологов (РКТ) РАН в Москве, член-корреспондент АН РБ, заместитель председателя докторского Диссертационного совета в БГУ.

Широким фронтом развёртываются лингвистические исследования молодых и средних по возрасту членов кафедры – большинство из них имеет ВАКовские публикации и неуклонно повышает свой уровень потенциал. Так, преподаватель Т.Ю. Капишева в год защиты и утверждения кандидатской диссертации (2009/2010 учебный год) выпустила в свет монографию, трёхязычный сопоставительный словарь и контрастивный дайджест (в соавторстве). Диссертант Ю.С. Фомина отметилась солидной зарубежной публикацией.

Неудивительно, что на столь солидной фактологической языковой базе многие студенты нового Института филологического образования и межкультурных коммуникаций (ИФОМК) при нашем университете с интересом и пользой для себя изучают многосторонние взаимодействия национальных языков Башкирии и прилегающих регионов в их прошлом и настоящем.

Разработанные преподавателями КОЯ едва ли не впервые в масштабах страны курсы лекций и семинаров по таким инновационным

предметам, как Контактология, Лингвистическое краеведение и Языки народов Башкортостана охватывают духовное богатство десятков этносов Урало-Поволжья, Сибири и в целом России.

Слушатели учебных курсов убеждаются в том, что издавна в наших краях даже простые люди, не получившие достаточного образования, с глубоким уважением почитали древние рукописи и старопечатные тексты, а равно и тех учёных знатоков, которые умели распознавать и толково разъяснять словесные памятники старины.

Недаром *Библия* в переводе с греческого понимается как ‘Книжность’, а *Коран* по-арабски означает ‘Чтение’. До сих пор в тюркоязычных школах дети обращаются к учительницам с почтительным словом *Апа* ‘Тётя’, а к учителям – *Аб(з)ый* и *Ағай* ‘Дядя’.

Высоко ценится у народов статус родных языков, о чём вдохновенно писал классик татарской литературы Габдулла Тукай: *И туган тел! И матур тел! Әнкәм, әткәмнең теле!* “О, родной язык! О, прекрасный язык! Язык моих матушки и батюшки!”. Ему как бы вторят строки народного поэта республики Рами Гарипова: *Теле барзың Иле бар, Иле барзың Теле бар!* “У кого есть Язык, у того есть и Родина, а у кого есть Родина, у того есть и Язык!”.

Современную идентификацию идей дружбы и толерантности русской и других национальностей страны предвидел в исторической перспективе почётный доктор БГПУ, писатель с мировой известностью Мустай Карим, оставивший жителям мультиэтнической России своё духовное завещание: *Рус түгел, Россиян мин!* “Не русский я, но – Россиянин”.

Эти пророческие слова в качестве лейтмотива будут сопровождать нас на протяжении всего 2011 года, объявленного Президентом Республики Башкортостан Р.З. Хамитовым «Годом межнационального согласия».

Хотелось бы надеяться на то, что в общей тональности «предюбилейной» статьи не прозвучит диссонансом постановка некоторых дискуссионных постулатов из обширной проблематики относительно сути Диалогов культур и языков. Любое их сопоставление и сравнение (а эти два понятия отнюдь не абсолютно синонимичны!) неминуемо ведёт к известной контрадикторности по линиям древности и молодости, богатства и бедности, авангардизма и аутсайдерства, прогресса и регресса, перспективности и ретроспективности (не смешивать с модным нынче словоупотреблением *респект!* ‘уважение, соответствие’, – хотя этимологически по латыни это всего лишь ‘обращение вспять, оглядка’).

Так, априорная убеждённость сторонников высокой котировки языковых архаизмов над новейшими пусть и недокодифицированными речениями нуждается в экспертных аргументациях. Известный

ориенталист академик К.К. Юдахин, в частности, утверждал, что язык былин, мифов и сказаний – это речь современных сказителей эпоса. Кроме отдельных случаев архаической лексики в нём нет никаких отличий от современного языка: фонетика, морфология, синтаксис – те же, что и в стихах нынешних поэтов. Некоторое количество, присущих тому или иному сказителю, – главным образом, фонетических – не выходят за рамки того, что наблюдается в произведениях теперешних писателей [8]. Попутно внесём ясность в дискутируемую дистинкцию между старописьменностью и младописьменностью. Ряд текстологов, особенно в республиках России, хотел бы видеть большинство национальных языков страны старописьменными – в силу того, что грамотная часть населения издавна умела читать и писать (правда, умалчивается – на каком именно языке и в какой графике). Мы предлагаем разграничивать старописьменный н а р о д, который мог пользоваться любой буквенностью – наподобие латинской в Западной Европе, церковнославянской на Руси, арабизованным тюркú в Закавказье, Средней Азии и Урало-Поволжье; и старописьменный я з ы к – чаще всего литературный (таковых на поверку всегда оказывается меньше: так, великорусский сложился лишь с XVII века; тюркские канонизировались ещё позже; всего же в России до 1917 года не более 15 % от общего числа этнических языков считались письменно-литературными).

Между прочим, в историко-социолингвистических дефинициях типа *молодая нация, младописьменный язык* и подобных мы не усматриваем ничего ущербного: действительно, насколько динамичнее иных «пожилых» этносов нынешняя североамериканская общность с её всего-то за полвека обрётённой расовой толерантностью или канадская нация с двумя оппонировавшими официальными языками. Помнится, на часто задаваемый во второй половине существования Советского Союза вопрос – К чему может привести процесс непрерывного «удревнения» отдельных языков Срединной Азии и ТрансКавказии? – крупнейший тюрколог С.Е. Малов дал полушутливый ответ: «Ну так можно добраться и до языка обезьян!».

Члены КОЯ, как и все истые просвещенцы, стремятся в полной мере использовать мировой опыт ярких лидеров педагогики, философии, истории цивилизации и других социально-гуманитарных наук. Мы опираемся на нравственные критерии Эразма Роттердамского: «Язык – лучший посредник для установления дружбы и согласия между людьми» [9].

Для историков языка звучит манифестом стихотворение выдающегося компаративиста Владислава Иллича-Свитыча на реконструированном им ностратическом праязыке: «Язык – это брод через реку времени, он ведёт нас к жилищу умерших; но туда не сможет прийти тот, кто боится глубокой воды» [10].

К неблагодарным же и беспамятным адептам вполне применима восточная мудрость: «Я научил его стрелять из лука, и первую стрелу он выпустил в меня».

Преподаватели кафедры стремятся приобщить к научной работе студентов, воспитать интерес и любовь к лингвистике у будущих языковедов и педагогов, осуществляя руководство их курсовыми и дипломными работами, активно привлекая студентов к участию в научных конференциях самого разного уровня, в республиканских конкурсах студенческих научных работ, где они занимают, как правило, первые места, к участию в лингвистических научных обществах, викторинах и т.д.

Этому способствует деятельность открытых в 2008 учебном году при кафедре кабинета им. академика Н.К. Дмитриева и Лаборатории по изучению лингвокультурного пространства РБ.

Кафедра общего языкознания – это дружный коллектив преподавателей, сплоченных единой целью – содействовать в обеспечении качественной подготовки высококвалифицированных и востребованных на рынке труда филологов-преподавателей, бакалавров, магистров и специалистов высшей квалификации – кандидатов и докторов филологических наук.

Ключевой проблемой деятельности кафедры является осмысление роли гуманитарной составляющей в современном образовательном процессе, в современной межкультурной коммуникации.

Воспитывая в юной смене патриотизм и любовь к родному языку и литературе, коллектив КОЯ ни в коей мере не допускает принижения и ущемления национальных интересов и чувств всех народов России и мира, более 130 из которых представлены и в Башкирии. Более того, проект кафедры «Миноритарные языки Башкортостана (кряшенский, латышский и иные)» вошёл в Государственную научно-техническую программу РБ под эгидой национальной Академии наук.

Литература

1. Сравните: Первый толковый Большой энциклопедический словарь. – СПб.; М.: Рипол-Норинт, 2006. – С. 901.
2. Смотрите подробнее об этом: Контактология / Составители Т.М. Гарипов и О.В. Ерёмина. – Уфа: БГПУ, 2006. – 8 с.
3. К примеру, – Капишева Т.Ю.: 1) Сопоставительный словарь фразеологических картин мира (на материале русских, немецких и латинских фитонимов). – Уфа: Вагант, 2009. – 180 с.; 2) Опыт сопоставления структурно-семантических и когнитивных категорий в русской и немецкой фитонимной фразеологии (Монография). – Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2010. – 132 с.; 3) Русские и немецкие фитонимы в образно-фразеологическом переосмыслении / Составители Т.М. Гарипов и Т.Ю. Капишева. – Уфа: Вагант, 2010. – 64 с.
4. Детальнее об этом: Гарипов Т.М. Семиречие Башкортостана: Семязычный словарь (Русско-башкирско-татарско-турецко-арабско-персидско-венгерский). – Уфа, 1998. – 92 с.

5. Все перечисленные разряды этнических и искусственных (так называемых «плановых») языков отражены в кафедральных изданиях: Языки народов Республики Башкортостан. – Уфа, 2000. – 88 с.; То же / Составитель Т.М. Гарипов. – Уфа: БГПУ, 2006. – 8 с.; и других.
6. Ниже приводится алфавитный перечень названий книг, входящих в серию, но не упомянутых в тексте подлежащей статьи: Ваškirica (2004); Краткий русско-башкирский словарь иноязычных заимствований (2005 и 2006); Ориенталика (1998); Тюркология (2010); Четырёхязычный словарь-минимум: Англо-Башкирско-Русско-Татарский (1998); Эволюция звукосоостава русских корневых слов (1996); Этимология (2006).
7. Обобщённые наименования курсов: Древние языки / Старославянский язык; История лингвистических исследований; История русского языка; Контактология; Латинский язык; ЛингвоКраеведение; ЛингвоПоэтика; Основы текстологии; Русская диалектология; Русский язык и культура речи (для всех факультетов, институтов и специальностей БГПУ); Стилистика и культура речи; Стилистика русского языка; Теория языка (для I и IV-V курсов); Типы мотивированности языковых единиц; Филологический анализ текста; Филологический анализ художественного текста; Языки народов РБ.
8. Воспроизводится по: Гарипов Т.М. «Тюрко-Славика» в «Слове о полку Игореве» // Вестник ВЭГУ. – Уфа. – № 3. – С. 43-47.
9. Борохов Э. Энциклопедия афоризмов. – М.: АСТ, 2003. – С. 675.
10. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков.. – М.: Наука, 1971. – С. 103.

Л.Л. Аюпова (докт. филол. наук, проф. Башгосуниверситета),
Э.А. Салихова (докт. филол. наук, проф. УГАТУ,
Башкортостан, г. Уфа)

К ПРОБЛЕМЕ ИСЧЕЗАЮЩИХ ЯЗЫКОВ

В 1991 году Американское Лингвистическое Общество организовало в рамках своей 65-й ежегодной конференции специальный симпозиум по проблеме языков, находящихся в опасности. Материалы этого симпозиума были опубликованы в 1992 году в журнале «Language» (Vol. 68, № 1). С тех пор количество публикаций по этой проблеме постоянно растет.

Исследователь М. Краусс выделяет три категории языков: *умирающие* (moribund), *находящиеся в опасности* (endangered) и *находящиеся в безопасности* (safe) [Бахтин 2001]. К первым он относит те языки, которые уже перестали выучиваться детьми как родные. В опасности, по его схеме, находятся те языки, которые, если сохранятся существующие условия, не будут выучиваться детьми как родные в следующем столетии. Наконец, безопасные языки — это те, относительно которых нет сомнений, что дети будут выучивать их как родные в обозримом будущем.

Серьезность этой проблемы может быть проиллюстрирована следующими цифрами [Языки народов России 2002]. По разным

источникам, в мире насчитывается от 6000 до 6500 языков; подсчет, естественно, затруднен прежде всего отсутствием надежных данных, а кроме того, неясностью границы язык-диалект. Большинство лингвистов считают сейчас число в 6000 наиболее близким к реальности.

Распределение этих языков неравномерно: в Европе и на Ближнем Востоке вместе – всего 275 (4 %), в обеих Америках – 900 (15 %) языков; оставшийся 81 % языков мира приходится на Африку (1900) и Азию с Тихим океаном (3000).

Согласно прогнозу М. Краусса, если темпы исчезновения языков сохранятся, то через сто лет из 6000 языков на Земле останется 600, т.е. 90 % языков мира будут утрачены безвозвратно. Одной из причин быстрого исчезновения языка является целенаправленная государственная политика. Казалось бы, сохранение языков в «безопасной» группе может быть результатом специальной «позитивной» политики государств. Однако в мировом масштабе этот фактор, даже если такая политика и будет повсеместно принята, не сможет оказать большого влияния на ситуацию по той причине, что государство поддерживает, как правило, государственный язык, – а в мире на 6000 языков приходится всего около 170 государств, и в 45 из них государственным, официально поддерживаемым языком является английский, в 30 – французский, в 20 – испанский, еще в 20 – арабский и в 6 – португальский. Таким образом, лишь примерно 50 из 6000 мировых языков (в оставшихся 50 государствах) могут рассчитывать на государственную поддержку [Крысин 1994, 68].

Процессы языкового сдвига идут повсеместно, число языков на Земле сокращается. Однако ситуация языкового сдвига далеко не однозначна: это не однонаправленный процесс, когда малые языки последовательно, с той или иной скоростью вытесняются большими. У процесса есть и противоположный вектор: так называемая *языковая устойчивость*. Выбор языковой общностью того или иного направления развития (в сторону сдвига или в сторону сохранения языка) зависит от *этноязыковой жизнеспособности*.

Этот подход впервые наметился в середине 1970-х годов. Этноязыковая жизнеспособность описывается с помощью трех независимых, но связанных измерений, или социолингвистических переменных: *статус*, *демография* и *институциональная поддержка* [Казакевич 1996, 159]. Статус включает престижность группы в обществе, престижность ее языка в обществе и относительный достаток группы; демография – абсолютное число членов группы, рождаемость, экзо- или эндогамные браки, иммиграционное или эмиграционное поведение группы; к институциональной поддержке относятся средства массовой информации, образование, деятельность правительства, культурная деятельность, степень контроля группы над политическими и

финансовыми обстоятельствами.

Группе не обязательно иметь высокие показатели по всем трем параметрам, чтобы чувствовать себя в безопасности. Большие или меньшие шансы выжить имеет группа с высокой суммарной этноязыковой жизнеспособностью.

Выделяют *объективную* и *субъективную* этноязыковую жизнеспособность: первая может быть измерена с помощью демографических справочников, публикаций и описаний. Из двух типов этноязыковой жизнеспособности субъективная оказалась значительно полезнее как инструмент исследования. Она иногда оказывается близка к той, которая вычислена «объективными методами», но это не обязательно: в межгрупповые отношения группа вступает именно как носитель субъективной этноязыковой жизнеспособности. Вторую этноязыковую жизнеспособность иногда называют «воспринимаемая» [Крысин 1989].

Утверждения, что язык той или иной малочисленной этнической группы находится на грани исчезновения, давно уже стали привычными. Они повторяются из работы в работу на протяжении последних ста лет: аналогичными пессимистическими прогнозами изобилуют публикации конца XIX-начала XX века.

В 1860-е годы, в своей книге, посвященной путешествию в северо-восточную Якутию, Г. Майдель писал о нескольких забывших свой родной язык семьях юкагиров рек Большой и Малый Анной, полностью перенявших язык и образ жизни русских. Через 40 лет, в 1900 году, В. Иохельсон писал о юкагирах тех же мест, что через несколько десятков лет их язык может исчезнуть, а само племя прекратит существование, частично вымерев, а частично растворившись в окрестных племенах. Еще через 80 лет, в конце 1980-х, Е. Маслова отмечает, опираясь на полевые данные 1987-91 гг., что большинство юкагиров старшей возрастной группы владеет двумя или тремя языками, причем первым является юкагирский. Среди тундреных юкагиров эта группа составляет около 20 %, среди колымских – около 10 %. Причем для следующей возрастной группы на первое место выходит русский и/или якутский [Данеш, Чмейркова 1994].

В течение 120 лет ситуация с юкагирами и юкагирским языком, как ее видят и описывают исследователи, остается примерно одинаковой. То же писали и о других народах Севера, и о коренных народах других частей света – Африки, Австралии, Северной и Южной Америки [Казакевич 1994]. Настойчивые пророчества вырождения и гибели народов, их языков и культур звучат постоянно, однако культуры и языки оказываются гораздо более устойчивыми, чем ожидалось. Ученые вынуждены постоянно «опровергать» своих предшественников и самих себя, уточнять пессимистические прогнозы.

Несмотря на то, что существует множество надежно

документированных фактов языковой смерти, имеются и обратные примеры: языки, считавшиеся умершими, оказываются живы.

Причинами языковой устойчивости являются следующие (по: [Крысин 1994]).

1) *Сознательные усилия по сохранению языка.* Люди, говорящие на языке, способны активно реагировать на процессы, происходящие с их языком. За каждой неудавшейся попыткой усиления этнолингвистического регулирования, т.е. попыткой укрепить позиции того или иного языка, скрывается множество мелких локальных удач и достижений. Проблема утраты языка, удачи или неудачи мер по его сохранению должна рассматриваться не в абсолютных терминах (победа-поражение), а в относительных: сохранены или восстановлены отдельные функциональные области языка, решены ли локальные задачи. Эти усилия могут быть коллективными (например, учителя-энтузиасты изменили по собственному почину программу школьного преподавания и начали с успехом учить детей языку); они могут быть и индивидуальными (например, в семье родители или бабушка могут сознательно принять решение говорить с детьми на родном языке). Такие усилия, со стороны почти незаметные, могут надолго продлить жизнь языка.

2) *Ошибка в оценке состояния языка.* Оценка состояния языка строится на наблюдениях, а также далеко не в последнюю очередь на свидетельствах самих его носителей. Часто бывает, что даже среднее поколение утверждает, что «они забыли язык»; но через несколько лет, когда эти люди оказываются старшим поколением, выясняется, что они вполне способны объясняться на данном языке. Возникает впечатление, что в какой-то момент у старшего поколения на фоне общего для данного языкового коллектива языкового сдвига появляется своеобразная «регрессия», возврат к коммуникации на родном языке, который они, казалось бы, давно забыли.

Регрессивное движение старшего поколения к консервативным, этнически специфичным формам духовной культуры известно: в какой-то момент человек начинает испытывать потребность в традиции, в соблюдении старых обрядов, начинает чувствовать себя «носителем традиции» – даже если он никогда прежде не задумывался о подобных вещах. Дело в том, что человек занимает некоторую освободившуюся «поколенческую» культурную нишу: окружающие начинают ожидать от него знания традиции, и он, естественно, старается соответствовать ожиданиям. Сходный процесс, хотя это и может показаться не столь очевидным, происходит и с языком. Одна из причин этого, видимо, лежит в своеобразно меняющемся с возрастом отношении человека к своей собственной языковой компетенции и в изменении оценки («изменении ожидания») со стороны окружающих.

В ситуации, когда один язык достаточно быстро уступает место

другому, существуют универсальные правила «взаимного ожидания» того, какой язык окажется доминантным для данной возрастной группы. В этой ситуации естественно, что каждое следующее поколение говорит на родном языке хуже, чем предыдущее, причем этот факт осознается обоими поколениями – например, самым старшим (А) и следующим за ним (Б). Поколение Б всегда знает, что говорит хуже, чем это в принципе возможно, – и поэтому старается говорить поменьше, в особенности при «стариках». Сравнивая себя с поколением А, это поколение утверждает, что говорит на языке плохо, – и то же самое скажет о нем любой член общины: всем известно, что существует более богатый и «правильный» язык, чем тот, на котором может говорить поколение Б.

Но когда поколение А сходит со сцены, поколение Б автоматически становится лучшим знатоком родного языка – просто потому, что лучше них никого нет. Языковая компетенция этого поколения в общем-то всегда была достаточна для нормальной коммуникации на данном языке; она была «ущербной» только в сравнении с компетенцией предыдущего поколения, да и то не в силу реальной ущербности, а главным образом из-за психологических барьеров. Теперь же гнет психологического «комплекса лингвистической неполноценности», из-за которого поколение Б всю жизнь стеснялось говорить на родном языке, опасаясь быть осмеянным, оказывается снятым – и выясняется, что его языковая компетенция достаточно велика.

Конечно, объективно этот язык отличается от языка ушедшего поколения, однако этим слегка изменившимся языком поколение Б будет владеть совершенно свободно. Механизм регрессивного восстановления языка у старшего поколения может действовать лишь при условии, что язык усвоен этим поколением в младенчестве. Такой язык, даже будучи вытеснен в пассивную зону, при благоприятных обстоятельствах может восстановиться. Этот механизм не может действовать бесконечно, однако его наличие существенно продлевает жизнь любого языка, даже если на первый взгляд этот язык находится «на грани исчезновения».

3) *Несовпадение объема понятий «исчезновение языка» для внешнего и внутреннего наблюдателя.* Значение самого слова «исчезновение» понимается разными людьми по-разному. Приведенный выше парадоксальный пример регрессивного восстановления языка у старшего поколения можно объяснить тем, что лингвисты и этнографы, описывающие некоторую ситуацию, невольно путают два понятия: *умирание языка* и культуры и *трансформацию языка и культуры*. Здесь методологически важно отказаться от взгляда на язык и культуру как на конгломерат «старых» (этнических, нормальных, правильных) и «новых» (чужих, заимствованных, посторонних) элементов и рассматривать их как постоянно подвергающиеся трансформации. Следует говорить о континууме, в любой точке которого существует сочетание

«традиционных» (этнических) и «новых» (привнесенных) элементов.

Ни один язык и никакая культура никогда не находятся в статическом и изолированном состоянии; процесс трансформации идет постоянно, он является характеристикой любого языка и любой культуры.

Литература

1. Бахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига. – СПб, 2001.
2. Данеш Ф., Чмейркова С. Экология языка малого народа // Язык, культура, этнос. – М., 1994. – С. 27-39.
3. Казакевич О.А. Языковая ситуация у коренных малочисленных народов Туруханского района: кеты и селькупы // Язык в контексте общественного развития. – М.: Институт языкознания РАН, 1994. – С. 110-123.
4. Казакевич О.А. Языки малочисленных народов России // Человек, 1996. – Вып. 4. – С. 149-161.
5. Крысин Л.П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность. – М., 1989. – С. 78-86.
6. Крысин Л.П. Владение языком: лингвистический и социокультурный аспекты // Язык, культура, этнос. – М., 1994. – С. 66-78.
7. Языки народов России. – М.: Институт языкознания РАН, 2002.

*Т.Е. Баженова (канд. филол. наук, доц. ПГСГА,
Россия, г. Самара)*

НАИМЕНОВАНИЯ КОНОПЛИ И ЕЁ РАЗНОВИДНОСТЕЙ В САМАРСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Одним из актуальных направлений диалектной лексикологии является изучение лексики растительного мира. В исследованиях создателей лексических карт и региональных словарей диалектным фитонимам уделяется большое внимание [Войтенко 1997; Барабина, Зиброва 1998; Алешина 2000; Брысина 2005; Колокольцева, Кудряшова 2003, 2005, 2006, 2007; Жмурко 2008]. Народные названия растений часто отражают различные стороны жизни человека, распространение отдельных видов, связанные с ними обычаи, поэтому собиране и изучение фитонимов способствует изучению целостной языковой картины мира.

Составителями карт для лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ) замечено, что лексика, связанная с выращиванием конопли и производством из неё волокна, имеет широкое распространение, поскольку лет 60-70 назад эта культура имела большое хозяйственное значение в жизни сельских жителей. Применительно к Самарской области этот языковой материал обобщению не подвергался. Настоящая статья представляет собой попытку восполнить этот пробел.

Наша работа заключалась в обобщении накопленных за несколько десятилетий материалов по 136 нас. пп. Самарской области. В нашем распоряжении были ответы на вопрос №179 Программы для составления

Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ): «*Как у вас называется мужская особь конопли: посконь, замашки, дёрганцы...?*». Кроме этого, привлекались материалы последних лет, собранные с использованием программы ЛАРНГ, а также личные записи тестов диалектной речи, сделанные в экспедициях 1990-х годов.

Диалектные варианты отмечаются в самарских говорах повсеместно, даже в условиях отсутствия реалии. Для общего обозначения конопли на территории Самарской области используются следующие наименования: **конопля́**, **конопéль**, **коноплí**, **конопí**. Кроме прямого ответа на поставленный вопрос о том, как называется конопля и её разновидности, в материалах собирателей содержатся и другие сведения о составе данной ЛСГ: общее название данного растения, наименования мужской и женской разновидностей конопли, приводятся обозначения волокна, приготовленного из конопли для прядения, а также холста, получаемого из этого волокна.

Приведем соответствующие иллюстрации.

*Раньше сеили **кьнаплю**, сейчас нет надьбньсти; ткали из льну, с **кьнапели** (Мосты Пестравского р-на); Тут **кьнапли** бывальь – боизнь хадить (Преображенка Исаклинского р-на); **Кьнапля** эть **кьнаплёю**, а поскънь атраждаецць ат этих **кьнапель** (Новый Кувак Шенталинского р-на); Раньше **кьнапель** рос кругом (Дубовый Умёт Волжского р-на); **Кьнопли** выбирать (Подьячевка Шигонского р-на); А тауды **кьнапи** пряли (Покровка Борского р-на); *Поскънь эта апылитель, вот была раньше кьнапля (Криволучье-Ивановка Красноармейского р-на).**

Самой распространенной номинацией растения является общерусское слово **конопля́**, применяемое и как общее наименование, и как обозначение мужской или женской особи конопли. Оно зафиксировано в 105 селах. Лексико-грамматические варианты **конопéль**, **коноплí** встречаются реже (соответственно в 11 и 10 нас. пп.), но также не имеют четких ареальных характеристик. Нужно отметить, что слово **конопéль** в наших говорах может относиться как к мужскому, так и к женскому роду (см. примеры выше). Существительные pl. tantum **коноплí** и **конопí** фиксируются обычно наряду с **конопля́** или **конопéль** и употребляются для обозначения совокупности как множества (ср.: *овсы, всходы, хлеба* и т.п.). Например:

*Эть семя сеиш, радяцца вот такая вот, ну скажъм, **кьнаплí**... Патом эти **кьнапли** мы после выбираем, их малотим, эту семя адбираем, а эти **кьнапли** в речку мочим. Вот кагда мы её [посконь] дёргъм, ис **кьнаплéй**, ходим, у ей смян нь бываѣтъ (Новый Кувак Шенталинского р-на); **Кьнапи** если урадяцца, вырьстуть – поскънь дёргъть, в ней нет зярна (Богдановка Нефтегорского р-на).*

Общее наименование растения и обозначения мужской и женской разновидности конопли обычно в говорах разграничиваются, хотя

существуют и такие говоры, в которых подобного разграничения не наблюдается. В этом случае при ответе на вопрос №179 фиксируется только один вариант – **конопля** (9 нас.пп. из 136). В подавляющем большинстве говоров сохраняются слова, служащие специальным обозначением мужской разновидности конопли, которая использовалась для изготовления волокна, кудели для пряжи (127 нас.пп). Данную группу составляют собственно лексические диалектные варианты: **пóскóнь, замáшки, мочíнец, мочéнец, бра́ник, дёрганцы**.

См. соответствующие примеры:

Пóскóнь – кънапля бис семьчик (Самовольно-Ивановка Алексеевского р-на); **Пóскóнь** – мушка кънапля (Борское Борского р-на); **Паскóнь**, у энтьй нету апыления (Морша Большеглушицкого р-на); **Замáшки** выбиришь, кънаплí-ть этъ пянькí. **Замáшки** стелют на выуъни, ис семя масль били, из **мачéнцьф** вирёфки вили (Большая Лозовка Сергиевского р-на); Иной раз **бра́нику** мноуъ бываить (Новый Камелик Большечерниговского р-на).

Женская особь растения, которая использовалась в качестве семян и для приготовления масла, в наших говорах, как правило, не имеет номинации. Для её обозначения в говорах используется общее наименование растения. Ср.: **Кънопéль** остаёцца до осини, вот поскань, эта бес семя, её намного раньше бёрут и стелют на залогы (Суринское Шигонского р-на); **Поскóнь** сьмяноф ф себе ни имеит, jíё фпирёт **кънапли** выбирают (Новомихайловка Безенчукского р-на); **Какая нъзываецца поскóнь, ана тонинькая, а мякчи – кънапи** (Новый Кувак Шенталинского р-на).

В обозначении разновидностей конопли доминирует вариант **пóсконь**, который зафиксирован в 117 нас.пп. с севернорусскими (владими́ро-поволжскими), южнорусскими и среднерусскими акающими говорами различного происхождения. В 4 нас.пп. отмечено слово **замашки**, остальные можно считать единичными фиксациями. Интересно отметить, что все варианты наименований мужской разновидности конопли, кроме основного **пóсконь**, встречаются только в южнорусских говорах. Акцентологический вариант **поскóнь** отмечается также спорадически на юге области – в южнорусском говоре села Морша Большеглушицкого района и в среднерусском на южнорусской основе говоре села Давыдовка Приволжского района (зафиксировано в картотеке ЛАРНГ). Диалектная приуроченность наименований мужской разновидности конопли соответствует той, которая наблюдается на территории, картографированной ЛАРНГ [Колокольцева, Кудряшова, 2007, 126-127].

Среди единичных вариантов выделяется номинация мужской особи конопли **бра́ник**. Это редкое слово отсутствует не только в картотеке ЛАРНГ, но и в Словаре русских народных говоров. В СРНГ находится зафиксированный в калужских говорах вариант **бра́нец**, синоним слова

посконь [СРНГ, 3, 149]. Любопытно, что вариант *браник* зафиксирован на нашей территории в двух селах, Большой Дергуновке Большеглушицкого района и Новом Камелике Большечерниговского района, связанных друг с другом своим происхождением. Прозрачность внутренней формы данного слова (*посконь* не убирали, а брали; очевидна связь со словом *бранный*, т.е. 'посконный') и его закрепленность за южнорусскими говорами свидетельствуют в пользу неслучайности данной фиксации.

Номинации *посконь*, *мочёнец* (*мочинец*) и *замашки* обычно являются не только фитонимами, но и служат специальными обозначениями посконного (конопляного) волокна, пряжи и холста. Возможно, в этом случае мы имеем дело с производными по смежности наименованиями. При картографировании данного явления необходимо учитывать имеющиеся примеры словоупотребления.

Некоторые из фитонимов, обозначающие мужскую разновидность конопли, например, *моченец*, *дёрганцы*, *браник*, обладают достаточно прозрачной внутренней формой, в которой нашли отражение не морфологические признаки растения, а разные этапы обработки конопли. Это ещё раз подтверждает большое хозяйственное значение данной культуры.

Подведем итоги наблюдений.

Материал показывает, что диалектные наименования конопли и её разновидностей проявляют высокую степень сохранности, характерную для тех фитонимов, которые служат в диалектах обозначением культурных растений, имевших особое значение в жизни русского человека. Этим обусловлена и та незначительная вариативность, которая наблюдается в наименованиях растения в целом и его разновидностей.

В распределении типологических признаков в наименованиях конопли и её разновидностей самарские позднепереселенческие говоры обнаруживают очевидное сходство с говорами центральных территорий России.

Литература

1. Алешина Л.М. Наименования женской особи конопли в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования – 2000. – СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2003. – С. 136-139.
2. Барабина М.Н., Зиброва Т.Ф. Обозначение реалий растительного мира в лесной полосе Самарского края (в сопоставлении с говорами степной зоны) // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования – 1998. – СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2001. – С. 54-58.
3. Брысина Е.В. Варианты наименований душистой травы в русских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2005. – СПб.: Наука, 2005. – С. 186-192.
4. Войтенко А.Ф. Лексические различия на территории Московской области (лексикографическая, лексикологическая и лингвогеографическая характеристика): автореферат ... докт. филол. наук. – М.: МПУ, 1997.

5. Жмурко О.И. Отражение народной картины мира в идеографическом словаре (на материале словаря говоров Ивановской области «Лексика природы») // Русское слово: литературный язык и народные говоры. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. – С. 128-134.
6. Колокольцева Т.Н., Кудряшова Р.И. Варианты наименований растения *василёк* в русских говорах (лингвогеографический аспект) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2000. – СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2003. – С. 65-73.
7. Колокольцева Т.Н., Кудряшова Р.И. Варианты наименования растения *клевер* в русских говорах (лингвогеографический аспект) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006. – СПб.: Наука, 2006. – С. 110-118.
8. Колокольцева Т.Н., Кудряшова Р.И. Наименования растения *конопля* в русских говорах (по материалам Лексического атласа русских народных говоров) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. Ч.1. – СПб.: Наука, 2007. – С. 123-131.
9. Кудряшова Р.И., Колокольцева Т.Н. Варианты наименований растения *колокольчик* в русских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2005. – СПб.: Наука, 2005. – С. 177-186.

Словари

1. Словарь русских народных говоров. Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – М.-Л.: Наука, ИЛИ РАН, 1965-2010. – Вып. 1-43.

А.М. Боровикова (*студентка 2 курса специальности «теоретическая и прикладная лингвистика» Гуманитарного факультета Саратовской государственной академии права*)

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В ЗЕРКАЛЕ СМИ. ЖАРГОНЫ В РЕКЛАМЕ

Средства массовой информации сейчас во многом определяют языковую, социально-психологическую и культурную ситуации в обществе. Информирова человека о состоянии мира и заполняя его досуг, СМИ оказывают влияние на весь строй его мышления, акцентируют внимание на определенных объектах. Они в большой степени определяют тип культуры сегодняшнего дня.

Язык СМИ – это одна из основных форм языкового существования.

С одной стороны, язык массовой коммуникации по-своему обогащает литературный язык, насыщает его оценочными оборотами, формирует содержательную, полную, афористическую речь. С другой стороны, нельзя не отметить негативной роли языка некоторых СМИ, изобилующего частыми отступлениями от нормы, постоянно наводняющего речь жаргонизмами и иноязычными словами. Именно в СМИ происходят активные процессы изменения языковой нормы русского языка.

Нередко в целях привлечения большего внимания к объекту рекламы, язык СМИ использует жаргоны.

В словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой дается следующее определение понятию «жаргон»: Жаргон – язык, состоящий из более или менее произвольно выбираемых, видоизменяемых и сочетаемых элементов одного или нескольких естественных языков и применяемый (обычно в устном общении) отдельной социальной группой с целью языкового обособления, отделения от остальной части данной языковой общности, иногда в криптолалических целях.

Жаргоны, как уже было сказано, часто используются в рекламе, направленной на людей разного возраста.

Но особую активность жаргонизмов следует отметить в социальной рекламе, рассчитанной на молодежь. Так, на фестивале социальной рекламы в Москве в 2003 г. была представлена серия плакатов «Наркотики?». Авторы Е. Павловская, С. Редин, Г. Чернова пытались дать объяснение, что это такое:

1) «...ну это полный улёт...» – изображение птицы – «Этой курице расправили крылья и послали в последний путь. Так и с наркотиками: ты теряешь голову, но тебе кажется, что у тебя появились крылья. Помни: это твой безвозвратный «улет».

2) «...ну это типа круто...» – изображение треснутого куриного яйца – «Яйцо, сваренное вкрутую, легко очистить...Так и с наркотиками: первую дозу тебе дадут бесплатно, чтобы ты почувствовал себя крутым. После этого наркоторговцы начнут сдирать с тебя шкуру...».

Но естественно, что данная реклама имеет не только достоинства, но и недостатки. Они связаны со шрифтовым оформлением, которое подобрано не совсем удачно. Ведь намеренное выделение ключевых слов несомненно устанавливает незримую связь между словом «наркотики» и часто употребляемым сейчас модным жаргоном. Ну а кому из современных подростков не хочется казаться «крутым, клевым, прикольным»?

Наиболее часто молодежные жаргонизмы встречаются в рекламе продуктов питания, а особенно в рекламе батончиков и конфет («Сникерс», «M&Ms») и весьма популярных у подростков напитков («Дью», «Пепси», «Кока-кола»):

«Сникерс»: «Не тормози, сникерсни!» (Тормозить – 1) останавливаться; 2) не понимать, не догадываться, отупевать, обалдевать).

Конфеты «M&Ms»: «Суперупаковка – веселая тусовка!». Молодежное слово «тусовка» следует понимать как «мероприятие, собрание, предполагающее неформальное общение». Помимо того сленг трактуется и как «компания, группа людей, объединенных общими интересами, возрастом, каким-либо делом»; «место

тусовок, сбора молодежи»; «какое-либо коллективное увеселительное мероприятие, вечеринка».

Что касается техники: Фотоаппарат «Кодак КЕ»: «Закадри». В жаргонном слове «закадри» графически выделен формант «кадр», являющийся связующим звеном между самим рекламируемым товаром и слоганом. «Закадрить» – привлечь чье-либо внимание, познакомиться с кем-либо.

Все чаще встречаются примеры рекламы с использованием слов, образов, запрещенных ФЗ о рекламе («NIKE PRO. Секретное оружие спортсмена» – Упоминание слова «оружие» в рекламе по ФЗ о рекламе недопустимо), нецензурной игры слов или оскорбительных высказываний («Купите жене в подарок уют и ваши тещи получают по чайнику – БЕСПЛАТНО», «Опт твою мать, вот это цены!»). Нередко можно столкнуться с примерами **неэтичной рекламы (рассовая дискриминация: «Они будут работать как негры. РТИ из Балаково на все узлы и агрегаты автомобилей КАМАЗ и МАЗ лучшее соотношение цена&качество»)** и т.п.

Встречаются даже случаи, когда банк использует жаргоны в рекламе в целях привлечения клиентов. Недавно жители Екатеринбурга были крайне удивлены и в то же время обеспокоены неэтичной рекламой «СКБ-банка», в которой присутствовала фраза «Очкуешь, товарищ?». Давний клиент банка СКБ (малый бизнес) признался в том, что после появления рекламы «Очкуешь, товарищ?» стало противно заходить в офис банка. На это заявление председатель правления «СКБ-банка» В. Пухов ответил: «во-первых, наша реклама никого не оскорбляет и не унижает. Использование же просторечий и жаргонизмов в повседневной жизни, рекламе – явление достаточно обыденное, тем более что в данном конкретном случае – и оправданное. Надеюсь, все понимают, что слово «очкуешь» произносится в контексте «боишься» и не может никого обидеть. <...> С другой стороны, герои всенародно любимого сериала «Наша Russia» из серии в серию употребляют данный термин – и никому в голову не приходит назвать его оскорбительным. В конечном итоге все зависит от индивидуального восприятия. «Наша Russia» имеет максимальные ТВ-рейтинги, так же как и наша реклама – максимальные отклики, в Екатеринбурге, как минимум».

Таким образом, рассмотрев использование жаргонизмов в материалах рекламных сообщений, мы пришли к выводу, что использование жаргонной лексики в рекламе чрезвычайно велико и уровень использования повышается из года в год. Жаргоны позволяют сообщению обрести необычную форму, повышая тем самым интерес к нему. Ведь известно, что чем больше уровень экспрессивности рекламы, чем больше она нарушает принятые коммуникативные нормы, тем активнее она привлекает внимание целевой аудитории. Чаще используются

молодёжные жаргоны, а также встречаются и жаргоны преступного мира, стремительно проникающие в молодёжный сленг и становящиеся нормой употребления в этой среде.

Е.С. Волова (студентка СФ ПГУ им. М.В. Ломоносова,
г. Северодвинск, Россия),
Л.А. Савелова (докт. филол. наук, доц. СФ ПГУ
им. М.В. Ломоносова, г. Северодвинск, Россия)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ

Грамматические особенности в системе глагола, характеризующие территориальные диалекты русского языка, на сегодняшний день получили разностороннее описание, в том числе на материале говоров Архангельской области [Гецова, Ильинская 2002; Закревская 2004; Пак 1993; Пожарицкая 1996 и др.], что, тем не менее, не исключает необходимости продолжения исследований в этом направлении.

В рамках данной статьи рассматриваются некоторые из тех диалектных особенностей образования и употребления глагольных форм, которые свойственны народным говорам в их современном состоянии, не имеют заметных возрастных ограничений в использовании и могут проникать в просторечие, в его региональный вариант.

Материалом исследования послужили результаты наблюдений над спонтанной речью диалектоносителей, записанной в полевых условиях в различных районах Архангельской области (Вельском, Верхнетоемском, Каргопольском, Приморском) в период 2005-2010 гг.

Диалектные отличия в глагольном формообразовании проявляются на разных уровнях: в образовании конкретных форм (членов глагольной парадигмы), в образовании видовых пар, на уровне глагольных формообразующих основ.

Инфинитив в современных архангельских говорах маркируют как общерусские суффиксы *-ть, -ти, ъ (-чь)*, так и диалектный *-чи*. *на́до всё пе́кчи са́мим, я и остри́кци-то ла́дом не уми́ю; помо́ги берё́ме вы́воло́кци из-под уго́рья, ба́пке-то са́мой уж нека́к не вы́воло́кчи тут, заво́локчи́-то не мо́жет во́локом, а не то́ нести*. Присоединение *-чи* к основе с конечным заднеязычным согласным не является узколокализованным, формы типа *стри́гчи, испе́кчи, помо́гчи* возможны в городском просторечии.

Диалектные особенности частично затрагивают также систему форм времени. В речи современных носителей диалекта употребляется форма давнопрошедшего времени, но она невысокоочастотна (ср., в связи с этим иные данные в [Пожарицкая 1996, 270]): *бы́л оди́н конди́тером рабо́тал;*

воённые были жили; перестройка [дома] была конечно мне хорошо дала; весь потолок-то был протёк тогда у тех ишо хозяев, а лонь мы дефка были от ходили на службу. Служебный элемент *быть*, как показывает материал, сочетается с глаголами как несовершенного, так и совершенного вида. Формы сложного прошедшего времени в анализируемых говорах передают преимущественно первое из двух основных значений, названных авторами «Очерков морфологии русских говоров»: «1) значение действия, отделенного от момента речи значительным промежутком <...>.; 2) значение действия, предшествующего другому действию, также отнесенному к прошлому» [Бромлей, Булатова 1972, 128-129]. В последнем из приведенных выше примеров конструкция имеет значение «разрыва с настоящим, отделенности от настоящего, неактуальности результата действия для момента речи» [Пожарицкая 1996, 274].

В архангельских говорах расширен сравнительно с литературным языком круг двувидовых глагольных лексем. Как двувидовые функционируют, к примеру, следующие глаголы: *ходила сегодня в церковь, исповедалась* ‘исповедывалась’; *раньше и хлеб хорошо родилсе* ‘рождался (давал урожай)’. Глаголы, употребленные в приведенных контекстах в значении имперфектива, обычно передают значение совершенного вида.

Возможно, пересечение словоизменительных парадигм глаголов несовершенного и совершенного вида *дать – давать* и их производных в формах 2 и 3 лица множественного числа, ср. *продадите* ‘продаете’ и ‘продадите’, *продають* ‘продают’ и ‘продадут’: *умру, дак продають дом, всё растаишат*. Встречаются случаи образования форм глаголов несовершенного вида с использованием основ совершенного вида: с *кортóфелем пролаживають, а в промежках ещё крупú какую положат*. Ср. литературную форму *прокладывают*.

Часть глаголов имеет особенности фонетико-морфонологического характера, проявляющиеся на уровне чередований звуков и их сочетаний, что приводит к изменениям в морфологической структуре глагольных основ и образуемых от них форм: *жгёт, жыганёт* ‘обожжет’, *жгали, зажгало, напекём, запряжут, спру* ‘столкну’, *припамнивайу, здавашь, сымал, сынут, подымат, заподымались, подыну, растаиват, оставаице, продават, заставаице, доганиват, испортена, назавожено* ‘заведено’ (от *завести* в значении ‘приобрести, обзавестись’), *роскатю, бежу, повыганивала*. Некоторые из подобных форм употребляются в просторечии (*жгёт, пекем, выгонили* и т.д.). Одним из многочисленных примеров диалектного отличия в распределении глаголов по формообразовательным классам может служить слово *жалиться* ‘жаловаться’: *она мне жалилась севодня, что болеет* – в говорах глагол 5 продуктивного класса (ср. *жалятся* ‘жалуются’).

Для архангельских говоров по-прежнему характерны стяженные формы глаголов в настоящем и простом будущем времени с ударением как на корне, так и на тематическом гласном основы. Стяжению подвергается в основном звуко сочетание *-айе-*: *бегам, бегат, выпадыват, доганиват, досаливашь, зарабатыват, знашь, качам, качашь, кончат, напугаш, одевашь, переменяшь, пехашь, похрапыват, прибегат, слезат, читат, отдыхашь* и т.д.; реже *-ейе-* *умет* 'умеет', *запрет* 'запрет'. Это касается глаголов первого типа спряжения, словоизменительная парадигма которых, таким образом, имеет специфику сравнительно с общерусским вариантом.

Возвратные глаголы включают в свой состав диалектный постфикс *-се*: *задавимсе, не возрадуессе, не заступилсе, минуетсе, смеяласе, окутаессе, осталосе, розругалисе, ругаимсе, сделаетсе*. Это явление, равно как и предыдущее, широко распространено на территории севернорусского наречия и является интегративным для системы архангельских говоров признаком, ср. [Гецова 1997, 143]. Однако данные явления, несмотря на их распространенность в диалектной системе, не становятся активным элементом просторечия.

Важной составляющей глагольной системы исследуемых говоров являются итеративные глаголы (*знавала, не важивалась, не видывала, не говаривала, не едали, не нашивала, не хаживали* и т.д.), которые в большинстве случаев употребляются в отрицательных конструкциях в форме прошедшего времени: *я тепёрь ба́ню-то ско́лько годо́в не та́пливала*. Возможно употребление итератива без отрицания: *в зе́ркало сма́тривали и / а быва́ло в зе́ркало смотре́ли, два раз жа́нивалсе, молоко́ би́рывала, е́жжывала я по́ рас туды́, пра́бывала нанас́ э́тот, бо́льше не хо́ю*. На функционально-конструктивные особенности итеративных глаголов в архангельских говорах, проявляющиеся, во-первых, в преобладании форм прошедшего времени при существенно более низкой частотности форм инфинитива, причастий прошедшего времени и единичности форм настоящего / простого будущего времени, во-вторых, в частотности показателей отрицания при данных глаголах указывает М.К. Пак [Пак 1993, 4]. Категориальные лексико-грамматические значения, которые заложены в самом глаголе, эксплицируются благодаря синтагматическим свойствам итеративов, допускающих присоединение различных лексических показателей кратности, временной отнесенности действия. В целом глаголы данного класса в говорах проявляют разную степень активности, и, несмотря на то, что в ряде из них образованием итеративных форм охвачен большой круг глаголов, в просторечии данное явление активности не обнаруживает.

Мы обозначили только некоторые актуальные для современных архангельских говоров грамматические особенности глагола, оставив за рамками рассмотрения вопросы формализации значений способов действия, выражения категории переходности/непереходности,

образования неспрягаемых форм и др. Однако приведенные материалы, на наш взгляд, показательны в отношении избирательности участков взаимодействия диалектной и просторечной форм общения в области использования нелитературных глагольных форм.

Литература

1. Бромлей С.В., Булатова Л.Н. Очерки морфологии русских говоров. – М., 1972.
2. Гецова О.Г., Ильинская Н.Г. Типология различий общерусского глагола в системах диалекта и литературного языка // Материалы и исследования по русской диалектологии. – Вып. I (VII) / отв. ред. Л.Л. Касаткин. – М., 2002. – С. 207-230.
3. Закревская В.А. Некоторые особенности употребления приставочных глаголов совершенного вида в диалектной речи (на материале архангельских говоров) // Материалы и исследования по русской диалектологии. – Вып. II (VIII) / отв. ред. Л.Л. Касаткин. – М., 2004. – С. 148-158.
4. Гецова О.Г. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: История и современность. – М., 1997. С. 138-197.
5. Пак М.К. Многократные глаголы в архангельских говорах. Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1993.
6. Пожарицкая С.К. Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1991–1993. – М., 1996. – С. 268-279.

*Т.А. Волынкина (аспирант кафедры русского языка СФ ПГУ
им. М.В. Ломоносова, г. Северодвинск)*

ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НАРЕЧНЫХ ЦВЕТОНОМИНАЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Наречия как признаковые слова включаются в систему языковых средств обозначения цвета. Особый интерес к ее изучению со стороны лингвистов, по словам А.П. Василевича, обусловлен тем, что «заманчиво описывать те лексические группы, которые представимы как системы. При достаточно строгом подходе к определению самого понятия «системно организованное множество», по-настоящему структурированной оказывается лишь незначительная часть лексики. Типичным примером такого множества как раз и является система цветообозначений» [Василевич 2007, 5].

Несмотря на то, что наречная лексика занимает в этой системе не центральное место, описание наречий, обозначающих цвет и оттенки цвета, в качестве самостоятельного объекта исследования представляется актуальным. Следует подчеркнуть, что адвербиальные единицы играют значительную роль в передаче различных степеней интенсивности цвета и его оттенков.

Предметом анализа в настоящей работе являются особенности словообразования наречий со значением цвета, таких как *бело, черным-черно, досиня, исчерна, вкрасне, впрожелть, голубовато, чернешенько* и др.

Все наречия, имеющие отношение к системе цветообозначений, представляют собой производные единицы, мотиваторами которых выступают соответствующие цветковые прилагательные. Отадъективный характер словопроизводства обеспечивает формальное единство рассматриваемого класса наречий. В свою очередь, структурное разнообразие единиц данного класса определяется способами и средствами словообразования, которые служат четким основанием для формальной группировки наречий со значением цвета.

В системе словообразования наречных цветономинаций представлены два типа дериватов – синтаксические и морфологические.

Синтаксической деривации в системе русского наречия принадлежит очень важное место, что связано прежде всего с высокой продуктивностью и многочисленностью отадъективных наречий на *-о (-е)* [РГ 1980, 396]. Таким наречиям присуще транспозиционное словообразовательное значение. Указанные единицы совмещают в своем значении присущее мотивирующему прилагательному значение цветового признака со значением наречия как части речи.

Соответственно, первую группу в составе наречий со значением цвета образуют синтаксические дериваты с суффиксом *-о (-е)*. Это наречия типа *черно, бело, красно, синё (сине), серо, желто* и др. Например: *Луна яркая, снега невиданные завалили город по самые окна, бело и сине* (А.Н. Толстой).

Следует отметить, что продуктивность этого типа словопроизводства в системе наречных цветообозначений имеет существенные ограничения как функционального, так и системного плана. Во-первых, основной сферой функционирования подобных наречий являются художественные тексты, в других разновидностях речи они менее востребованы. Во-вторых, далеко не все прилагательные, называющие цвет, включены в данный вид транспозиционного словообразования. Так, не образуются наречия от прилагательных с ограниченными возможностями цветовой характеристики предметов, например, называющих масти лошадей (*буланный, вороной, пегий*) или цвет волос, глаз (*русый, карий*) и т.д. Преодоление этих ограничений приводит к образованию окказионализмов.

Необходимо упомянуть, что в системе адвербиальных цветоименований синтаксические дериваты с суффиксом *-о(-е)* производятся также от основ «причастий с адъективным значением, обозначая процессуальный признак, характеризующийся тем или иным отношением к действию. Особенно употребительны наречия, мотивированные действительными причастиями настоящего времени» [РГ

1980, 396]. Возможности функционирования таких наречий конструктивно ограничены сочетаниями с адъективной лексикой, например: *Так же на белюще-разостланных грузинских палатках лежат мертвые со сложенными руками, и истерически бьются женщины, рвут на себе волосы, – другие женщины, не те, что прошлый раз* (А.С. Серафимович); *Гардения – высота растения 80-90см, цветки кремово-белые или розовеюще-белые при роспуске с нежным ароматом.*

В морфологическом словопроизводстве наречных цветообозначений задействованы суффиксальный и префиксально-суффиксальный способы.

Среди суффиксальных производных можно обозначить несколько подгрупп наречных цветоименований.

О первой подгруппе таких производных можно говорить только условно, поскольку она представлена лексически несамостоятельными единицами с суффиксом **-ым**. Это такие формы, как *белым-(бело)*, *черным-(черно)*. Названные наречия обозначают тот же цветовой признак, что и мотивирующее прилагательное, но с оттенком усиления. Такие формы употребляются только препозитивно рядом с формами мотивирующих прилагательных (преимущественно краткими) или с наречиями на **-о**, мотивированными теми же прилагательными. Например: *Зеленым-зелена трава, желтым-желты свежие смолистые бревна* (Ю. Нагибин). Продуктивность типа ограничена образованиями от исконно русских качественных прилагательных; преимущественная сфера употребления – тексты, ориентированные на старую народную речь и фольклор [РГ 1980, 397].

Вторую подгруппу лексических дериватов представляют производные с суффиксом **-овато**: *серовато, розовато, желтовато, зеленовато-голубой, коричневат-оранжевый* и др. Указанные наречия мотивируются наречиями с суффиксом **-о**, который отсекается, и имеют модификационное значение слабой степени признака, названного мотивирующим словом. Указанные единицы функционируют в речи и самостоятельно, и препозитивно рядом с прилагательными, обозначающими (чаще всего) цветовой признак. Тип является продуктивным. Например: *По утрам Катина комната будет полна нежного желтовато-розового сияния, а к вечеру, на закате, начнет наполняться багрово-охристыми тонами...* (Т. Тренина); *Там горели торшеры, были окна, где голубовато пульсировали телеэкраны* (Д. Гранин).

Следующую подгруппу образуют наречия с суффиксом **-енько/-онько** (*беленько, серенько, голубенько, желтенько*), мотивированные наречиями с суффиксом **-о**. Данные производные обозначают некоторое усиление признака с различными экспрессивными оттенками [РГ 1980, 399]. Например: *Не хотим мы этого... нам и без кабаков жёлтенько живётся* (М. Горький); *Эйнштейна не было – был Исмаилов (юноша в тубетейке черненько улыбался где-то на фоне...* (А. Битов) и др.

Употребляются как самостоятельные лексические единицы, а также в составе сложных прилагательных. Тип продуктивный. Данные экспрессивные образования характерны для художественной и разговорной речи.

Лексические дериваты с суффиксом, представленным вариантами *-охонько/-ошенько*, составляют следующую подгруппу, они мотивируются наречиями с суффиксом *-о*, который отсекается, и имеют усилительно-ласкательное значение признака, названного мотивирующим словом [РГ 1980, 297]. Это такие производные, как *белехонько, краснехонько, чернешенько* и др. Например: *Оба напряженно внимали, личико что у того, что у другого – белехонько* (Е. Лукин); *Проснулась Азея, открыла глаза – синешенько: утро, да и только* (В. Переводчиков). Слова этого типа принадлежат к устарелой разговорной лексике. Продуктивность типа ограничивается образованиями от исконно русских качественных прилагательных, характерными для народно-поэтической речи и фольклора.

Среди префиксально-суффиксальных наречных цветономинаций также выделяются несколько подгрупп производных.

К области лексической деривации относятся отадъективные наречные цветообозначения, образованные по следующим моделям.

Во-первых, это наречия, производимые с помощью префикса *до-* и суффикса *-а*, орфографически также *-я*, обозначают предельность, доведенность до признака, названного мотивирующим словом. Это такие единицы, как *добела, досиня, дожелта*. Например: *Лукахин с коротким мычанием выдохнул воздух: – И сильны вы характером! Поправив на голове выгоревший дозелена картуз, стал рассказывать...* (И. Гергенрёдер). Необходимо отметить, что не все прилагательные, называющие цвет, включены в данный вид словообразования.

Во-вторых, достаточно большую подгруппу составляют наречия, образованные по модели *из-...-а (ис-...-я)*, обозначают оттенок цветового признака и функционируют как самостоятельные единицы и как препозитивно закрепленные (чаще всего) рядом с прилагательными, преимущественно обозначающими цвет. Например: *исчерна, изжелта-красный, иссера-голубой, иссиза-голубой* и др. *На коротеньких прямых веточках висели ягоды голубики – яркого синего цвета, сморщенные, как пустой кожаный кошелёк, но хранившие в себе тёмный, иссиня-черный сок неизреченного вкуса* (В.Т. Шаламов). Данный тип словообразования адвербиальных цветообозначений весьма продуктивен в художественной речи.

В территориальных диалектах употребляются наречия с аналогичным словообразовательным значением, построенные по модели *с-...-а (сголуба́, скрасна́, сбела́ и т.п.)*. Их отличие от литературного языка состоит в том, что в говорах они функционируют как лексически

самостоятельные единицы. Например: *Карой конь, он счерна и маленько скрасна смотрит* (СРНГ); *Ситчик – земля черна и сголуба цветами, такой красивый* (СРНГ).

Префиксация в соединении с нулевой суффиксацией служит для образования наречных цветономинаций по модели **впро-...-ø** (*впросинь, впрожелть, впрозелень, впрочернь, впрозолоть* и др.). Подобные производные мотивированы прилагательными со значением цветового признака и имеют значение ‘с оттенком в другой цвет, с примесью цвета’. Например: *Глебов любил эту маленькую, калачиком гнутую старушонку с седым впрожелть, аккуратным пучочком на затылке, с дробным, желтоватым личиком, всегда она колготилась по дому, возилась, шаркала, сновала туда-сюда* (Ю. Трифонов). Названные наречия больше востребованы в художественной речи, чем в других функциональных вариантах языка.

Следует отметить, что адвербиальная лексика со значением цвета и оттенков цвета функционирует не только в художественной и разговорной речи, территориальных диалектах, но и в сленге. «Образование наречий в сленге в значительной своей части детерминировано высокой продуктивностью общезыковых моделей наречного словопроизводства» [Савелова 2009, 115], но для этой формы языка наречия со значением цвета не характерны, отдельные лексемы, если и употребляются, то в переосмысленном виде. Это такие единицы, как *фиолетово, по-зеленому, вчерняк* и др. Например: *От того, что будет про меня говорить типичный москвич, мне абсолютно «фиолетово»* (Е. Семенова); *Самолеты на базе попереломаны вчерняк* (Интернет-форум).

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что адвербиальная лексика, занимая не центральное место в системе цветономинаций русского языка, тем не менее, играет заметную роль в обозначении оттенков, насыщенности, яркости, тонов цвета. Словопроизводство наречий со значением цвета происходит путем синтаксической и морфологической деривации. Наречия образуются суффиксальным и префиксально-суффиксальным способами с помощью различных формантов. Наиболее продуктивны типы образования наречий с помощью суффиксов **-о, -овато, -енько**, а также наречные цветономинация, построенные по модели **из-...-а**. Этим производным присуще как транспозиционное словообразовательное значение, так и различные модификационные значения – стилистические, эмоционально-экспрессивные, степени качества. Наречные цветономинации функционируют, преимущественно, в художественной речи; в разговорной речи, в территориальных диалектах они менее востребованы, а для сленга такие единицы не характерны, и употребляются в переосмысленном виде.

Литература

1. Земская Е.А. Современный русский язык: словообразование: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов / Е.А. Земская. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
2. Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ / ред. А.П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – 316 с.
3. Русская грамматика: в 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980.
4. Савелова Л.А. Аспекты прагмасемантического описания системы русского наречия: монография / Л.А. Савелова; Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: Поморский университет, 2009. – 262 с.

С.А. Губанов (канд. филол. наук, ст. преподаватель НОУ ВПО «Международный институт рынка», г. Самара)

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ М. ЦВЕТАЕВОЙ (ЭПИТЕТ И ПРОПОЗИЦИЯ)

Эмоциональная составляющая творчества М. Цветаевой является определяющей чертой всего ее творчества. Категоризация эмоций в атрибутивном аспекте представлена различными смысловыми блоками-концептосферами сферы-мишени – это человек, мир природы и мир артефактов. В поле нашего внимания попадает самый частотный по употребительный в составе эпитетов и одна из центральных констант творчества М. Цветаевой – *дом*.

Дом – это прежде всего строение; внутреннее, обжитое человеком пространство мира, это своё, безопасное место. Дом – организующий центр мира в русской культуре. В русском языковом сознании сосуществуют несколько значений и смыслов слова *дом*: приоритетным является представление о родном доме (кров, очаг, изба, хата).

Образная параллель *дом – человек* является для русской поэзии традиционной. Так, Н.А. Кожевникова акцентирует внимание на уподоблении по линии сходства внешнего или функционального в данной параллели, говоря о дроблении в широком круге образов сравнения, где отношения могут быть не прояснены, выражая «общее впечатление от строения или от его части». [Кожевникова 1991, 74]. Дом – ценностная «рубрика мира», воплощение уюта, тепла, любви [Маслова 2002].

Дом, базовый для творчества М. Цветаевой смысл, представлен 198 случаями употребления различных лексем, репрезентирующих данный концепт. В системе ценностей М. Цветаевой дом – кров, откуда человек вышел, последняя опора в жизни, убежище (*Дом, который не страшен в час народных расправ*). Этот дом может быть *знатным, радостным, недобрым, замороженным, тревожным*.

Приведем состав эпитетов с именем концепта «дом»: *грустный* (12), *сонный* (8), а также единично представленные *безглазый, замороженный, знатный, невеселый, невозвращенный, недобрый, немыслящийся*,

радостный, радушный, сгорбленный, скрывающийся, тревожный, угрюмый и др.

Как мы смогли убедиться, логика языка позволяет расщеплять целостную духовную и физическую личность человека на ипостаси – части, моделируя космос психической жизни человека. Данная тенденция настолько последовательна, что ее можно проследить и на образных определениях при именах концепта «дом».

Дом в поэзии М. Цветаевой наделяется свойствами живого существа в целом, и, автоматически, любая его часть осмысливается как орган человеческого тела. Вектор переноса устойчив (ср. *дружить домами*), един для переноса названия, признака и способов интерпретации (к примеру, глаза устойчиво ассоциируются с окнами, спина со стенами и т. д.):

Как из хаты той безглазой... [Цветаева, т.3: 308]; *Ваш шаг в мой недобрый дом...* [Цветаева, т.1: 249]; *И слова из сгорбленной хаты: // «Простите меня, мои реки!»* [1: 401]; *Дом...// скрывающийся между лип* [Цветаева, т.2: 295]; *Чтите мой угрюмый грот (= дом)* [Цветаева, т.3: 27]; *Засады казенных // Немыслящихся домов* [Цветаева, т.1: 560]; *Из дома сонного иду – прочь* [Цветаева, т.1: 282]; *И каждый нес свою тревогу // В наш без того тревожный дом* [Цветаева, т.1: 103]; *Видно, отроком в невеселый дом завела подруга* [Цветаева, т.1: 227]; *Смерть – это так: // Недостроенный дом, // Невозвращенный* [Цветаева, т.1: 277].

Негативная семантика в приведенных примерах и в текстах в целом преобладает в силу того, что дом предстает в поэзии М. Цветаевой чаще как предмет воспоминаний, которые тесно связаны с бытовой неустроенностью.

Материал дает возможность говорить о том, что поэт многогранно осмысливает дом, уподобляя его человеку, людям, населяющим его. Перед нами словно кинематографический кадр: необходимое именно в данный момент свойство дома выходит на первый план. Это может быть дом, существующий лишь в мыслях, в воображении (*немыслящийся*) или дом, воспринятый визуально (*скрывающийся, безглазый*), либо передается ощущение от пребывания в доме/ людей в доме (*радушный, угрюмый*). Все характеристики дома антропоморфны, что позволяет говорить о метонимической природе эпитетов, определяющих данный концепт.

Справедливо считается, что в поэзии М. Цветаевой два дома – дом земной и дом небесный [Гаспаров 1992]. Через данный концепт поэт определяет не только своё пространство, но и свой духовный мир, собственную сущность. Пространство дома расширяется у него до масштабов Москвы и страны: *Москва! Какой огромный // Странноприимный дом!*

Дом в поэзии М. Цветаевой наделяется свойствами живого существа в целом, и любая его часть последовательно осмысливается как орган

человеческого тела. Вектор переноса устойчив: с человека на артефакт, един для переноса названия, признака и способов интерпретации концепта:

– дом – метонимическое обозначение людей, находящихся в нем: *Из дома сонного иду – прочь* [Цветаева, т.1: 282]; *И каждый нес свою тревогу // В наш без того тревожный дом* [Цветаева, т.1: 103]; *Дом ... по-медвежьи – радушен* [Цветаева, т.3: 748]; *Редкий случай радостного дома...* [Цветаева, т.7: 243]; *Наш знатный дом* [1: 205];

– дом, осмысляемый в качестве живого существа: *Дом...// скрывающийся между лип* [Цветаева, т.2: 295]; *Чтите мой утрюмый грот (= дом)* [Цветаева, т.3: 27]; *В замороженный, невозвратный // Наш старый дом...* [Цветаева, т.3: 14]; *Засады казенных // Немыслящихся домов* [1: 560]; *Видно, отроком в невеселый дом завела подруга* [Цветаева, т.1: 227].

Другие части дома олицетворяются также по метонимической логике, но это не исключает метафоры, так как метонимия существует на уровне вектора переноса, а метафора преобладает в осмыслении выражения. Например: *Бездушен отзавтракавший стол* [Цветаева, т.4: 126]; *Бродят шаги в опечаленной зале* [Цветаева, т.1: 122]; *И дробным рокотом под подушкой // Рокочет ярая колотушка* [Цветаева, т.1: 285]; *... и лепет // Больших башмаков по хриплым половицам* [Цветаева, т.1: 508]; *То зелень старого стекла, // сто лет глядящегося в сад* [Цветаева, т.2:295]; *Стекло, с полок бережных ...* [Цветаева, т.3: 561]; *Голая, как феллах, // дверь делала стойку* [Цветаева, т.3: 576]. Ср. На полках хранятся книги, хранилище книг → бережные полки.

Особо следует сказать об авторском концепте *лестница*; употребляется этот субстантив в одноименной поэме – «Лестница». Эпитеты к данному концепту подбираются поэтом по принципу пропозиции – путем конструирования потенциальных, ситуативных слов, близких к окказионализмам: *щипкая, шлепкая, хлопкая, капкая, дрожкая* (по аналогии с уже имеющимися определениями с тем же суффиксом -к: *чуткая, хлипкая, шаткая*):

Короткая ласка // На лестнице тряской [Цветаева, т.3: 576]; *Короткая схватка // На лестнице шаткой, // На лестнице падкой* [Цветаева, т.3: 576]; *Короткая шутка // На лестнице чуткой, // На лестнице гудкой* [Цветаева, т.3: 576]; *От грешного к грешной // На лестнице спешной* [Цветаева, т.3: 576]; *Короткая сшибка // На лестнице щипкой, // На лестнице сыпкой – // Как скрипка, как сопка, // Как нотная стопка.* [Цветаева, т.3: 576]; *Короткая встрепка // На лестнице шлепкой, // На лестнице хлопкой* [Цветаева, т.3: 576]; *Владельца в охалку – // По лестнице капкой, // По лестнице хлипкой* [Цветаева, т.3: 576]; *Последняя взбежка // По лестнице дрожкой* [Цветаева, т.3: 576].

Рефрен с эпитетом *короткий*, содержащий также короткие слова с суффиксом -к, используется поэтом с целью передать дискретность пространства лестницы, ее прерывистость, опасность, шаткость.

Диалог искусства и природы, искусственного и естественного, – источник творческой интенции. Это отражается в слове, оживляющем неживые вещи. Перед нами перенос с живого дерева на предметы, сотворенные человеком.

Литература

1. Гаспаров М.Л. «Поэма Воздуха» М.Цветаевой: опыт интерпретации // Труды по знаковым системам. – Тарту. – 1982. – Вып. 576. – С. 122-140.
2. Кожевникова Н.А. Образная параллель «строение – человек» в русской литературе XIX – XX вв. // Художественный текст: единицы и уровни организации. – Омск: Изд-во Омского университета, 1991. – С. 69-85.
3. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – М.: Наука, 2002. – 220 с.
4. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. / М.И. Цветаева; [вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина]. – М.: Эллис – Лак, 1994.

Р.Р. Данилова (*канд. филол. наук, преподаватель НФ Поволжской ГАФКСиТ, Татарстан, г. Набережные Челны*)

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ В ЛИНГВИСТИКЕ

Проблема явления оценки издавна привлекала внимание исследователей во многих областях человеческого общения. Ни одно понятие не находит в языке такого разнообразия классификаций, таких разнохарактерных подходов к анализу, такого множества трактовок и такой блистательной плеяды исследователей в истории лингвистических учений от античности до современности, как оценка [Маркелова 1995, 67]. Широкий функциональный диапазон и сложное отражение оценки языковой структурой представляет одновременно и интерес, и сложность для исследования.

Структура оценки представлена следующими основными элементами: субъектом оценки, объектом оценки и оценочным предикатом. Основные элементы структуры оценки с точки зрения языка соответствуют элементам логической структуры оценки. Структура оценки предполагает наличие обязательных и факультативных элементов. К факультативным элементам оценочной структуры относят аксиологические предикаты мнения, ощущения, восприятия, а также мотивировки, классификаторы, различные средства интенсификации и деинтенсификации [Вольф 2002, 12-13].

Представляется необходимым различать понятия субъект оценки и субъект речи. Субъект оценки – лицо, часть социума или социум, эксплицитно или имплицитно выраженные, с точки зрения которых даётся индивидуальная или коллективная оценка. Субъект оценки, квалифицируя предметы, явления, события, выражает своё отношение к оцениваемому предмету. Оценка, выраженная субъектом, не претендует на

универсальность. То, что хорошо для одного субъекта, может быть плохим для другого. Поэтому необходима релятивизация оценки, то есть указание на то, кому она принадлежит [Ивин 1970, 21].

Под субъектом речи понимают говорящего или пишущего. Субъект оценки и субъект речи могут совпадать и не совпадать. Экспликация субъекта оценки, выражающего собственное или чужое мнение, способствует субъективизации оценки. Объективизация оценки может иметь место при отсутствии экспликации субъекта оценки и субъекта речи и указывает на общепринятые стереотипы. Экспликация субъекта оценки достигается при прямом указании на лицо (по-моему, по его мнению и т. д.), при помощи фраз с пропозициональными глаголами (полагать, считать, казаться и т. д.), неопределённо-личных конструкций. Указание на субъект оценки делает оценочное суждение не столь категоричным и допускает существование иных стереотипов восприятия. Имплицитный субъект оценки прослеживается на уровне текста с учётом его структурных, семантических, содержательных особенностей и выходит за рамки лингвистического анализа. С точки зрения семантики, оценочные суждения предполагают сложное взаимодействие субъективного (оценочного) и объективного (дескриптивного) факторов. Субъективный момент оценки проявляется уже в том, что оценка даётся на основе выбора одного из признаков, характерных для сравниваемых объектов. Объективность проявляется в ориентации на определённую шкалу и стереотипы [Вольф 2002, 23, 70, 74].

Под сравниваемыми объектами подразумевают объекты, которым приписываются сопоставляемые качества, свойства, ценности. Предмет обладает совокупностью свойств, каждое из которых может стать предметом оценки. Момент субъективности присущ сравнительной оценке, поскольку сравнение происходит на основе одного из свойств объекта. Сравнение может осуществляться на основе разных свойств, что может привести к иной оценке. Под основанием сравнения понимается общее свойство (или совокупность свойств), благодаря которому два объекта могут вступать в компаративные отношения. Основание сравнения не всегда находит явное выражение в виду эллиптичности оценочных суждений. Из позитивной или негативной оценки не всегда бывает ясно, что послужило основанием данной оценки. Исходная оценка «X лучше Y» требует уточнения, что приводит к новой оценке: «X лучше Y, потому что X превосходит Y по какому-либо свойству со знаком «+»». Превосходство одного предмета над другим является превосходством в ценности [Ивин 1970, 28].

Вопреки распространённой точке зрения о необходимости наличия общего признака для вступления предметов в компаративные отношения, в языке существуют иные примеры таких отношений. Существует понятие об однородных и неоднородных (разнородных) признаках. Однородные

признаки выражаются при помощи градационных форм одноимённых качественных прилагательных, при помощи качественных имён прилагательных, связанных синонимическими (идеографические синонимы) и антонимическими отношениями. Неоднородные признаки выражаются при помощи разных прилагательных, не вступающих в отношения антонимии и синонимии. Например:

– экватив: Он столь же умён, сколь (ты) красив;

– компаратив: Он более (больше) умён, чем красив (чем ты);

– суперлатив: Он самый умный из всех красивых. Объекты, подверженные сравнению, являются носителями обоих признаков (красивый, умный), которые проявляются с разной степенью интенсивности. Градационные отношения устанавливаются между степенями проявления неоднородных признаков [Воротников 1999, 119].

Часто оценочные суждения не совпадают. Это происходит из-за преломления представления о «картине мира» разных субъектов. Конфликт оценочных суждений связан с аксиологическими стереотипами восприятия.

Он может иметь место в следующих случаях:

1) мнение одного субъекта отличается от мнения другого;

2) мнения субъекта речи и субъекта оценки не совпадают;

3) основанием сравнения являются разные признаки предметов.

Природа оценочных высказываний разнообразна. Существуют прямой и косвенный способы выражения оценки. Прямая оценка выражается при помощи общеоценочных слов «хороший», «плохой» и их синонимами. Косвенная оценка выражается при помощи разных средств: субъективной оценки (здоровый, здоровенький, здоровый-прездоровый, здоровенный), метафоры, иронии, прагматической рамки высказывания. По характеру выражения оценки различают абсолютную и сравнительную оценку. Абсолютная и сравнительная оценка находятся на пересечении категорий «качество» и «количество». Абсолютная оценка выражает степень проявления признака качества по отношению к типичной норме проявления этого признака. Сравнительная оценка выражает степень проявления признака качества по отношению к степени проявления этого признака у объекта сравнения. Абсолютная и сравнительная оценка устанавливают отношения равенства и неравенства. Отношение равенства реализуется в нормативном значении (термин Ю.Л. Воротникова – сочетание кванторов нормативности нормально, средне и т.д. с позитивом) и в эквативном значении (сочетание прономинальных слов типа такой, так, столь же и т.п. с соотносительными с ними словами типа как, сколько и т.п.). Отношение неравенства реализуется в инфериорном и супериорном значениях. $X > Y$ означает то же самое, что и $Y < X$. $X > Y$ и $X < Y$ являются конверсивами и определены в терминах друг друга. В языке абсолютная оценка представлена категорией

интенсивности/ градуальности, а релятивная оценка – категорией степеней сравнения. Пограничным явлением в системе абсолютной и релятивной оценки является элатив, проблему которого в настоящий период нельзя назвать разрешённой.

Оценка выражается при помощи разных частей речи. В оценочных суждениях именам прилагательным отводится видное место как категории, в семантике которой есть дескриптивный, оценочный и оценочно-дескриптивный компонент. Имена прилагательные незаменимы во всех функциональных стилях. Выразительный потенциал имён прилагательных максимально реализуется в разговорной речи, в художественной и общественно-политической литературе. Имена прилагательные выполняют не только информативную, но и эстетическую функцию [Голуб 2001, 241].

Меткая характеристика и оценка проявляются в умении подобрать подходящее имя прилагательное. Особый интерес представляют качественные прилагательные. Семантика качественных имён прилагательных включает в себя разные оценочные значения. Целая палитра смысловых оттенков позволяет выразить своё отношение к предмету.

Релятивные степени качества имён прилагательных могут отражать объективные параметры окружающего нас мира и выражать субъективное отношение говорящего к сообщаемому. Они относятся к обширной области оценочных суждений и являются одним из многочисленных способов выражения оценки.

Литература

1. Бартон В.И. Сравнение как средство познания. – Мн.: Изд-во БГУ, 1978.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – изд. 2-е, доп. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.
3. Воротников Ю.Л. Степени качества в современном русском языке. – М.: Азбуковник, 1999.
4. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – 3-е изд., испр. – М.: Рольф, 2001.
5. Ивин А.А. Основания логики оценок. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970.
6. Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке // Филологические науки. Министерство общего и профессионального образования Российской Федерации. – М., 1995. – №3. – С. 67-79.

Р.Р. Данилова (*канд. филол. наук, преподаватель НФ Поволжской ГАФКСиТ, Татарстан, г. Набережные Челны*)

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ КОНЦЕПТА
«СЕРДЦЕ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ ТАТАРСКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ
(ПО ДАННЫМ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО
ЭКСПЕРИМЕНТА)**

Концептуальный анализ языка развивается в контексте стремления современной лексической семантики как можно более полно очертить сферу значения отдельного слова. Это приводит к необходимости описать не только собственно лексическую семантику, но и коннотативную, охватывающую сферу различных «созначений» (символических, культурологических, энциклопедических и др.) [Бижева 2000, 34]. Исследование структуры и содержания концепта включает и анализ ассоциаций, возникающих у носителей определенной лингвокультуры в связи с данным концептом. В.Г. Гак определяет лексическое значение слова как «совокупность понятийного ядра и прагматических коннотаций» [Гак 1998, 262]. Таким образом, значение слова опирается на объективные свойства предмета и специфику его восприятия.

В нашем исследовании мы отталкиваемся от следующих положений. Для каждого языка, воплощающего в себе те или иные установки этнической культуры, характерно возникновение специфических созначений – этнокультурных коннотаций [Когнитивно-дискурсивные аспекты лингвокультурологии 2004, 61].

Коннотативный компонент значения слова, наравне с другими единицами лингвокультурологического моделирования, способен прояснить национально-культурную специфику языкового явления. Он создается несущественными с точки зрения логики, но устойчивыми признаками, имеющими отсылку к особенностям лингвокультурной общности, в форме ассоциативно-образного представления о фрагменте действительности. В нем заключено эмотивно-оценочное отношение к объекту, которое предопределяется эталонами и нормами поведения, свойственными лингвокультурной общности [Петелина 2004, 5].

Ассоциативный эксперимент дает возможность определения эмоционально-оценочного компонента слова, а значит и национально-культурной специфики образов сознания носителей разных языков. В ходе анализа данных социолингвистического опроса «вырисовывается» системность знаний, определяемая этническими стереотипами поведения носителей той или иной культуры [Гарипова 2007, 96]. Данный психолингвистический метод позволяет получить материал, отражающий наивную языковую картину мира, от самих носителей языка и культуры. Результаты, полученные в ходе эксперимента, имеют большое значение и для межкультурных исследований в условиях двуязычия.

Появление термина «ассоциация» в научной парадигме связано с именем Дж. Локка. При описании возникновения «ложных идей» и предрассудков ученый полагал, что, благодаря образованию сложных идей с помощью ассоциаций, появляются произвольные объединения идей.

О роли вербальных ассоциаций говорили и ученые Казанской лингвистической школы. К примеру, Н.В. Крушевский в «Очерке науки о языке» (1960) описывал овладение словарным составом языка через

ассоциативные связи данного слова. Ученый отмечал важную роль ассоциативного подхода к проблеме значения. Слово одновременно подчиняется лингвистическим и психическим законам, поскольку мир слов соответствует миру мыслей, а в мире мыслей действует закон ассоциаций [Крушевский 1960, 252-258].

Свободный ассоциативный эксперимент является одним из вариантов ассоциативного эксперимента (кроме цепного и направленного). Он проводится на большом количестве испытуемых (не менее 100). В ходе нашего исследования нами были опрошены мужчины и женщины разных возрастов (от 15 до 84 лет) и профессий (учащиеся колледжей, студенты различных вузов и факультетов, учителя, ученые разных областей науки, журналисты, рабочие, домохозяйки, пенсионеры и др.). Общее количество респондентов – носителей татарского языка составило 346 человек. Эксперимент проводился в письменной коллективной и индивидуальной устной формах. Во время процедуры эксперимента участники получали необходимые указания, им были объяснены цели и требования проводимого опроса. Работа носит комплексный (количественный, учитывающий уровень стереотипных ассоциаций, количество разных реакций на слово-стимул; качественный, заключающийся, прежде всего, в реконструкции структуры ассоциативного поля) и направленный характер, т.е. респондентам была предложена анкета, состоящая из трех вопросов («Сердце – это ...», «Сердце какое?», «Что делает сердце?»).

Общие признаки реализации концепта «сердце» в татарской языковой картине мира

Реакция 1. В понимании лексемы «йөрәк» у носителей татарского языка наблюдаются следующие признаки.

Из проведенного нами эксперимента видно, что в сознании татар *сердце* прежде всего предстает как *мир чувств* (40,8 %). Данную семантическую группу носители языка представили словами *любовь, символ любви, ненависть, предчувствие, валентинка*. Последнюю реакцию мы включили в данную группу, поскольку этот символ является выражением чувств человека (любви, симпатии и т.п.). Реакция *ненависть* является единственной отрицательной коннотацией исследуемого концепта и составляет всего 0,6 % от общего числа респондентов.

На втором месте выделяется семантическая группа, тождественная прямому значению исследуемого концепта (28,6 %). Носители татарского языка данную группу представили словами *орган человека, кусок мяса, кровообращение, орган, заставляющий человека жить, самая важная часть организма, центр организма, пульс, здоровье, жизнь*.

На третьем месте – семантическая группа «*Душа*» (14,5 %). Респонденты ассоциируют сердце с *душой, духом, частью души, внутренним миром*.

Часть опрошенных ассоциирует *сердце* с живым существом: *человек* и *ребенок*. Данный факт в очередной раз подтверждает мысль о том, что сердце играет большую роль в жизни человека, оно не просто обеспечивает жизнедеятельность всего организма, но и представляется в роли самого человека.

Словарное значение «*центр, середина чего-либо*» представлено 1,2 % опрошенных.

Далее следуют реакции, которые рождают некоторые трудности в определении их в ту или иную семантическую группу. 2,6 % участников эксперимента представляют сердце *часами*, 2 % относятся к нему как к подарку *Всевышнего*; 0,9 % – *чуду, волшебству*, 0,6 % – затруднились выделить доминирующий признак данного слова и обозначили его обтекаемо: как *самая дорогая вещь*; другие 0,6 % обозначили сердце *местом* (возможно, имелось в виду словарное значение – место на левой стороне груди, где находится данный орган).

В целом, *сердце* в сознании носителей татарского языка конкретно представляется как символ любви, человеческий орган, и связан он с миром чувств.

Реакция 2. Носители татарского языка в первую очередь характеризуют *сердце* по цвету и связывают данный признак с прямым значением лексемы: ответ *красное* стал наиболее частотным (8,7 % от общего числа респондентов). На втором месте – ответ *влюбленное* – 8,1 %, данная реакция связана с состоянием человека и характеризуется как положительная оценка концепта «*сердце*». Третье место принадлежит ответам *больное* – 5,5 % и *настоящее* – 5,5 %: как видим, реакции связаны как с прямым значением (отрицательная оценка), так и переносным (положительная оценка).

Распределив полученные реакции по группам признаков, мы обнаружили следующее: носители татарского языка прежде всего характеризуют *сердце*, подразумевая конкретное состояние человека (37,6%). Среди ответов: *больное, пустое, влюбленное, душевное, здоровое, живое, бьющееся, бесчувственное, чувственное, разбитое, любящее*.

Далее следуют признаки, объединенные в группу «*Качественная характеристика*» (26,4 %). Среди ответов: *открытое, смелое, отважное, храброе, страстное, пылкое, задорное, чистое, смелое, решительное, строгое, суровое, искреннее, чистое, настоящее*.

Температура и цвет сердца волнуют 11,6 % (*теплое, горячее, холодное, замерзшее, мерзлое*) и 10,1 % (*красное, разноцветное*) респондентов соответственно.

4 % опрошенных отметили так называемый «материал» *сердца* (*золотое, каменное*), отмечая тем самым душевные качества человека: доброту и бессердечие соответственно.

Для 2,6 % респондентов оказалась важным принадлежность *сердца* матери и родителям.

Реакция 3. Мы целенаправленно не стали объединять полученные результаты в семантические группы, поскольку отдельные ответы могут одновременно относиться к нескольким из них (например, реакция *болит*, *беспокоит* и т.п. – участники эксперимента не конкретизировали причину возникновения боли, беспокойства в сердце; на наш взгляд, эти ощущения могут быть вызваны не только физической болью, но и свидетельствовать о сильном переживании человека).

Проведенный эксперимент показывает, что *сердце* в сознании татар выполняет действие, связанное прежде всего с прямым назначением сердца как органа: реакция *колет* стала наиболее частотной – 8,7 %. На втором месте – реакция, которая может быть связана как с прямым, так и переносным значением исследуемого концепта: *бьется*, *стучит* – 7,8 %. На третьем месте – реакция *чувствует* – 6,4 %.

В целом, реакции респондентов связаны со всеми сферами жизни человека: эмоционально-чувственной, духовной, нравственной, религиозной и несут в себе как положительную (в большинстве случаев), так и отрицательную оценку.

Литература

1. Бижева З.Х. Язык и культура. – Нальчик: Изд-во Каб.-Балк. ун-та, 2000. – 47 с.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 763 с.
3. Гарипова Л.Р. Концепты татарской языковой картины мира: репрезентации в лексеме «денья»: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2007. – 198 с.
4. Когнитивно-дискурсивные аспекты лингвокультурологии: коллективная монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – 255 с.
5. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке // История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение, 1960. – Ч. 1. – С. 252-258.
6. Петелина Ю.Н. Концепт «торг» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 16 с.

Г.А. Дегтярёв (канд. филол. наук, вед. науч. сотр. ЧГИГН,
Чувашия, г. Чебоксары)

А.Е. Романов (преп. Чебоксар. электромех. колледжа,
Чувашия, г. Чебоксары)

НАЦИОНАЛЬНОЕ БОЕВОЕ ИСКУССТВО (ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Инициатива создания чувашского искусства боя (*сапӑсу ӳнерӗ*) связана с поисками оптимального подхода к внедрению здорового образа жизни и формированию духовного мира молодежи, эффективных стимулов развития национального языка в современных условиях, а также

идентификации национального самосознания в глобальном мире. Новое боевое искусство основывается на традициях восточных единоборств, адаптированных к современным условиям, и философско-этических воззрениях чувашского народа. Оно не сводится к боевым тренировкам, а представляет собой комплексную систему психофизического и духовного развития личности. Последовательное освоение учебного комплекса, оригинального набора техники боевого искусства способствует раскрытию внутренних ресурсов человеческого организма, увеличению быстроты реакции и выносливости, тренировке сознания, развитию крепости духа. Постепенно национальное боевое искусство может стать самоценным явлением культуры или самостоятельным культурным направлением со своими духовно-нравственными и жизненными концепциями.

Разработка базовых техник и принципов национального вида единоборства требует формирования системы обозначения понятий и номинации самой школы боевого искусства. В предлагаемом названии *вут-шу* заложены идеи единения и сплоченности народа – название боевого искусства состоит из двух компонентов: *вут* „огонь”, применяемого в низовом диалекте и литературном варианте чувашского языка, и *шу* „вода”, употребляемого носителями верхового диалекта (вместо литературного *шыв*). Культурно-исторической составляющей, мотивирующей основой наименования *вут-шу* стал древний чувашский миф „Кремень” о борьбе двух стихий: огонь (*вут*) хотел сжечь воду, а вода (*шу*) – залить огонь.

Считается, что для боевых искусств наиболее приемлемыми являются традиционные японские или китайские термины (из-за несоблюдения единых норм транскрибирования многие из них в русском и других языках укоренились в нескольких вариантах). Как показывает анализ лексических единиц терминосистем в сравнительно-сопоставительном аспекте, соответствующие чувашские обозначения по краткости и точности ничуть не уступают иноязычным аналогам (и к тому же, как показывает опыт, позволяют повысить эффективность усвоения техники). В этом вы можете убедиться сами, ознакомившись с предлагаемым списком базовых терминов, номинирующих денотаты чувашского боевого искусства.

Названия приемов и элементов боя

- хир** – совершать атакующие действия;
- сир** – отразить нападение; перехватить право атаки;
- тир** – нанести проникающий удар;
- тыт** – захватить одной или двумя руками;
- йӓт** – поднимать; тянуть вверх;
- сул** – сделать движение-замах;
- сӹл** – нанести боковой удар ногой;
- сӹп** – нанести удар кистью руки;

цап – нанести боковой удар кулаком;
тап – нанести прямой удар ногой;
чыш – нанести прямой удар кулаком;
кас – ударить ребром ладони;
сёк – ударить головой, букв. «боднуть»;
тёк – толкнуть рукой; совершить толчок (в грудь);
пёк – наклонить голову;
чак – сделать шаг назад;
чик – ударить кончиками пальцев;
тёнт – обездвижить;
тёрт – толкнуть плечом, локтем;
турт – дёрнуть, тянуть на себя;
урт – нанести удар снизу вверх;
тарт – отвести голову (в сторону или назад) от удара;
шарт – нанести щелкающий удар;
яр – отпустить, выпустить;
чар – остановить действие противника;
пёр – выкручивать предплечье, запястной сустав;
вёр – опрокинуть партнера путем выведения его из равновесия;
выр – наносить удары сбоку;
сыр (сёр) – блокировать удары;
кус – сделать шаг вперед;
пус – надавливать, нажимать;
тас – тянуть (руку, ногу);
хёс – зажимать, сдавливать; использовать прием ущемления;
чам – зайти за спину противника, сделать нырок („юркнуть”);
пав – применить мертвую хватку, использовать прием удушения;
ту – выполнить движение или приём;
тү – наносить удары сверху вниз.

Команды и указания

тёр – встать!
лар – сесть!
тай – поклон!
хай – продолжить! продолжайте!;
кан – перерыв; отдыхайте!
тепре – (сделать) еще раз!
тепри – следующий!
тимле – внимание! приготовиться!
пусла – начинаем! начали!
пёрле – совместно, согласованно;
ерипе – медленно;
часрах – быстрее!
чух – нормально;

сых[лан] – осторожно!
чим – стой! подождите;
ситет — закончить! стоп!

Обозначения уровней и направлений

çул[ти] – верхняя часть (тела); çўле – вверх, наверх;
вӑта – средняя часть (тела);
ай[ри] – нижняя часть (тела); ая[ла] – вниз;
сулахай – левый; сулахая – налево;
сылтӑм – правый; сылтӑма – направо;
мал[ти] – передний; мала[лла] – вперед; малтан – спереди;
шал[ти] – внутренний; шала – вовнутрь; шалтан – изнутри;
кай[ри] – задний; каялла – обратно;
ум – передняя часть; умран – (в) анфас;
хыçал – задняя часть; хыçа[ла] – назад;
тӱрӗ – прямой, прямо;
айӑк – бок; айӑкран – сбоку; айккине[лле] – вбок; айккӑн – боком;
кӗтесле – по диагонали;
хирӗçле – противоположный, напротив;
майӑ – параллельный, параллельно.

Общие понятия

вутшуар – боец вут-шу;
мӑнар – старший ученик, опытный боец;
кавар – движение, согласованное с движением партнера; „сговор”;
тайӑм – символический поклон, совершаемый при входе и выходе из зала тренировок, а также в начале занятий;
чӑтӑм – стойкость, выносливость;
юӑм – перетекание одного движения в другое; „поток”;
сывлӑм – система дыхательных упражнений, букв. „роса”;
лекӗм – состояние, когда удар достигает цели; „попадание”;
хавал – медитация, настрой на тренировку;
чару – контрприем, нарушающий замысел противника; „помеха”;
тимлӗх – концентрация внимания во время исполнения приема и после его окончания; ”внимательность”;
хушӑ – нормальная дистанция, чувство дистанции;
тӑхтав – отдых, пауза;
термен – энергия духа;
шӑнӑр – центральная ось тела; „стержень”;
тӗрев – центр тяжести, „опора”;
юпа – исходное положение, стойка;
тӗл – место фокусировки взгляда во время исполнения приема; „цель”;
май – прием(ы), способ(ы);
шай – уровень подготовки, степень мастерства;
шат – плотное касание;

тум – форма бойца *вут-шу*.

Работа по поиску оптимальных – точных и системных – терминов национального боевого искусства продолжается, и представленные термины не являются окончательными. Ведется также разработка символики и атрибутики школы *вут-шу*.

Национальное боевое искусство – как целостная система совершенствования личности, основанная на сочетании определенных философских, этических и психологических принципов с набором специфических боевых элементов и комплексов – имеет социокультурную основу, связанную с далекой историей чувашского народа.

В свое время неотъемлемой частью чувашской культуры была унаследованная с гуннских времен система боевого искусства, воинской подготовки. Как свидетельствуют арабские источники (Ибн Фадлан, Ибн эль-Асир и др.) и русские летописи, военная тактика болгар, которая во многом оставалась кочевнической (эта тактика в то время являлась самой результативной), весьма успешно применялась не только при нападении, но и при обороне. Об этом, в частности, свидетельствует блестящая победа болгар около города Кернек в 1223 г. над монголо-татарским полчищем, незадолго до этого разгромившим на реке Калке объединенное русско-половецкое войско. В течение 13 лет после этого болгары успешно отражали натиски отрядов империи Чингисхана и задерживали монгольское нашествие на Европу. Рассказы о подобных событиях входят в программу занятий *вут-шу* и прививают чувство гордости за своих соотечественников – наших предков. Чувашское боевое искусство может способствовать тому, чтобы наши современники были достойны былой славы.

В.Н. Иванова (студ. СамГУ, научный руководитель – доц.
Е.А. Барашкина, г. Самара)

РЕЧЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕРМИНА-МЕТАФОРЫ

Объектом исследования являются метафорические термины, словосочетания, которые характеризуют нарушения и трудности в речевой деятельности, такие как «барьеры» коммуникации. Материал собирается методом сплошной выборки из научной и научно-популярной литературы по теории коммуникации. Предметом исследования являются модели осмысления языковой коммуникации, представленные в этих метафорических контекстах, внутренняя форма этих единиц в качестве истории того, как представляются нарушения речевой коммуникации.

Коммуникативный барьер – это совокупность внешних и внутренних причин и явлений, мешающих эффективной коммуникации или полностью

блокирующих ее. Однако уже даже этот привычный термин по сути является метафорическим осмыслением коммуникативных затруднений.

Коммуникативные барьеры делятся на внешние и внутренние. Внешние барьеры – это физические условия, в которых происходит общение. Внутренние – коммуникативные качества говорящих, и для их описания и используется метафорический язык.

По данным выборки можно сказать, что существуют различные теоретические модели коммуникации, в рамках которых по-разному концептуализируются представления о коммуникативных барьерах.

Наиболее широкое распространение получила **линейная информационно-кодовая модель**, рассматривающая коммуникацию как действие, в рамках которого отправитель кодирует идеи и чувства в определенный вид сообщения и затем отправляет его получателю, используя какой-либо канал (речь, письменное сообщение и т.п.). Если сообщение достигло получателя, коммуникация считается успешной.

В рамках этой модели возможные трудности описываются при помощи метафорических образов «шума», «помех», «фильтров», которые искажают сообщение. Например, *«... слушающему всегда мешает внутренний интеллектуальный шум в его голове»* [Зарецкая 2002, 17]; *«канал информации может быть заблокирован фильтром нашего восприятия. Важно выявить средства, которые помогают принять информацию и ослабляют действие фильтров»* [Почепцов 2001, 68].

Данная метафора привлекает внимание к некоторым важным моментам в процессе коммуникации. Это – избирательность в процессе коммуникации – *мы получаем, отбираем, сортируем информацию, информация теряется.*

Деятельностная модель указывает на то, что общение – это непрерывное действие и взаимодействие – мы устанавливаем контакт, удерживаем, поддерживаем его, возобновляем, завершаем и т.д. В рамках этой модели коммуникативные барьеры описываются такими метафорами, как *речевая небрежность, коммуникативное бессилие, коммуникативное самоубийство, коммуникативный шок*. Например: *«Коммуникативное самоубийство – грубая ошибка в общении, которая сразу делает дальнейшее общение заведомо неэффективным»* [Стернин 2005, 186]. *«В ситуации межкультурной коммуникации у коммуниканта-носителя другого языка и другого культурного кода может возникнуть коммуникативный акцент или коммуникативный шок»* [Кашкин 2000, 63].

В подобных примерах метафора реализует эмоционально-экспрессивную функцию, объяснительную. Она усиливает выразительность и выводит из автоматизма восприятия, а также, благодаря выразительности, помогает образно осмыслить в языке какой-либо факт действительности, в данном случае – нарушение коммуникации.

В материалах, собранных на данном этапе исследования, преобладающей является метафора барьера, которая воплощается субстантивами *барьер, преграда, помеха, фильтр, препятствие* и предикатами *преодолеть, уменьшить, устранить, ставить, защищаться* и др.

Подобное исследование интересно и перспективно в двух отношениях. С одной стороны – это изучение функций метафоры, ее роли и возможностей. С другой стороны – анализ процесса речевой коммуникации, так как через метафору можно проникнуть в представления о коммуникации.

Изучение метафор может дать интересную картину того, как меняется осмысление коммуникативных процессов, как возникают новые термины и определения, а также картину истории языка науки о коммуникации.

Литература

1. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – М.: Киев: Рефл-бук, Ваклер, 2001. – 656 с.
2. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. – 4-е изд. – М.: Дело, 2002. – 480 с.
3. Стернин И.А. Практическая риторика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 272 с.
4. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.

Л.А. Иванова (*канд. филол. наук, доцент УГНТУ,
Башкортостан, г. Уфа*),

Л.А. Самохина (*канд. филол. наук, доцент УГНТУ,
Башкортостан, г. Уфа*)

ЯЗЫКОВАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В настоящее время социокультурная и языковая адаптация иностранных учащихся – наиболее слабое звено в системе вузовской подготовки, так как им приходится приспособливаться к новой среде проживания и к новому языку общения. Еще в большей степени это относится к иностранным специалистам, уже получившим профессиональное образование и приехавшим в Россию повышать свою квалификацию. Это люди достаточно зрелого возраста (от 35 до 50 лет), с устоявшимся менталитетом и в силу этого с высоким психологическим барьером к инокультурным ценностям. В условиях Республики Башкортостан, где культурная и лингвистическая картины мира сформированы представителями разных этносов, данный процесс для иностранных студентов особенно затруднен. Сейчас в вузах РБ обучаются

иностранцы из самых различных стран Европы, Азии и Латинской Америки. Значительная их часть весьма поверхностно представляет свою будущую учебу в России, столь отличающуюся от привычной системы подготовки по многим факторам – условиям проживания, климату, стилю общения, специфике учебного процесса и, главное, самого языка обучения. Но, надо отдать должное, в своем большинстве иностранные студенты не испытывают иллюзии быстрого овладения русским языком.

Социокультурная и языковая адаптация иностранных студентов – две взаимосвязанные стороны процесса их вхождения в новое коммуникативное пространство. В связи с этим на преподавателя-русиста налагается особая ответственность при обучении их русскому языку, который прежде всего следует рассматривать как инструмент выражения русской культуры. Остановимся на некоторых аспектах затрагиваемой проблемы.

Важнейшей задачей для преподавателя русского языка является активизация познавательной деятельности иностранных студентов. Однако он должен помнить, что объем получаемой ежедневно на занятиях русской лексики, напряжение в произношении звуков, постижение грамматических категорий и др. приводят к преждевременной усталости, рассеянности внимания обучаемых и, как следствие, – к снижению уровня усвоения лингвистического материала. Кроме того, ему нужно учитывать этнокультурную специфику обучающихся как положительный или отрицательный элемент их когнитивной деятельности. Так, например, у арабских студентов октябрь – месяц-Рамадан, во время которого они ограничивают себя в пище и сне и много времени проводят за чтением Корана и в мечети. Эти лишения, безусловно, сказываются на процессе усвоения русского языкового материала. В подобных случаях важно умение преподавателя использовать наиболее подходящие методические приемы, чтобы облегчить студенту-иностранцу процесс познания того или иного лингвистического факта. Кстати, здесь отметим, что в активизации познания важную роль играют эмоции. Так, воспитанная у китайцев с детства способность регулировать эмоции и их внешнее выражение может затруднять общение с ними, так как российский преподаватель как представитель европейской культуры привык к внешним проявлениям чувств. Поэтому свою деятельность он должен строить с учетом особенностей национального мышления студентов-иностранцев. Кроме того, студенты-иностранцы, как правило, искренне радуются (независимо от возраста) даже небольшим успехам в учебе и огорчаются при небольших неудачах. В связи с этим они нуждаются в психологическом «поглаживании», то есть важно развивать у них веру в саму возможность приобретения прочных лингвистических знаний, помогающих процессу коммуникации и в конечном счете – их адекватной адаптации в инокультурной среде.

Сегодня, говоря об обучении иностранному языку, необходимо понимать, что в первую очередь студенты должны научиться общаться в новом для них коммуникативном пространстве. Трудности начального этапа обучения русскому языку иностранных студентов можно подразделить на особые, основанные на различиях в структурах их родных языков и изучаемого, и общие для всех них. К последним мы отнесем необходимость языковой и социокультурной адаптации в стране изучаемого языка.

Образовательная деятельность предполагает не только обучение иностранных студентов русскому языку, но и включение их в парадигму русской культуры. Информационная некомпетентность осложняет процесс социально-культурной и языковой адаптации, составляющими которой являются такие факторы, как социокультурная среда, психологическая совместимость внутри учебно-преподавательского коллектива, языковая ситуация, этнопедагогическая совместимость, заинтересованность в результатах обучения и др.

Не умаляя значения других факторов, мы подчеркиваем роль языковой адаптации не только как коммуникативный феномен, но и как ментальный. Иначе говоря, студентам из Китая, Ирака, Вьетнама и других неевропейских стран важно показать, что российский тип мышления близок к восточному в понимании общечеловеческих ценностей – добра, трудолюбия, дружбы, мира и т.д. Такой прием помогает учащимся этих стран ощутить себя равноправными членами мирового сообщества и в то же время сохранить уважение к культурным традициям разных народов. Диалог культур обеспечит систему оптимальных поведенческих норм каждому иностранному студенту и адекватную интерпретацию речевого поведения людей, принадлежащих к другой культурной среде. Мы сознательно избегаем термина «чужая культура», так как, на наш взгляд, в нем содержится пейоративная коннотация, что может негативно сказаться в процессе приобщения к ней иностранных студентов.

Этикетные нормы поведения носят национальный характер. Знакомство студентов из названных стран с европейским этикетом, чуждым им, – процесс болезненный, и в его освоении немаловажную роль играет педагогическая помощь преподавателя-русиста. Кроме того, педагогу необходимо учитывать и особенности внутринациональной социальной дифференциации представителей некоторых народов. Нам приходилось сталкиваться с такими случаями, когда студенты-иракцы, приехавшие из разных регионов своей страны, принадлежали к различным политическим и религиозным направлениям (сунниты и шииты). Данное обстоятельство накладывало отпечаток на психологический климат в микроколлективе, что создавало определенный барьер в овладении русским языком теми или иными студентами: боязнь вызвать насмешку со стороны своих оппонентов сковывала их познавательную деятельность.

В процессе межличностного общения русских преподавателей и иностранных студентов нередко возникают трудности, причиной которых являются этнокультурные различия между ними. На российского педагога ложится серьезная профессиональная ответственность, потому что именно при общении с ним обучаемые получают первую информацию не только о русском языке, но и об этикете, принятом в стране. Поэтому залогом успешного решения задач преподавания русского языка как иностранного служит лингвокультурологическая направленность содержания занятий. Часто в процессе преподавания русского языка иностранцам не учитывается психологическое восприятие обучаемыми фактов иной культуры. Преподавателю-русисту, работающему с иностранной аудиторией из стран Ближнего и Дальнего Востока, следует постоянно стремиться к получению новых знаний об одноименной культуре, чтобы компетентно помогать студентам постигать русскую культуру и лучше адаптироваться в новых для них условиях. Так, он должен знать, на какие темы принято или не принято разговаривать с малознакомыми людьми, что обозначают различные жесты, как говорить комплименты и реагировать на них, как и какие дарить подарки. Например, ответ преподавателя «Вы мне льстите» на комплимент турецкого студента был воспринят им в крайней степени негативно. Если бы преподаватель учел, что слова «*льстить*», «*льстец*» имеют негативные коннотации в турецком языке, такой реакции можно было бы избежать. Или приглашение преподавателем иракских студентов посетить буфет во время обеденного перерыва в месяц Рамазан, когда держится ураза, вызвало у них недоумение (сработал принцип «Хотели как лучше, а получилось как всегда»).

Таким образом, проблема соотношения языка и культуры, интересовавшая ученых со времен античности, к настоящему времени приобретает междисциплинарный характер и, в частности, касается преподавания русского языка как иностранного. Изучая русский язык, студенты из восточных стран постигают и культуру носителей языка. Современный преподаватель русского языка, работающий со студентами разных государств, должен внимательно и всесторонне изучать их культуру. Это поможет ему сформировать высокопрофессиональные качества, позволяющие успешно решать учебные и воспитательные задачи образовательного процесса и в целом облегчить процесс языковой и, следовательно, культурной адаптации иностранцев в стране изучаемого языка.

*А.Д. Каксин (канд. филол. наук, проф. ХГУ им. Н.Ф. Катанова,
Республика Хакасия, г. Абакан)*

МОДАЛЬНЫЕ И ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫЕ СЛОВА В ХАКАССКОМ

И ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Исследование осуществлено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. (Государственный контракт № 02.740.11.0374)

В любом языке модальные и эвиденциальные слова и сочетания, а также примыкающие к ним экспрессивы, слова и обороты со значением эмоционально-качественной оценки, играют значительную роль. Но только в последние два десятилетия была осознана необходимость составления толковых словарей функциональных слов (частиц, союзов и т.п.), к числу которых мы относим вводно-модальные слова и их сочетания с упомянутыми частицами, союзами, другими служебными единицами языка. Поскольку в последнее время уже общепринятым является отграничение эвиденциальности от модальности, считаем необходимым добавить к данному списку также эвиденциальные слова и сочетания. В хакасском и хантыйском языках весь этот разряд лексики представлен; выявить их можно в разговорной речи, в текстах художественной и учебной литературы, частично – и в существующих словарях. Но нами разработан проект подготовки и выпуска специального словаря модальной и эвиденциальной лексики (хакасского языка и хантыйского языка).

Словарей хакасского языка разного типа достаточно много, вышел уже и двуязычный словарь академического типа [Хакасско-русский словарь 2006]. В последнем содержится определенное количество модальных и эвиденциальных слов, например:

Ноо I 1. *мест.* 1) что; *ср.* **ниме**; **ноо кирек** что нужно; **ноо полды** что случилось; **нооны чаратсаң, аны аларбын** что позволишь, то и возьму; **ноодыр?** что это?; **ноодаң полды?** отчего это?; / **ноо ниме** а) что это; б) кто это; **ноо ниме чадыр** что лежит; **ноо ниме пілген аның чойланарын** кто знал, что он будет лгать; **ноо даа кізі** любой, каждый человек; 2) какой; *ср.* **хайдағ**; **ноо кирекнең** по какому делу; **ноо тоғысха хынчазың** какая работа тебе нравится; **ноо кізі ол** кто это такой, какой это человек;

2. *нареч.* зачем, почему; *ср.* **ноға**; **ноо килдің** зачем [ты] пришел; **ноо парғазың** почему [ты] ушел; **ноо даа полза** хоть что; **ноо полза, ол ползын** будь, что будет; **ноодаң даа** как бы то ни было, во что бы то ни стало.

Ноо II 1) *част. препозит.-усилит.* что за, какой; **ноо ниме полды** а) что произошло?; б) что за оказия?; **ноо кізі** а) кто это?; б) что за человек?; **ноо туза** что за польза, какая польза, что толку; 2) *част. постпозит.-утверд.* да, же; **ол ноо** да это же он; **хазыр ноо** да и строгий же; **тынанар ноом** да отдохну же я; **піске кірген син полған нооң** да ведь у нас ты же был; 3) *в постпозиции употр. для образования формы собирательности. см. ниме* (в 3 знач.) ... [Хакасско-русский словарь 2006, 283].

Но, как видим, большой толковый словарь не может отобразить в полной мере эвиденциальную семантику слова. В приводимых примерах, у того же слова **ноо**, эвиденциальное значение затемнено. А в нижеследующих предложениях, взятых из текста художественного произведения, эвиденциальность проявляется в полной мере. Подобными случаями мы и предлагаем иллюстрировать эвиденциальные слова и сочетания в специальном словаре.

Ол ам минің сазым *чулар ноо?* [Костяков 2006, 27] ‘Теперь она мои волосы **будет выдирать, оказывается**’;

Кізі улуғ род полчадох **ноо!** – теен Манон Петрович [Костяков 2006, 76] ‘У человека большой род тоже бывает, оказывается! – сказал Манон Петрович’;

Анфиза, Таназар хази көріп, теен: Хасхы айланған **ноо!** [Костяков 2006, 77] ‘Анфиза, взглянув пронзительно на Тану, сказала: Беглянка вернулась, оказывается!’

Хантыйский язык – язык младописьменный, словарей очень мало, да и корпус текстов хантыйского языка остается небольшим по объему. Нет ни одного романа на этом языке, находящемся под угрозой исчезновения; нет ни одного большого повествования (повести) на одном из диалектов этого языка. Есть небольшой корпус рассказов, недлинных повестей, фольклорных текстов, и именно в них мы можем найти необходимый материал (по модальности и эвиденциальности). Приведем небольшой отрывок из одного произведения на хантыйском языке, в котором отчетливо проявляется различие двух категорий. В первой части рассказчик (говорящий) соотносит содержание высказывания с объективной действительностью и выражает свое отношение к содержанию высказывания (модальность). Во второй части содержание высказывания также соотносится с действительностью, но это содержание высказано и соотнесено не самим говорящим, а кем-то до него (эвиденциальность):

*Найнг мув кератман, вортанг мув кератман янгхтэм кутн, корта яум-ики хуся **щи юхатсум*** [Сенгепов 1994, 5] ‘Много земель обойдя, много разных земель обойдя, на стойбище к своему старшему брату **вот и** приехал я.

2) *Лув корталн атэлт **хасьмал**. Имел воша ма юхтум хатлэмн **манмал, няврэмл тал каникулая школа эвалт юхи тоты*** [Сенгепов 1994, 5] ‘Он на стойбище своем один **остался, оказывается**. Жена его в поселок **уехала, оказывается**; ребенка на зимние каникулы из школы привезти’.

В данном тексте нет отдельных слов с эвиденциальной семантикой: она заключена в самой глагольной форме – включением соответствующего морфологического показателя (хась-м-ал, ман-м-ал). В других случаях эвиденциальное слово (или сочетание) может присутствовать: *Те, ант*

лавлум моянг ёхн, нэш, юхатмев! ‘Ба, к нам неожиданные гости, оказывается, приехали!’

Помимо собственно модальных и эвиденциальных слов и сочетаний (типа *мосл* ‘надо; нужно; необходимо’, *каш вол* ‘есть желание; хочется; хотелось бы’, *нэш* ‘оказывается’, *ал монты ки* ‘мол; дескать; как будто; вроде бы’) в словарь предполагается включить разнообразные частицы (*щит* / *щи* / *па* ‘это; вот; даже; и вот; вот и’ и др.), чрезвычайно употребительные и многофункциональные в хантыйском языке, а также устойчивые сочетания и фразеологические обороты (экспрессивные, с оценочным значением, модально окрашенные): *щи луват ям вера!* ‘сделай милость!’; *а коты йахан?!* [Альвы 2005, 10] ‘ну где уж там?!’; *коты маны верли?!* [Альвы 2005, 28] ‘ну что поделать / куда деваться?!’.

Материал для словаря собран автором, носителем казымского диалекта, в течение 20 лет, в период 1985-2005 гг., но только частично обработан. Автор полагает, что в процессе подготовки словаря модальной и эвиденциальной лексики могут быть использованы все имеющиеся словари хантыйского языка, и в некоторых из приводимых ниже статей приводятся подобные образцы (примеры из всех диалектов, включая основной, базовый – казымский, приводятся в написании на основе кириллицы, точнее – русского алфавита). Если источник не указан, это означает, что пример записан автором у носителей казымского диалекта хантыйского языка, и это – образец разговорной речи. В указанных источниках наименование диалекта содержится в библиографическом описании.

Все включенные слова и сочетания, независимо от их словообразовательных и этимологических связей, расположены в алфавитном порядке, с учетом начальной буквы и последующих букв. Применительно к сочетаниям и отдельным словам даются взаимные отсылки. Синонимы даются в виде самостоятельных статей, каждый на своем алфавитном месте; в необходимых случаях делаются взаимные отсылки. Ниже приведем несколько словарных статей из проектируемого словаря:

Алумты – поднимать; в перен. знач. – мод. окраш. ‘мочь’; ср. тр.-юг. *alita* смочь, справиться, осилить; также тр.-юг. *tintəta əntə aliləm* не могу (не в силах) расплатиться [Терешкин 1981, 13]. *Ант* алумты – не поднимать; не мочь. Си холуплал, пурмаслал тōты ма сит *ант алумлэм* ‘Эти сети, (другое) имущество увезти я не смогу’. Ан пелы (или: ант пелы, ан пелы) – может, и; вероятно, и; разве не; неужели не; как не; не ... ли. Тум сорум пай охтыйн нын яйн лольтал *ант пелы?* ‘Там, на сухом бугорке, не ваш ли старший брат стоит?’; Па нын там йиңқаң пелак кератлатн, вэнтаң пелак кератлатн, хулты муй ханты вэлты муv, ханты яңхты пант *ан пелы* мутшийллатн? [Сенгепов 1994, 17] ‘А вы двое, эти водоемы

обходите, эти леса обходите, где-нибудь приметы жизни людей, следы человека *разве не* замечали?’.

Ан рэхал – нельзя; не годится; негоже. Ан рэхас – нельзя было; не годилось; негоже было. И икем курсэм ким. *Ан рахл*, ан кашасъл лунты [Сенгепов 1994, 10] ‘Одного мужчину на улице оставил (не могу завести). *Нельзя*, не соглашается зайти’; Сив сот наңкуп, ар наңкуп пая манты *ан рахл* [Сенгепов 1994, 69] ‘Туда, со ста лиственницами, с многими лиственницами холму, ходить *нельзя*’.

Ванттыйн – на взгляд со стороны; на (чей-либо) взгляд; на взгляд; может показаться; со стороны видно, (что); со стороны кажется, (что); кажется, (что); как видно. Ванттэмн – на мой взгляд; ванттэнан – на твой взгляд и т.д. *Ванттыйн*, лув шеңк вева ювмал, тэюммал, си хуват мар вэнт хуват яңхман, мэшаң хоят иты вантасл [Сенгепов 1994, 33] ‘*Со стороны видно, (что)* он сильно устал, оказывается, притомился, оказывается, столько времени бродя по лесу; как больной смотрится’; Наң, лэхсэм, па си лэгутэн – па лэгут-я, ма *ванттэмн*, си лэсн, а си куршка лыпийн вэлты лэгутэн па ан лэсэн? [Сенгепов 1994, 40] ‘Ты, друг мой, и эту пищу, и ту пищу – все ел ведь, я *смотрю*, а пищу из этой кружки почему не ел?’.

Вер (вер) – желание; намерение. Букв.: дело. Па хуты, яңхты *верэн* ки вэл, манлув вэнта [Сенгепов 1994, 17] ‘Ладно, если сходить хочешь, пойдём в лес (букв.: сходить *желание-твое* если существует)’.

Вўр – способ (действия), образ (действия); внимание (к чему-л.); возможность. И нэмулты *вурн* ханнэхэ утэ йитл юхатл, нух алумты пись антэ [Сенгепов 1994, 11] ‘И никаким *образом*, (когда) человеку пришел срок, поднять (т.е. вылечить человека) невозможно’; А тум нуви вэн куршкайл пела *вурал* иса антэ [Сенгепов 1994, 40] ‘А на ту белую большую кружку и *внимания* не обращает (букв.: *внимания* его даже нет)’; А наң сивелт *вурэн* па антэ, ан па нэмассан, муйсар ут: ям йиңк, муй атум йиңк [Сенгепов 1994, 41] ‘А у тебя к этому и *внимания* нет, и не думаешь (о том), что это: хорошая вода ли, или это плохая вода’.

Вўчаты (вутьсяты) – намереваться; мочь; быть в состоянии; собраться (что-либо делать); быть готовым (что-либо делать). Па, вулым вэйман си тайлэм, исипа, парты си *вутьсяс* лэлы, яньли. Ма хуты йиңкн ерумсум, йиңклы парты *вутьсийлсум* [Сенгепов 1994, 46-47] ‘Да, про оленя своего я помню; наверное, погибнуть *может* (т.е.: близок к гибели) без пищи, без воды. Я остался без воды, без воды (и) умирать *собирался* (или: умирать был готов уже)’.

Илампа – похоже; похоже, что; кажется; но, кажется; вроде; вроде бы; пожалуй; пожалуй, что; точно; и точно; однако. Камн си куш иськи, *илампа*, манэм хошум – молупсяң хэ хурасаңа вантаслум, вулэт лавалман си лольлюм, шэшилалум [Сенгепов 1994, 13-14] ‘Хотя на улице холодно, *пожалуй*, мне тепло: я в малице, хорошо смотрюсь, оленей охраняя вот стою, прохаживаюсь’; *Илампа*, хэн тутэмн хэрлал, имухты иська си йил па

потум рувн элэм си юхатла [Сенгепов 1994, 30] ‘*Точно*, когда огонь (в печи) гаснет, (в избе) сразу холодно становится, и этот холод до тела доходит’; *Илампа*, ситы шэшиланы манэм марэма йиты си питас [Сенгепов 1994, 33] ‘*Пожалуй*, так (т.е.: бесцельно) расхаживать мне стало надоедать (букв.: скучно становится стало)’; Ванамас, ма луват иньсясты вутьсийлсэм, *илампа* лув ма елпемн нёхмас [Сенгепов 1994, 33] ‘Приблизился он; я его спросить намеревался; *однако* он раньше меня произнес’; Лапат ол мар тайсалэ па ин вулэл хурты пурая йис; *илампа*, алюм тахела ан хурсалэ [Сенгепов 1994, 44-45] ‘В течение семи лет держал его, и вот пришла пора оленя забивать; *но, кажется*, он упустил момент (и теперь не хочет его забивать)’.

Ищипа (исипа) – наверное; кажется; видимо; по-видимому; вполне возможно; факт; вероятно; как водится; может статься; стало быть. Я, вульлумн, *исипа*, си юхатсат [Сенгепов 1994, 15] ‘Ну, олени наши, *кажется*, уже прибежали’; Яюм-ики, *исипа*, иси иськийн потла [Сенгепов 1994, 31] ‘Брату моему, *вероятно*, тоже становится холодно’; *Исипа*, тамхатл мин понлал вантты ан манлумн [Сенгепов 1994, 33] ‘*Кажется*, сегодня мы с ним морды проверять не поедем’; Сыры, *исипа*, нумсалн нух вантлалэ, арталалэ, муй лув кэрталн хатл мар верс, муй верты мосл [Сенгепов 1994, 35] ‘Сначала, *видимо*, он поразмышляет, прикинет, что он на стойбище своем сегодня сделал, что сделать нужно’; Ма ясаңлам, *исипа*, лув нумсала юхтантсат [Сенгепов 1994, 43] ‘Мои слова, *по-видимому*, до него дошли’; Па, вульем вэйман си тайлэм, *исипа*, парты си вутьсяс лэлы, яньли [Сенгепов 1994, 46-47] ‘Да, про оленя своего я помню; наверное, погибнуть может без пищи, без воды’; Кирты-я кирсэн, тэп ёш сохаллал, кур сохаллал нух ал эңхалы, нух ал вуялы, *исипа*, ан паклумн [Сенгепов 1994, 48] ‘Запрячь-то запряг (этого оленя), только доски с передних ног его, задних ног его не развязывай, не убирай – *может статься*, не сможем (не выдержим) [ехать на нем]’; Я, *исипа*, манат ан си тэллэ [Сенгепов 1994, 53] ‘Ну, *стало быть*, меня он не повезет’.

Кайшнараңл – (ну) надо же; оказывается; вот так да! вот (ведь) молодец (молодцы)! какое открытие! ба! Си ёхлан, *кайшнараңл*, хятл мър кят пўш холуплал валемийлтэл ‘Эти люди – *ну надо же!* – в день два раза сети проверяют, оказывается’; Нәң, *кайшнараңл*, пори хота вохмен! ‘*Вот так да*, тебя, оказывается, в дом, (где проходит) свадьба, позвали!’; Лыв иса хулыева, семьяйн, *кайшнараңл*, юхаттэл! ‘Они все вместе, всей семьей, *оказывается*, приезжают!’; Тәмась хурамаң ухшам си па холуммен, *кайшнараңл!* ‘Такой красивый платок каким-то образом достала, *вот ведь молодец!*’; *Кайшнараңл*, мўң хўл велтэв олаң еша нөмийллэл, көсяйлўв ‘*Надо же, оказывается*, о том, что мы ловим рыбу, руководители еще иногда вспоминают’; Ма хулна, *кайшнараңл*, хопем аңта йирмем: си па хўвлатал, тәм па мәнал! ‘Я до сих пор, *оказывается*, – *вот так да!* – лодку свою не привязал: вот-вот уплывет!’; Ма, *кайшнараңл*, хулна тухал китты

кӧсем вӧлмал: ин утэн ӧл тӧп кевлал – каласьлал лутумтыйллат! ‘Я, *оказывается, – вот так молодец!* – еще могу и невод бросать: только грузила – поплавки брякают!’

Литература

1. Альвы: Сборник фольклора ваховских ханты / Сост. и пер. Л.Е.Куниной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.
2. Костяков И. Чибек хур. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2006.
3. Сенгепов А. Касум ики путрат / Рассказы старого ханты. На хантыйском языке. – СПб.: отделение издательства «Просвещение», 1994.
4. Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. – Л.: Наука, 1981.
5. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сӧстӧк / О.П.Анжиганова, Н.А.Баскаков, М.И.Боргояков, А.И.Инкижекова-Грекул, Д.Ф.Патачакова, О.В.Субракова, М.Д.Чертыкова, П.Е.Белоголов, З.Е.Каскаракова, А.С.Кызласов, Р.Д.Сунчугашев. – Новосибирск: Наука, 2006.

*А.Г. Косов (канд. филол. наук., доц. БГПУ им. М. Акмуллы,
Башкортостан, г. Уфа)*

ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМЫ ДОКУМЕНТОВ В ДЕЛОВОМ ЯЗЫКЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект 10-04-84403а/У)*

Начало XIX в. ознаменовалось новой реформой государственного управления и делопроизводства, которая затронула главным образом верхний уровень управления – высшие и центральные учреждения, и вместе с реформами Екатерины II в последней четверти XVIII в. завершила формирование системы центральных и местных учреждений.

В сентябре 1802 г. был создан Комитет министров – высшее административное учреждение, осуществлявшее надзор за правительственным аппаратом.

Новая система управления – министерская, основанная на принципе единоначалия, зародилась в недрах старой коллежской системы: в коллегиях конца XVIII в. президенты имели более широкие права, чем ранее. Создание министерств с единолично управляющими министрами было необходимо для более гибкой и оперативной системы управления. Коллегиальный принцип принятия решений не был исключён вовсе из новой системы: сначала коллегии ввели в состав вновь созданных министерств; позже при министрах создали советы, имевшие статус коллегиального совещательного органа. Тем не менее отношение к министрам как к единоличным исполнителям воли царя и определило делопроизводство министерств как «исполнительное».

В учреждениях XIX в. сложился определённый порядок составления документов. Во многом он регламентировался законодательством.

Законами устанавливались определённые правила составления всех разновидностей документов. В документе выделялись следующие части: заглавие, содержание – «расположение обстоятельств дела», – подпись, скрепа, «особенные пометки», бланковые и «конвертные надписи». Каждая часть должна была быть соответствующим образом оформлена.

Приобретает устойчивый вид реквизит «Адресат», появившийся ещё в XVIII в. в коллежском делопроизводстве. Правила его написания определялись соподчинённостью учреждений. В сношениях равных присутственных мест и низших с высшими адресат начинался с предлога «в»: «*В Правительствующий сенат*», «*В Челябинскую городскую думу*», «*В Челябинский городской магистрат*». В сношениях высших присутственных мест с низшими адресат писался в дательном падеже: «*Оренбургскому губернскому правлению*», «*Челябинскому городскому старосте Мотовилову*». Это означало, что такому-то присутственному месту предписывается или предлагается.

Если документ адресовался конкретному должностному лицу, то при сношениях низшего должностного лица с высшим перед обозначением должности и фамилии указывался его титул: «*Его высокопревосходительству господину министру внутренних дел генерал-адъютанту, генералу от инфантерии...*».

В сношениях равных между собой властей и старших с младшими чинами титул опускался: «*Господину министру внутренних дел*», «*Господину московскому генерал-губернатору*».

Употребление наименования разновидностей документов также регламентировалось. В «Общем губернском учреждении» указывалось, что в каждой бумаге указывалось её именование: указ, сообщение, рапорт и т.п.

«Расположение обстоятельств дела», т.е. изложение содержания документа, зависело от его формы. Так, в сношениях было принято непрерывное изложение содержания. Оно делилось на три части: «приступ, изложение обстоятельств и заключение». В «приступе», или введении, излагалась причина создания документа: «по встретившейся надобности», «намереваясь», «до сведения моего дошло» и т.д. «Изложение обстоятельств» давалось в повествовательной форме с соблюдением логического порядка и неразрывной связи. В заключении излагалась сама просьба, давалось распоряжение или предписание, высказывалось мнение.

Изложение содержания прошений, жалоб, отзывов давалось по пунктам, в первом из которых указывалась причина написания документа, в последующих излагалось само «дело». В конце документа писалась просьба.

Изложение содержания актов, фиксирующих сделки и договоры, было непрерывным, без абзацев, «приступа» и заключения. Акт начинался

указанием времени его составления, обозначением имён и званий лиц, вступивших в договор. Далее говорилось о «самом обстоятельстве» – купле, продаже, займе, найме и т.п. От составителя требовалось соблюдение строжайшей формы написания этого документа.

Сложились определённые правила подписания документов. Право подписи документов имели начальствующие лица. Документы, посылаемые присутственным местом в Сенат, подписывались председательствующим и всеми членами; все другие документы – председателем и одним из членов присутствия.

Каждый вид документа имел свою специфику подписи. Подпись сношений была двух видов. Вид определялся характером документа и соподчинённостью учреждений. Так, документы, оформлявшие переписку равных учреждений, имели в составе подписи только обозначение чина: «*Тайный советник и кавалер...*» (фамилия, или имя и фамилия), «*Действительный статский советник граф...*».

В состав подписи сношений низших учреждений в высшие входило наименование чина и служебного положения: «*Гражданский губернатор действительный статский советник...*».

Особо подписывалась просительная документация. Подпись прошений, жалоб и отзывов, подаваемых в присутственное место, разбивалась по одному слову или несколько слов под каждым пунктом: «*...к сей... жалобе (прошению, отзыву)... мещанин Пётр Максимов Малюков... руку приложил...*». Подпись прошений и жалоб, подаваемых на имя императора и составляемых без разделения текста на пункты, ставилась в конце документа следующим образом: «*Вашего императорского величества верноподданный майор Семён Иванов сын...*».

Журналы заседаний подписывали все члены присутствия с указанием своего чина и служебного положения. Иногда подписи помещались под каждой статьёй. Протоколы (постановления, определения, решения), мнения и приговоры подписывались также всеми членами присутствия. Подпись на актах ставилась на той же строке, где кончалось изложение содержания, и включала имена сторон и свидетелей.

Особое внимание обращалось на оформление выписок и копий. В конце их указывалось, кто подписал подлинник: «*Подлинный подписали...*» или «*На подлинном подписано...*». Заверяли копии должностные лица: «*С подлинным читал: копиист...*», «*С подлинным верно: секретарь...*».

Кроме подписи, документы скреплялись. «Скрепа» – подпись секретаря или другого должностного лица, свидетельствующая о правильном составлении и оформлении документов в соответствии с требованиями закона. Она ставилась на официальных документах (отношениях, отчётах), подготовленных в канцелярии. Обязательно скреплялись все документы, посылаемые в высшие инстанции.

В XIX в. в министерском делопроизводстве появляются **бланки** учреждений с угловым расположением реквизитов. Бланком назывался чистый лист бумаги, на котором в левом верхнем углу делались «бланковые надписи». В состав реквизитов бланка включается наименование ведомства, учреждения, структурной части учреждения, от которой исходил документ, дата отправления документа, номер его по журналу исходящих документов. Занимает своё обособленное место заголовок к тексту документа, располагаясь непосредственно под реквизитами бланка (практически так же, как и в современных документах). Появляется и ссылка на поступивший документ (прототип современного реквизита «Ссылка на дату и номер входящего документа»), которая не имеет пока унифицированного вида и может выглядеть по-разному: «*Ответ на №...*» или «*От такого-то*» и т.п.

Бланки вначале писались от руки, а впоследствии стали изготавливаться типографским способом. Применение типографских бланков намного ускоряло процесс составления документов.

На бланках в основном писались документы, возникшие в процессе переписки учреждений – отношения, сообщения, ведения и пр. Другие документы (указы, протоколы) составлялись без применения бланков.

Законами было установлено, на какой бумаге какие документы писать. Так, всё канцелярское делопроизводство – переписка, журналы, реестры, записки и пр. – велось на простой бумаге. В 1833 г. был установлен единый размер листа бумаги. Протоколы, прошения, жалобы, отзывы писались на гербовой бумаге (простой, «крепостной» и «контрольной»).

Таким образом, порядок составления документов также превращался в «обряд». Степень регламентации оформления всех реквизитов документов каждой разновидности зависела не столько от назначения документа, сколько от инстанции аппарата государственного управления, куда он посылался. Поэтому одна и та же разновидность документа имела по-разному оформленные реквизиты. Это не способствовало выработке общих единых норм оформления и составления документов и лишь усложняло весь процесс работы с ними.

Порядок составления и оформления документов был таким же громоздким и сложным, как и всё делопроизводство. Документы были длинными и многословными, несмотря на то, что законы требовали краткого и ясного изложения, точности фактов.

Тяжёлым «канцелярским» оставался стиль документов за счёт использования в них таких канцелярских выражений, как: «*следующие мне деньги*», «*долгом поставляю уведомить*», «*честь имею покорнейше просить*», «*таковой*», «*каковой*», «*вышепоименованный*» и т.п.

Особенностью организации делопроизводства в этот период являлась не только её чёткая законодательная регламентация, но и

появление достаточно обширной делопроизводственной литературы, в том числе и работ теоретического характера. Большое значение в этот период имели письмовники – сборники образцов документов. Первые такие сборники появляются уже во второй половине XVIII в., а с конца XVIII – начала XIX вв. начинают издаваться регулярно. Известно более ста таких сборников, изданных до 1917 г.

Цель издания сборников образцов документов – дать полное руководство о порядке производства дел в присутственных местах с описанием «обряда делопроизводства» и приложением форм документов. Предназначались такие сборники самому широкому кругу чиновников и частных лиц, которым приходится обращаться в государственные учреждения.

Ю.М. Массальская (*аспирант кафедры иностранных языков
БГПУ им. М.Акмуллы, Башкортостан, г.Уфа*)

ОСНОВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ЯЗЫКА КАК ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ

В русском языке у слова «противоречие» есть несколько значений. Так словарь Ожегова дает следующие значения:

Противоречие. 1. Взаимодействие противопоставленных и взаимосвязанных сущностей как источников самодвижения и развития (спец.) Диалектическое противоречие 2. Положение, при котором одно (высказывание, мысль, поступок) исключает другое, не совместимое с ним: Противоречие во взглядах. 3. Высказывание или поступок, направленные против кого-чего-н. 4. Противоположность интересов. Внутренние противоречия.

Словарь Даля следующим образом характеризует «Противоречие»:

Противоречие – спор, прекословие, опровержение чего-либо; разноречие, несогласные показания; два несовместимых обстоятельства.

Противоречивость языка как объекта исследования отмечалось многими исследователями, начиная с Гумбольдта, впервые сформулировавшего свои знаменитые антиномии. В работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества».

Антиномия языка и мышления. Язык и мышление неразрывно связаны, но дух человека стремится освободиться от уз языка, так как слова стесняют внутреннее чувство, что развивает и обогащает язык.

Антиномия эргона и энергии. Язык не только продукт (ergon), но и деятельность (energeia). Язык – нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее [Гумбольдт 1984, 70].

Антиномия языка и речи. Люди говорят одним языком, но у каждого свой язык (речь). Язык как целое отличен от актов речи. Его элементы, приобретая устойчивую оформленность, образуют в известном смысле мертвую массу, но масса эта несет в себе живой росток бесконечной определенности [Гумбольдт 1984, 82]. Эта отчасти устойчивость, отчасти текучесть языка создает особое отношение между языком и поколением, которое на нем говорит [Гумбольдт 1984, 82]. «Оба этих противоположных аспекта, которые мы здесь назвали: тот факт, что язык и чужд душе и вместе с тем принадлежит ей; независим и одновременно зависим от нее – реально сочетаются в нем, создавая своеобразие его существа, и нельзя разрешить противоречие между ними так, что-де, отчасти – он и чужд душе и независим, а отчасти – ни то, ни другое. Как раз насколько язык объективно действителен и самостоятелен, настолько же он субъективно пассивен и зависим. ... Истинное разрешение противоречия кроется в единстве человеческой природы. В том, источник чего, по сути дела, тождествен мне, понятия субъекта и объекта, зависимости и независимости переходят друг в друга. Язык принадлежит мне, ибо каким я его вызываю к жизни, таким он и становится для меня. Сам же язык накладывает на меня при этом ограничение» [Гумбольдт 1984, 83].

Антиномия понимания и непонимания. Говорящий и слушающий вкладывают различное содержание в одно и то же слово. Поэтому взаимное понимание между разговаривающими в то же время есть недоразумение, и согласие в мыслях и чувствах в то же время и разногласие. «Только в речи индивида язык достигает своей окончательной определенности. Никто не понимает слово в точности так, как другой, и это различие, пускай самое малое, пробегает, как круг по воде, через всю толщу языка. Всякое понимание поэтому всегда есть вместе и непонимание, всякое согласие в мыслях и чувствах – вместе и расхождение» [Гумбольдт 1984, 84]. Язык всегда обладает лишь идеальным бытием в головах и душах людей и никогда – материальным, даже будучи начертан на камне или бронзе [Гумбольдт 1984, 158]. «Он (язык) поистине соединяет в себе оба противоположных свойства: в качестве единого языка дробится внутри одной и той же нации на бесконечное множество языков, а в качестве этого множества сохраняет единство, придающее ему определенный отличительный характер по сравнению с языками других наций» [Гумбольдт 1984, 165].

В работе «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития» Гумбольдт высказал предположение о спонтанном и цельном зарождении языка как системы.

Антиномия целого и единичного. Язык принадлежит одновременно и отдельному человеку и коллективу в целом. «Язык не может возникнуть иначе как сразу и вдруг, или, точнее говоря, языку в каждый момент его бытия должно быть свойственно все, благодаря чему он становится

единым целым» [Гумбольдт 1984, 308]. «Чтобы человек мог постичь хотя бы одно слово не просто как чувственное побуждение, а как членораздельный звук, обозначающий понятие, весь язык полностью и во всех своих взаимосвязях уже должен быть заложен в нем». В языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как часть целого. Каким бы естественным ни казалось предположение о постепенном образовании языков, они могли возникнуть лишь сразу. Человек является человеком только благодаря языку, а для того, чтобы создать язык, он уже должен быть человеком ... первое слово предполагает существование всего языка [Гумбольдт 1984, 313-314].

Ф. де Соссюр отмечал факт неизменчивости и изменчивости знака, объясняя это противоречие тем, что «если по отношению к выражаемому им понятию означающее представляется свободно выбранным, то, наоборот, по отношению к языковому коллективу, который им пользуется, оно не свободно, а навязано» [Соссюр 1999, 74]. С другой стороны, наблюдается наличие связи между двумя противоречивыми факторами – «произвольным соглашением, в силу которого выбор означающего свободен, и временем, благодаря которому этот выбор оказывается жестко определенным» [Соссюр 1999, 77].

Вторая фундаментальная противоречивость, отмеченная Соссюром, – это то, что «весь механизм языка зиждется исключительно на тождествах и различиях, причем эти последние являются лишь оборотной стороной первых» [Соссюр 1999, 108].

Третье основное противоречие касается аналогии, которая, играя решающую роль в развитии языка, представляет собой обновляющее и одновременно консервативное начало. Это объясняется тем, что аналогия «для своих инноваций пользуется исключительно старым материалом» [Соссюр 1999, 172].

Существенным при определении противоречий является разграничение языка и речи. Так, Ф. де Соссюр писал: «В речи – источник всех изменений; каждое из них первоначально, прежде чем войти в общее употребление, начинает применяться некоторым количеством индивидов» [Соссюр 2006, 67]. Таким образом, лингвист указывает на возникновение противоречия между общеупотребительным и индивидуальным.

С. Карцевский, развивая идеи Ф. де Соссюра, также указывал, что «истинная дифференциация предполагает одновременные сходства и различия» [Карцевский 1965, 87-88]. Язык развивается через противоречие подвижного и неподвижного знака: «невозможно представить себе язык, знаки которого были бы подвижны до такой степени, что они ничего бы не значили за пределами конкретных ситуаций. Из этого следует, что природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно. Призванный приспособиться к конкретной ситуации знак может измениться только частично; и нужно, чтобы благодаря

неподвижности другой своей части знак оставался тождественным самому себе» [Карцевский 1965, 85]. Но основное противоречие, по Карцевскому, связано с асимметричностью дуализма знака. «Знак и значение не покрывают друг друга полностью. Их границы не совпадают во всех точках: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками. Всякий знак является потенциально «омонимом» и «синонимом» одновременно, т.е. он образован скрещением этих двух рядов мыслительных явлений» [Карцевский 1965, 85].

Т.П. Ломтев также отмечал основное противоречие в развитии языка: «Основным внутренним противоречием, преодоление которого является источником развития языка, источником образования и накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества, является противоречие, возникающее между наличными средствами данного языка и растущими потребностями обмена мыслями» [Ломтев 1976, 14].

Б.А. Серебренников рассматривает развитие языка как постоянный процесс преодоления противоречий третьего вида в языке, при этом возможно существование языка с непреодоленным противоречием. В соответствии с данной точкой зрения ученый выделяет два вида противоречий, существующих в языке, подтверждая их присутствие в любом языке большим количеством примеров:

1) непреодоленное противоречие: существование нескольких форм для выражения единого содержания;

2) преодоленное противоречие: когда остается лишь один вариант формы для выражения единого содержания [Серебренников 2005, 46].

Б.Т. Ганеев предлагает четырехслойную структуру сосуществования противоречий в языке и мире. «Мир языка состоит из четырех слоев: внешний мир (физический мир), внутренний мир (ментальный мир, представляющий собой сочетание логического и эмоционального миров), языковой мир и речевой мир» [Ганеев 2004, 67]. Стоит заметить, что мерой всех вещей выступает *homo loquens* – человек говорящий. Рассмотрим подробнее противоречие внутри этих миров.

По предположению Б.Т. Ганеева, внешний мир характеризуется отсутствием объективных противоречий, поскольку их выявление связано с логическим членением мира, что обуславливает субъективный взгляд на мир через имеющуюся у человека призму культурной базы. Например, черное и белое необязательно противопоставляется объективно, возможно, это только человеческая интерпретация [Ганеев 2004, 67].

Внутренний мир – это мир, где противоречия представлены в высокой степени, так как могут сосуществовать и сталкиваться различные точки зрения, мнения и цели личности. Кроме того, в вечное противоборство вступают установки личного и коллективного сознания.

Эти факторы обуславливают многообразие и различный характер существующих внутри человека противоречий [Ганеев 2004, 67].

Языковой мир – языковой мир так же, как и физический, может быть свободен от противоречий, характерных для ментального мира, если рассматривать этот языковой мир как непротиворечивую систему или как номенклатуру языковых средств. Существующих как парадигматическая сторона языка, где противоречия невозможны в силу статики языковых единиц в парадигмах, поскольку только динамика синтагматического функционирования языковых единиц может выявить возможные противоречия между ними. Противоречия в языковом мире заложены неявно и потенциально, раскрываясь в речевом мире [Ганеев 2004, 68].

Речевой мир – это мир, где появляются противоречия, как и в ментальном мире. Но эти противоречия во многом качественно отличаются от противоречий ментального мира. Таким образом, наблюдается чередование бытия противоречия при прохождении речевого высказывания через эти слои.

Язык, развиваясь как целостный организм, должен адекватно отражать события внешнего мира. Люди участвуют в развитии языка, пополняя его новыми словами и выражениями, придавая новые значения дополнительно к уже существующим, но окончательный отбор производит сам язык, отторгая одни единицы и ассимилируя другими.

Литература

1. Ганеев Б.Т. Противоречия в языке и речи. Уфа: Изд-во БГПУ, 2004. – 472с.
2. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. – 400с.
3. Кварцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. М.: Просвещение, 1965. – С. 85-90.
4. Ломтев Т.П. Внутренние противоречия как источник исторического развития структуры языка // Общее и русское языкознание. – М.: Наука, 1976. – С. 12-30.
5. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. – М., 1983. – 319 с.
6. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-ва, 1999. – 432с.

Источники

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: А/О Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.
2. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Институт рус. яз., Российский фонд культуры; – М.: АЗЪ, 1993.

Ш.В. Нафиков (*канд. филол. наук,
старший научный сотрудник
Института истории, языка и литературы УНЦ РАН,
Башкортостан, г. Уфа*)

ВОСЕМЬ БАШКИРСКИХ ЭТИМОЛОГИЙ НА ФОНЕ СВОИХ БОРЕАЛЬНЫХ СООТВЕТСТВИЙ

Первые опыты этимологизации башкирской лексики в свете поиска сближений в ностратических (борейских, бореальных) языках относятся к последней четверти XX века, см. [Гарипов 1971 и ряд др. публикаций].

Цель настоящего сообщения – дополнить и расширить корпус лексики башкирского языка, который представляется возможным толковать с точки зрения бореальных этимологий.

1. *болот* ‘облако’

Это исконно тюркское слово происходит из ПА **būlu* ‘облако’, см. [EDAL, 382]. Привлекая материалы из алтайских и других ностратических языков, В.М. Иллич-Свитыч [Иллич-Свитыч 1971, 179-180, № 13] реконструирован ностр. праформу **bilwe* ‘облако’. Ученые в XXI веке уточнили и расширили предложенную им этимологию. Согласно новейшей работе А. Бомхарда [Bomhard 2011, 206-207] тюркское, алтайское обозначение облака происходит из ПН **p’ul’* (~**p’ol-*) ‘дымка, туман, пар; облако’. Рефлексами, среди прочего, выступают картв.: лазск. *p’ulera* ‘облако’ и Пэск. **puuR* ‘дым’. Всего А. Бомхардом даны сближения по схеме драв. х картв. х эск. чук.-камч. [Bomhard 2011, 206-207].

Семантически и фонетически к **bilwe* довольно близка реконструкция А. Долгопольского, предложенная в новейшем «Ностратическом словаре» от 2008 года: **berV* ‘грязь, болото’ [Dolgopolski 2008, 285, 286, № 219a], сравни к сему ПН **ber* – ‘болото’ и ПФУ **perʒ* ‘грязь, болото’ [Redei = UEW, 374, 375].

Этимологически связь с *болот* возможна в башк. диал. *бөләнҗерт* ‘пасмурный’ (о погоде), также в *былйыр* – ‘развариваться’, *былсай* – ‘слезиться’, *былсык* ‘слезающийся’ (о глазах), *былыктыр* – ‘подвергать прению (сено, зерно), квасить’ (диал.).

2. *имсәк* ‘грудь’ (женская)

Исконно тюркское, производное слово от ПТ **em-* ‘сосать’, этимон в алтайских языках ПА **emV* (**ami*) ‘сосать’ [EDAL, 505, 506]. В.М. Иллич-Свитыч рассматривает афразийские, уральские и алтайские формы и выводит их из бореал. **H/E/mi* ‘сосать, глотать’ [Иллич-Свитыч 1971, № 109]. Согласно реконструкциям А. Бомхарда [Bomhard 2011, 161, 162] ПА **emV*: ПУ **ime* – ‘сосать’, суть рефлексы ПН **?im-* (~**?em-*) ‘сосать, глотать’. Производным (дериватом) в тюркских (включая башкирский) и в других языках выступает обозначение женской груди – башк. *имсәк*, диал. *эмей* и т.п.

3. *күмер* ‘уголь’

Этимологически возникло из ПТ *kθmür ‘уголь древесный’, соответственно из ПА **k’ute* ‘черный; уголь’ [EDAL, 852]. В уральских языках соответствует *kūta ‘горячий, пылающий’. По А. Бомхарду [Bomhard 2011, 195, 196] эти слова возникли из ПН **kum-* (~ **k’om-*) ‘обугливаться; гореть’ и под.; приводится сравнение с шум. *kūt* ‘нагревать; горячий; жар’.

4. *көндөш* ‘жены по отношению друг к другу’ (при многоженстве)

Исконное слово, есть в тюркских (< ПТ *güni ‘одна из жен’ (при полигамии) и в алтайских языках (< ПА *kune (~**g-*) ‘одна из нескольких жен’; по смыслу связано, скажем, в башкирском с *көн-ләш* – ‘ревновать’, *көнсөл* ‘ревнивый’, см. [EDAL, 739, 740]. Ностратический характер показал В.М. Иллич-Свитыч [Иллич-Свитыч 1965, 340] sub **k/u/nA* ‘женщина’ и [Иллич-Свитыч 1971, № 178] *küni ‘то же’.

Рефлексами этой праформы в языках индоевропейской семьи являются ПИЕ **k^wen-* ‘женщина, жена’: авест *qəpā* ‘женщина, жена’, арм. *kin* ‘то же’; гот. *qinō* ‘женщина’, шв. *kona* ‘женщина, жена’, др.-англ. *swene* ‘женщина’, *swēn* ‘королева, жена’; ст.-слав. *žena*, рус. *жена*, тох. Б *šana* ‘жена’ и т.п.

По наблюдению А. Бомхарда [Bomhard 2011, 200-201], праформа **k’wan-* ‘женщина, жена’ распространена лишь в евразийских языках (по Дж. Гринбергу), а точнее в индоевропейской и алтайской семьях. Ряд ученых, однако, приводили сближения “по всему миру”, так сказать, но эта сторона дела – за рамками нашего сообщения...

5. *көз* ‘осень’

Слово исконно тюркское, восходит к ПТ **gür-* ‘осень’ > ДТ *küz* ‘то же’; эти формы возникли из ПА **kūr’e* ‘осень; дождь, буря’ (EDAL, 747, 748). В работе Бомхарда [Bomhard 2011, 201, 202] борейский характер слова показан по изоглоссам в афразийских, дравидских, картвельских (под знаком вопроса), индоевропейских (то же) и в алтайских языках, как слово из этимона **k’war* ‘гремять, гроыхать; дождь, буря, гроза’. Сравни по А. Долгопольскому: праформа *kuhr’*V* ‘дождевые облака; дождливая погода, сезон’ [Dolgorolski 2008, № 948].

Примечательны рефлексы по индоевропейской семье: ПИЕ **k’wer-* /**k’wor-* ‘гремять, гроыхать, реветь’ при авест. *gram-* ‘буйствовать’; др.-в.-нем. *gueran* ‘стонать’; рус. *гремять*, *гремячий*, *гром* [sic – Ш.Н.]. Вероятна звукоподражательная мотивировка данного борейского слова.

6. *каз* ‘гусь’

Наукой установлен этимон в пратюркском языке *Kar’ – ‘гусь’, что дело ДТ *qaz*, башк. *каз*, чув. *хор*, як. *xās* ‘гусь’. Последние возникли из ПА *gār’*V* ‘гусь дикий’, что само есть рефлекс ПН *Gar’ – ‘дикий гусь’.

По современной классификации чукотско-камчатские языки – ветвь восточно-борейских; здесь праформа общей лексемы ПЧК *yalʷa ‘утка’ [Bomhard 2011, 188, 189].

7. олтан ‘стелька’

Такое сугубо “бытовое” слово возникло из ПТ *ul ‘стелька’ > ДТ *ultaŋ* ‘то же’; рефлексy в тюркских языках многочисленны, приведем лишь як. *ulluŋ* ‘подошва’... Современная алтаистика установила этимон – ПА *ula ‘пята, подошва, обувь’ [EDAL, 1492, 1493]. Ностратический характер слова (в ареале афразийских и алтайских языков) показан А. Бомхардом: ПН **?ul-* (~**?ol-*) ‘основание чего-либо, подошва’ [Bomhard 2011, 157].

8. тиле ‘шалый; дурной’

Слово достаточно специфическое, в основном словарном фонде не числится, частотность его невелика. Тем не менее, древний, бореальный характер доказывается наукой из следующих фактов: < ПТ **yül-* ‘быть сумасшедшим’, среди рефлексов чув. *šilə* ‘гнев’ < ПА *dūli ‘сумасшедший’ [EDAL, 485].

Афразийские, дравидийские (под вопросом), индоевропейские, уральские языки составляют ареал этой лексемы. Подробнее по индоевропейским языкам: ПИЕ **d’ul-* ‘сумасшедший’: др.-англ. *dol* ‘глупый’, др.-сакс. *dol* ‘сумасшедший’, нем. *toll* ‘то же’ [Kluge-Seebold 1989, 731]. Прагерм., **dwel-a-* ‘быть в расстройстве’, как и прочие упомянутые глоссы, возводятся А. Бомхардом к ПН **dul-* (~**dol-*) ‘беспокоить, озадачивать; беда > сводить с ума; сумасшествие’ [Bomhard 2011, 175, 176].

Как итог отметим такие моменты:

а) ряд исконных башкирских слов имеют свои алтайские этимологии, подкрепляемые параллелями во многих других языковых семьях, которые суть составные части предполагаемой (по выражению традиционных лингвистов) бореальной сверхсемьи языков;

б) некоторые такие слова составляют часть “классических” ЛСГ – наименования объектов природы (*болот, күмер*), соматизмы (*имсэк*), название лиц (*көндәш*), зоонимы (*каз*), другие же (*олтан, тиле*) стоят за пределами круга основной, базовой лексики, принятой в традиционном сравнительно-историческом лингвистическом исследовании.

Литература

1. Гарипов 1971. *Гарипов Т.М.* Место башкирского языка в структурно-типологической классификации языков // АЭБ. Т. 4. – Уфа. – С. 143-144.
2. Иллич-Свитыч 1965. *Иллич-Свитыч В.М.* Материалы к сравнительному словарю ностратических языков. // “Этимология”. 1965. – М., 1967.
3. Иллич-Свитыч 1971-1984 – *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков. I: Введение. Сравнительный словарь. *b-k*. – М., 1971; II. Сравнительный словарь. *l-z*. – М., 1976; III: Сравнительный словарь *p-q*. – М., 1984.
4. Bomhard A. 2011. *Additional Nostratic Etymologies*. Charleston. M.S.
5. Dolgopolski A.V. 2008. *A Nostratic dictionary*. – Cambridge, 2008.

6. Kluge-Seebold 1989 – Kluge F., Seebold E. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin – N.Y.: Walter de Greuter.
7. *Redei K.* 1986-1988. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. – Вр. – Lfg. 1-7. – XL VIII, 906 S.
8. *Starostin S., Dybo A., Mudrak O.* – 2003. An Etymological Dictionary of Altaic languages. 3 vol. Leiden: E.J.Brill. = EDAL.

Е.А. Нечаева (2 курс, филологический факультет, Самарский
Государственный университет, Самарская обл., г. Самара)

ЭРИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В зависимости от цели использования стратегий и тактик ведения спора их принято делить на 3 группы: диалектику, эристику и софистику. Под диалектикой Сократ понимал искусство вести эффективный спор, направленный на взаимозаинтересованное обсуждение проблемы с целью достижения истины путём противоборства мнений [Философский энциклопедический словарь 1983, 144]. Эристика – борьба в споре нечестными средствами (Аристотель и позднее Шопенгауэр) лишь в целях убеждения и победы в споре [Философский энциклопедический словарь 1983, 752]. Софистика понимается как стремление деморализовать собеседника, лишить его желания или возможности вести спор.

Каждая стратегия реализуется комплексом тактик, однако состав этих тактик в Интернет-коммуникации и в «живом» общении различен. Спор в Интернет-пространстве – это спор письменный, и такие важные для «живого» общения паралингвистические средства как мимика, поза, движение, жест, интонация, значимые паузы – не могут быть выражены. Так получают распространение различные графические средства, призванные обозначить эмоцию, расставить акценты. Фактор анонимности понижает степень ответственности индивида за собственную коммуникативную деятельность. Это даёт возможность применять «запрещенные приемы» воздействия, а также выбирать стратегию победы, а не истины. Существенен фактор гендерного неразличения собеседника в условиях, если псевдоним участника виртуального общения не имеет семантики пола и не указывает на возраст. Так нивелируется граница возраста и пола, что позволяет применять разнообразные тактики. Эти факторы рождают аффективную раскрепощенность, ненормативность участников общения [Виноградова 2004, 65]. Это обуславливает расширение вариантов воздействия на собеседника. Несмотря на то, что поведение в споре кажется сферой сугубо психологической, анализируется именно *речевое* поведение коммуниканта, а данная работа призвана показать, *как* он реализует средствами языка ту или иную тактику

эристики. *Эристика* – самая популярная стратегия, реализующаяся самым широким набором тактик. Рассмотрим некоторые из них.

Тактика «Конвенциональная истина». Конвенциональная теория интерпретации истины, сформулированная А. Пуанкаре и Т. Куном (*истина как результат соглашения*) [Чудинов 1977, 112] обуславливает бытование некоторых суждений как истинных традиционно, то есть универсальных и априори неоспоримых, однако непроверенных (и/или тех, которые не могут быть проверены эмпирически) – апелляция к традиции (*argumentum ad antiquitatem*). Коммуникант использует доводы, истинность которых нельзя ни доказать, ни опровергнуть: *«Мы живем без христианских понятий, и отсюда беды и проблемы».*

Индуктивное умозаключение (обобщение): в качестве аргумента приводится в пример несколько элементов класса, обладающих каким-либо свойством, и вывод делается на основе этого знания *обо всех* элементах класса, т.е. по индукции.

Использование тактики **«ложный стыд с укоризной»** вызывает у оппонента стыд за незнание какого-либо факта или допущение ошибки: *«разница между бактерией и вирусом объясняется в школе в 6 классе. Если Вы не знаете даже этого, какой смысл говорить с Вами о геноме и ГМО».*

«Многовопросье» представляет собой комплекс «тактических вопросов», соединяющих свойства *риторического* вопроса и вопроса, требующего ответ, который содержится в самой структуре вопроса: *«так ведь собственные традиции-то где? Например, кто в курсе, что русский народный инструмент это не тум-балалайка, а домра? или что вышивка это не красивый орнамент, а зашифрованные знаки? или что «Очи черные» - это не русская народная песня?))»*

Тактика «Пороки возраста» – ссылка на недостаток опыта у оппонента / на архаичность его взглядов: *«Куда катитесь вы со своими старомодными взглядами?»*

Тактикой «доверительность и лесть» коммуникант вызывает чувство благодарности у оппонента, посредством лести или посредством ложной доверительности, ожидая ответную аналогичную реакцию.

«Ссылка на авторитетное мнение». Апелляция к авторитету (*argumentum ad verescundiam*) является достаточно распространенной тактикой в виртуальном споре: *«У вас устаревшая информация. «Туфта» эта не моя. Академик Павлов говорил, что смерть человека до 150 [лет] следует считать насильственной..»* В этом комментарии довольно необычная мысль о том, что человеческий организм способен функционировать как минимум сто пятьдесят лет, подтверждается аргументом И.П. Павлова, так как его авторитет в области физиологии и психологии весьма высок. Кроме того, указание авторства другого лица снимает определенную долю ответственности за содержание фразы с коммуниканта. Так коммуникант актуализирует свое пассивное значение в

цепочке *«Непосредственный автор высказывания – Посредник, передающий высказывание – Адресат».*

«Апеллирование к свидетелям спора». Примечателен тот факт, что эту тактику мы видим в рамках спора в Интернет-пространстве, а этот спор есть спор, прежде всего, письменный, и свидетелей его, в традиционном смысле слова, мы здесь не найдем, однако любой читатель, независимо от даты посещения форума, блога, чата и т. д., становится своеобразным свидетелем, и эта непрерываемая, по сути, процедура обуславливает использование данной тактики в рамках виртуального спора. Нарочитое апеллирование к свидетелям спора позволяет коммуниканту игнорировать высказывания собеседника, которые являются для первого нежелательными. В широком понимании, данная тактика представляет собой обращение к свидетелям, не участвующим в споре, вместо непосредственного обращения к оппоненту: *«не обращайтесь внимания. Конкистадор у нас очень "хорошо" историю знает...»* В рамках этой тактики часто наблюдается ирония, нередко выраженных графически с помощью кавычек.

«Представление вывода как самого собой разумеющегося». Коммуникант может уйти от необходимости доказательства, представив *вывод как сам собой разумеющийся*. Бесспорно, этот метод можно назвать тактикой, так как он блокирует дальнейший конструктивный диалог в виде обсуждения аргументов сторон: аргумент «ну это же и так понятно» крайне сложно опровергнуть: *«Ну не секрет же, что вегетарианцы страдают слабоумием, куда-то же надо выплескивать свою дурость!»*

«Восклицательность». Стратегия убеждения предполагает, что коммуникант уверен в правильности своей позиции и истинности своего высказывания, и передать эту уверенность, сообщить оппоненту, что он безапелляционно согласен или не согласен с чем-то, помогает графический знак «!», однако же воздействие на собеседника можно назвать тактикой, так как и происходит *убеждение* оппонента. Ряд других побочных свойств сопутствует основной функции убеждения: использование нескольких знаков подряд привлекает внимание оппонента по нескольким причинам: во-первых, экспрессивная функция знака сообщает оппоненту, что данная мысль крайне важна для оппонента, во-вторых, наличие нескольких знаков «!» *зрительно* выделяет сообщение коммуниканта из ряда других, опять же привлекая внимание. Кроме того, в Интернет-диалоге количество данных знаков никак не ограничено (сравним: в устной речи сложно себе представить высказывание, интонационно-экспрессивное наполнение которого можно было бы выразить, например, четырьмя знаками «!!!!», и чем бы оно отличалось от того, что выражено было бы шестью знаками? Десятью?) *«О том и речь...!!!!!!»* Нетрудно заметить, что в данном высказывании реализуется функция привлечения внимания собеседника: он не сообщает новой информации, являющейся его личным мнением.

Зато в следующем примере основная функция убеждения находит свое отражение: *«другой альтернативы не вижу!!!!!!!!!!!!!!»*

Тактики «*Ad hominem* (переход на личность)» и «*Фамильярность (Родной ты мой собеседник!)*» воздействуют на психологический аспект личности, подменяя предмет спора с тезиса на личность говорящего.

Тактика «*Крайности (гиперболизация)*» выражает несостоятельность идеи собеседника через гиперболу, доходящую иногда до гротеска: *«А вот меня белок не интересует, я именно мясо люблю, сочное, жареное, что ж мне убиться теперь?»*

В процессе убеждения оппонента широко использует ирония, по отношению к предмету спора, самому оппоненту или по поводу техники аргументации.

Таким образом, эристика – широко применяемая в интернет-спорах стратегия, включающая самые разнообразные тактики.

Литература

1. Виноградова Т.Ю. Специфика общения в Интернете (Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. – Казань, 2004. – С. 63-67.
2. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
3. Чудинов Э.М. Природа научной истины. – М., 1977. – 312 с.

О.В. Печаткина (канд. филол. наук, асс. БГПУ им. М. Акмуллы,
Башкортостан, г. Уфа)

МОТИВАЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЙ ПОЛИСЕМАНТИЧНОГО СЛОВА¹

Категории мышления и языка взаимопроникновенны, не имеют четких границ, а, значит, слово может одновременно относиться к нескольким категориям. Естественный язык не фиксирован, а значит, «посредством ограниченного числа языковых средств может быть высказано бесконечное множество мыслимых содержаний» [Жинкин 1964, 30]. Содержание речемыслительных категорий изменяется, приобретая новые объекты или утрачивая их. Этот процесс часто происходит одновременно на уровне речи и на уровне языка. Вероятно, функционирование таких категорий напрямую зависит от личных трактовок, набора научных и культурных знаний. А. Вежбицкая

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке федеральной целевой программы (ФЦП) «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы – «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области гуманитарных наук». Тема НИР: «Этноконфессиональная история и языковое наследие народов Урала».

предполагает наличие скрытых категорий, которые могут существовать без представления их словами [Вежбицкая 1997, 300]. С этим вопросом непосредственно связана проблема соотношения невербального и вербального этапов мышления, исследованием которой занимались А.А. Шахматов, А.А. Залевская, И.А. Зимняя, Г.П. Мельников.

Для решения вопроса о структуризации семантических изменений необходимо очертить круг причин, оказывающих влияние на движение языка в целом и на лексику в частности. Основную причину в изменении значения лексемы В. Пизани видел в явлении метафоры (в широком смысле). Он считает, что слово – это всегда единство формы и содержания. Но говоря о «новом слове», автор часто подразумевает новое значение, а не новую лексическую единицу в совокупности ее формальных и смысловых свойств [Пизани 1956, 145]. Г. Пауль склонен разделять все изменения языкового узуса на процессы возникновения нового и процессы отмирания старого, то есть положительные и отрицательные, а также процессы замены [Пауль 1960, 55]. По мнению Э. Косериу, следует различать три проблемы языкового изменения: логическую, общую и историческую, которая рассматривает особенности конкретных изменений [Косериу 2001, 44-45], что находит продолжение в работах Б.А. Серебренникова, который полагает, что в полисемии, лексической и лексико-грамматической омонимии проявляется, прежде всего, историческая непрерывность, глобальность означаемого [Общее языкознание 1970, 118].

Под типами же мотивированности полисемантического слова следует понимать отношения семантической производности, обусловленные теми или иными экстра- и интралингвистическими факторами. В данном вопросе авторитетное место принадлежит классификации, разработанной В.В. Виноградовым, которая стала основополагающей для лексикологии с точки зрения разграничения значений на прямые и переносные, первичные и вторичные, свободные и связанные. Однако Г.А. Богатова справедливо замечает, что критерии разграничения типов значений различны. Среди оппозиций для классификации она называет следующие: первичное – вторичное значение, базовое – производное, собственное – фигуральное, узуальное –okkaзиональное, общее – специальное, собственное – общее [Богатова 2008, 168]. Д.Н. Шмелев считает целесообразным понимать под основным значением многозначного слова то значение, «которое наиболее обусловлено парадигматически и наименее обусловлено синтагматически» [Шмелев 2008, 212]. Однако такое понимание обуславливает только синхроническую соподчиненность значений в слове. По мнению ученого, определение значения как переносного говорит о том, что оно воспринимается в связи с какими-то другими значениями, следовательно, имеет деривационную связность.

Метафорический перенос играет большую роль в развитии ЛСВ полисемантического слова. Метафора – уникальное явление языка, способ создания нового значения, к которому прибегает каждый говорящий, даже не имея такого намерения. Можно говорить о некоторой степени метафоризации человеческого сознания. По мнению Г. Пауля, В.Г. Гака метафора делает более доступными и наглядными аспекты мира, далекие от человека и малопонятные ему, в частности, позволяет легче воспринять абстракции. Помимо метафорических и метонимических переносов Д.Н. Шмелев, выделяет ассоциативный перенос, полагая, что связь между ЛСВ многозначного слова иногда лежит на поверхности, то есть отчетливо понимается говорящим и слушающим, тогда как при семантическом анализе значения оказываются не объединенными никакими общими семантическими признаками (то есть семами, дифференциальными признаками). Единоы здесь лишь ассоциативные признаки, связывающие основное и вторичное значение [Шмелев 2008, 231]. Однако типы мотивированности не исчерпываются только названными. Так, Л.М. Васильев отмечает, что полисемия может базироваться на разных деривационных отношениях: родо-видовых, синестетических, причинно-следственных, функциональных, метафорических, метонимических, имеющих в своей основе ассоциации. Ученый полагает, что новые значения могут возникать также в результате «семантической конденсации» и благодаря расщеплению синкретического содержания доминирующих сем основного значения [Васильев 2006, 136, 157, 340]. Типы семантической деривации, согласно Н.З. Котеловой, следует делить на метафору, метонимию, синекдоху, агглютинацию, расширение и сужение [Котелова 1975, 80].

Таким образом, очевидно, что все лингвисты твердо сходятся в существовании таких типов мотивированности как метафора, метонимия и синекдоха. Относительно других способов, о которых идет речь, единого мнения нет, а зачастую нет и полноценных определений названным понятиям. Полагаем, что помимо переноса значений по выполняемой функции, общему признаку, сходной форме имеет место трансформация объема словесного значения, его внутренней формы. П.А. Соболева, кроме того, отмечает, что новое значение может появиться «в результате лексикализации определенных лингвистических категорий» [Соболева 1980, 171]. Приводя примеры, типа барашки, воды, грязи, она отмечает, что значение множественного числа, то есть флексии, нивелируется. Подобные процессы десемантизации, безусловно, происходят и с другими категориями. Согласно И.В. Сентенберг существует 4 вида трансформации основного значения слова (цит. по [Васильев 2006, 145]): актуализация потенциальных признаков и переход их в ранг обязательных сем; переход обязательной семы в разряд потенциальных признаков, сопровождающийся генерализацией значения; спецификация сем

основного значения в производных значениях; мена категориальных сем (например, семы одушевленности на сему неодушевленности, семы действия на сему состояния и т.п.). Интересен подход Ф.А. Литвина, предлагающего выделять парадигматические (ориентированные на экстралингвистическую действительность) и синтагматические (условия реализации ЛСВ в речи) характеристики ЛСВ. В отношении первых он считает необходимым говорить о трех видах отношений между ЛСВ: 1) пересечение (при пересечении варианты слова имеют общую семантическую часть, но каждый вариант имеет и свою специфическую часть), 2) включение (один ЛСВ сложнее, чем другой: он включает в себя семантику первого и имеет часть, которой нет у первого ЛСВ), 3) семантическая омонимия (выделяется тогда, когда в многозначном слове отмечается наличие ЛСВ, не связанных семантически) [Литвин 2005, 20]. Внутри слова мотивация может быть ослабленной или вовсе утраченной по отношению к общей схеме семантического развития, а такие специализированные значения-употребления уязвимы с точки зрения их возможного перехода в омонимы, термины или фразеологизмы (из которых невозможно уже выделение переносного значения слова), что отмечает Г.А. Богатова. Такие неординарные значения она называет дистантными [Богатова 2008, 159]. В одном или нескольких значений такого многозначного слова с другими значениями (значением) может быть сохранена лишь весьма отдаленная образная связь. Рассматривая процесс образования по аналогии, Г. Пауль пишет о том, что «новообразования по аналогии не сразу вытесняют существовавшие ранее равнозначные формы» [Пауль 1960, 138]. Люди должны знать оба варианта, после выравнивания которых в употреблении, и противоборства, новое будет иметь превосходство над старым. Однако иногда последствия изменения бывают настолько слабы, что новое не обнаруживается в сознании без помощи пропорциональной группы, к которой относится изменение.

С точки зрения Е.Е. Хазимуллиной, мотивированность языковых знаков следует разделять на внешнюю (онтологическую и гносеологическую мотивированность) и системную (семантическую, формально-семантическую, формальную, значимостную и функционально обусловленную) мотивированность [Хазимуллина 2000, 83]. При этом Б.А. Зильберт отмечает, что правильнее говорить о системной мотивированности в синхронии. Он разделяет системную мотивированность на первичную (изначальную) и вторичную (внешнюю). Кроме того, ученый говорит о семантической, синтаксической и прагматической мотивированности. С его точки зрения, мотивированность есть функциональное отношение между знаком и концептом [Зильберт 1978, 61-69]. Таким образом, содержание многозначного слова

трансформируется в течение длительного времени, не теряя стержня подлинных изменений.

Мотивированность значений многозначного слова следует называть внутрилексемной семантической мотивированностью. Мотивированность не только фиксирует общие характеристики внутренней формы и значения, но и определяет количественное и качественное соотношение сем внутри семемы. Мотивированность обладает такими структурными особенностями, которые позволяют конструировать виды взаимоотношений между когнитивными и языковыми категориями единицами, учитывая как их соподчиненность в системе, так и ее структуру. Важными мотивирующими факторами при этом являются когнитивные категории, отражающие в сознании человека реалии действительности. Когнитивные категории формируются в процессе приобретения опыта, особенно в процессе усвоения языка. Таким образом, наполнение и содержание когнитивных категорий мотивировано эмпирическим и теоретическим опытом человека, постепенно становящимся достоянием и языковых категорий. Поэтому под внутрилексемной семантической мотивированностью следует понимать динамический процесс и результат взаимодействия ментальных и языковых категорий как отражения знаний о мире, образующих содержательные пространства с системой координат, позволяющей дифференцировать мыслимые предметы с помощью средств языка.

Литература

1. Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии. – 2-е изд., доп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
2. Васильев Л.М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – 524 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
4. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. – 1964. – № 6. – С. 26-38.
5. Зильберт Б.А. Система знаков языка, их значение и мотивированность. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978. – 88 с.
6. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения). – Изд. 2-ое, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 204 с.
7. Котелова Н.З. Значение слова и его сочетаемость (к формализации в языкознании). – Л.: Наука, 1975. – 163 с.
8. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. – Изд. 2-ое, стереотип. – М.: КомКнига, 2005. – 120 с.
9. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Под ред. Б.А. Серебrenникова. – М.: Наука, 1970. – 604 с.
10. Пауль Г. Принципы истории языка. – М.: Изд. иностр. лит-ры, 1960. – 500 с.
11. Пизани В. Этимология. История – проблемы – метод. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956. – 186 с.
12. Соболева П.А. Словообразовательная полисемия и омонимия. – М.: Наука, 1980. – 295 с.
13. Хазимуллина Е.Е. Типы мотивированности языковых единиц (на материале

русского и некоторых других языков). Диссертация... канд. филол. наук. Башкирский государственный университет. – Уфа, 2000. – 214 с.

14. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – Изд. 3-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 280 с. (Из лингвистического наследия Д.Н. Шмелева).

А.Г. Потешкина (*студентка Гуманитарного фак., специальность теоретическая и прикладная лингвистика, СГАП, г. Саратов*)

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ТЕКСТАХ АНГЛИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ РЕКЛАМЫ

В настоящее время реклама – это один из основных факторов, влияющих на формирование общественного сознания. «Реклама – важнейшая проблема нашего времени. Реклама – это бог современной торговли и промышленности. Вне рекламы нет спасения. Однако реклама – это искусство весьма нелегкое, требующее большого такта» [Ворошилов 2002, 425]. С помощью рекламы в сознании людей закрепляются определенные понятия и стереотипы. Данная статья посвящена проблеме гендерных стереотипов в текстах английской и американской рекламе. Гендерные стереотипы – это установки в отношении роли женщин и мужчин в обществе [Денисова 2002, 100-103]. Данная тема является актуальной, так как гендерные стереотипы являются барьером в установлении гендерного равенства в обществе.

Так называемые «женские» журналы, такие как «Good Housekeeping Magazine», «Working mother», «InStyle Magazine», «Harper's Bazaar Magazine» и т.д., а так же различные телевизионные ролики (например, на сайте youtube) воспроизводятся и транслируются гендерные стереотипы.

Мужской и женский образы представлены по-разному в рекламе. В качестве примера рассмотрим рекламу мужской одежды британской компании Marks & Spencer. Лозунг гласит: «Keep your cool with our linen shop-perfect for summer style» («Будьте невозмутимы с нашей одеждой – превосходно для летнего стиля»). При этом любой облик мужчины предлагается как нечто абсолютно серьезное, глубоко личностное. Мужчины чаще всего связаны с успехом, инициативой, а так же с автономией, авторитетностью и активностью. Выражение лица у мужчин – нейтральное или серьезное.

Типичный женский образ в рекламе включает ряд черт, связанных с излишней эмоциональностью, с социальными и коммуникативными умениями, с более низким когнитивным уровнем и т.д. Ведь согласно традиционным представлениям, женщина должна быть красивой и привлекательной, уметь развлечь мужчину и доставить ему удовольствие, уметь хорошо вести домашнее хозяйство, пользоваться косметикой. Социальные, экономические, политические проблемы, реальная жизнь реальных женщин фактически не находят своего отражения. Женщины в рекламе проявляют больший интерес к одежде, к жестам. Характер, создаваемый рекламным костюмом, дает основания менее серьезно воспринимать женщину в различных социальных ситуациях.

Важно отметить, что такие рекламные тексты насыщены эмоционально-оценочной лексикой, с помощью которой рекламируется не продукт, а молодость, здоровый вид кожи, привлекательность, положительная оценка окружающих: Средство против угрей Bioré Pore Perfect. Текст – «A blackhead is just a self-loathing pore (Угорь – это всего лишь ненавидящая себя пора)». Слоган – «Bioré. Beauty starts here (Красота начинается здесь)».

Кроме того, гендерные стереотипы, умело транслирующиеся в рекламе, привязывают женщин к домашнему хозяйству. В общественном сознании прочно укоренилось, что женщина должна вести домашнее хозяйство и воспитывать детей. В результате женщинам довольно сложно реализовать себя в общественной работе или в бизнесе.

Реклама чистящих средств Super и Clorox в Великобритании является примером реализации подобных стереотипов. Кроме того, в рекламе стиральных машин LG изображена счастливая хозяйка, и слоган: «Life's good» («Жить хорошо»). Такие гендерные стереотипы проявляются также в рекламе продуктов питания: «Have you had your protein today? To help keep your family going strong all day, try Tyson beef tips in gravy for protein you can really sink your teeth into» («Вы сегодня уже получили свою порцию белка? Чтобы обеспечить свою семью энергией на весь день, попробуйте кусочки говядины Tyson в соусе, где есть белок, в который можно вгрызаться»).

Излюбленным инструментом рекламы служит женское тело. Согласно статистике в 68,8% американской и английской рекламной продукции женщин изображают в положении лежа, то есть в незащитной позе, с согнутыми в коленях ногами, что традиционно выражает сексуальную доступность и лишний раз подтверждает подчиненное, зависимое положение женщин. Производители ячменного пива в Великобритании пришли к выводу, что обнаженная женская фигура в рекламе делает напиток более привлекательным. Такая реклама использует слоган, призывающий пить только натуральный эль.

Рекламодатели используют также приём «до и после», чтобы подчеркнуть сексуальность женщины. Так, в рекламе увеличителя губ утверждается, что потребитель будет иметь «perfectly plumped lips, instantly» («совершенные пухлы губки, незамедлительно»).

Привлекательная внешность модели – визитная карточка большинства рекламных роликов. Ведущие мировые бренды борются за возможность сделать лицом своей кампании Шарлиз Терон, Милу Йовович или Пенелопу Круз. При этом в 70% случаев сам продукт не имеет никакого отношения к миру женщин. Так, в рекламном тексте фирмы Hanes, такую роль исполняет Дженнифер Лав Хьюит, а слоган гласит: «Look who we've got our Hanes on now» (Посмотрите, кто теперь носит нижнее бельё Hanes)».

На основании сказанного становится ясно, что образы мужчин и женщин в рекламе тесно связаны с существующими стереотипами. Согласно опросу, проведенному британской газетой Daily Telegraph, более 2000 женщин считают, что мужчины воспринимают их в искаженном свете [<http://www.newsru.com/allnews>].

Тем не менее, в последнее время появилось осознание того, что роль СМИ должна сводиться к внедрению принципов равных прав и возможностей для женщин и мужчин. Так, в США создан специальный орган саморегулирования – Национальный Совет по наблюдению за рекламной деятельностью National Advertising Review Board (NARB), целью которого является изменение существующих, стереотипных и создание новых, адекватных женских образов. Например, рекламопроизводителям предлагается задуматься, не изображает ли данная реклама женщин более глупыми, чем мужчин? Использует ли реклама принижающие выражения типа «a woman's gab» («женская болтовня»), но «man's talk» («мужская беседа»)? Рекламные фирмы стараются следовать рекомендациям этого Совета.

Подобные организации и правовые акты призваны не только оградить женщин от безнравственной эксплуатации образа, но и защитить потребителей рекламы от ее пагубного воздействия. Например, группа американских феминисток выступила против французской рекламы карманного компьютера iPAQ в качестве зеркала. Английская ASA расследует рекламную кампанию Snowflake – одного из брендов Cadbury. В рекламе изображена женщина, смакующая шоколадный батончик, при этом слоган гласит «How much would you like this girl's job?» («Насколько вам понравится работа этой девочки?») [<http://www.guardian.co.uk/media/2001/oct/03/advertising.asa1>].

Мы видим, что в последнее время ситуация начинает меняться. В американской и английской рекламе все чаще стали изображаться активные и успешные женщины, а также мужчины, готовые заниматься воспитанием детей и домашним хозяйством.

В заключении хотелось бы отметить, что гендерные стереотипы глубоко укоренились в наше сознание и поведение. Как говорилось ранее, реклама – один из самых важных инструментов в формировании общественного мнения. Следовательно, рекламные тексты должны способствовать изменению существующих гендерных представлений для достижения равенства мужчин и женщин в обществе.

Литература

1. Витлицкая Е.В. Лингвистическая репрезентация гендерных стереотипов в рекламе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 19 с.
2. Ворошилов В.В. Журналистика. Учебник. 4-е издание. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 656с.
3. Денисова А.А. Словарь гендерных терминов. – М., 2002. – С.100-103.
4. Дударева А. Рекламный образ. Мужчина и женщина. – М.: РИП-Холдинг, 2004. – 222 с.
5. Максимова О.Б. Гендерное измерение в современном социально-коммуникативном дискурсе: роль рекламы // Вест. РУДН. Сер. Социология. – 2004. – № 6-7. – 253 с.
6. Courtney A.E., & Whipple, T.W. (1983), Sex stereotyping in advertising. Lexington, MA: Lexington Books.
7. http://www.adslogans.co.uk/samples/12_samples.html (сверено 15.03.11).
8. <http://www.guardian.co.uk/media/2001/oct/03/advertising.asa1> (сверено 12.04.11).
9. <http://www.newsru.com/allnews> (сверено 10.04.11).

И.В. Приорова (канд. филол. наук, доцент АГУ,
Россия, г. Астрахань)

АГРАММАТИЗМ НЕСКЛОНЯЕМЫХ ИМЁН КАК ФОРМА КРЕАТИВА В СМИ

В основе активного поиска языковых ресурсов лежит творческая способность языковой личности. Чтобы «обычное» возвести в ранг «необычного», не изменяя эстетическому вкусу, актуальным остаётся то, что А.А. Бестужев-Марлинский в 1835 году охарактеризовал так: *«однажды и навсегда – я с умыслом, а не по ошибке, гну язык на разные лады, беру все готовое, если есть у иностранцев, вымышляю, если нет; изменяю падежи для оттенков действия или изощрения слова. Я хочу и нахожу русский язык на все готовым и все выражающим. Если это моя вина, то и моя заслуга»* [Бестужев-Марлинский 2007,115].

Общее творческое начало и в разговорной, и в поэтической речи касается, прежде всего, языковой игры, которая в лингвистике не имеет однозначного определения и начинается с декодирования формы в соответствии с художественным вкусом и социально-исторической ориентацией автора. В современных масс-медиа обнаруживается тенденция использования «просторечной правдивости», «динамичной

морфологии» [Приорова 2010, 4]. Как и прежде, в грамматических «смещениях» иллюстрируется языковой вкус определённого синхронического среза, а высокая степень рефлексивности и малая «степень осознанности» грамматических форм и категорий усиливает «подражающую, выбирающую и воспроизводящую способность» [Фосслер 1910, 159] вкуса: ...*Но сам Хрущев сказал ещё в ООНе/Что мы покажем кузькину вам мать...* (В. Высоцкий «Письмо рабочих тамбовского завода китайским руководителям»); ...*Она сегодня здесь, а завтра будет в Обле* (В. Высоцкий «Она была в Париже»); Ср.: *Я в Сорренту прилечу, как я виновата; Я к тебе давно хочу, но чувствов – маловато, И в Чикаге мест не будет, тем, кто Родину забудет* (Света Дневная.– Заглавие с экрана. – Яз. рус.); *Можно жить и не тужить, если ты богатый/В Сочах бедным плохо быть, лучший друг – лопата* (Олег Дружный.– Заглавие с экрана. – Яз. рус.).

Эмоциональные интенции автора в «языковой игре» проявляются в шутке или «острословии» и могут ограничиваться только аграмматичной формой слова, которая связана с образной, экспрессивной передачей содержания или с усилением непринужденности общения, когда «ошибка» используется в качестве приёма. Оригинальность или типичность языковой игры, её «эстетическая ценность» объясняется не вкусом времени, а природой гения [Фосслер 1910, 159], которая расширяя возможности формы языкового знака, расширяет границы всего текста в целом. Поэтому если изменить угол анализа формально узнаваемых несклоняемых слов, проявляющих свою аграмматичность в определённых условиях, то открываются перспективы предупреждения речевых ошибок на примерах того, где допустимы аграмматичные формы, а где они не допустимы.

Ценность речетворческого материала заключается в том, что несклоняемое существительное, становясь в тексте текстообразующей единицей, становится маркером коммуникативно-творческих возможностей автора. Наиболее ярко «приращение смысла» ключевого слова в языковой игре угадывается в корреляция рода зоонимов на -у (*какаду, кенгуру*) при рифмообразовании: *А я увидел какаду/Она сидела на виду/Я любовался какадой /Такой красивой молодой./Был клюв крючком у какады. (Р.п., ед.ч.)/Она сказала мне: "Лады!/Я в путь отправилась тогда!"И улетела какада... и В зоопарке на беду/Мне попался какаду./И такую жуть тогда/Рассказал мне какада,/Что три года ждал беды/От пророчеств какады.* Манипуляция формой по гендерному принципу (сказала, улетела – ж.р. /, попался, рассказал – м.р. *какада*) и символизация птицы вещей (в индуизме), имитации чего-либо и предупреждение неверным женам (в буддизме) опирается на системно заданные формальные и семантические алгоритмы языковой игры, которые определяют эмоциональную наполняемость текста. В других

примерах, популяризированных в интернете, *Возвращаясь домой дворами,/Я столкнулся с двумя кенгуриями/ Ты гуляешь, наверное, зря/Говорит мне одна кенгурия/ Ведь не зря я вечерней порой/Тут гуляю с другой кенгурёй./И в постылой своей конуре/Думал я о другой кенгуре или Как-то раз под высокой горой /Повстречался Кенгур с Кенгурой. /И сказал тот Кенгур Кенгуре: /– Будем жить мы на этой горе...* игра падежной и родовой парадигмой зоонима *кенгуру* создаёт тот игровой элемент, который лежит в основе современных взаимоотношений женщины и мужчины.

Соблюдение литературной нормы традиционно ассоциируется с правильностью речи. Однако стоит обратить внимание на двойственность понятия «правильность речи». Являясь основополагающим в ряду прочих качеств речи, оно имеет «нормативную», то есть структурную (из чего сделана) и «стилевую», то есть функциональную (как работают языковые единицы) стороны. Коммуникативная задача и коммуникативная ситуация определяют то, что одно и то же качество речи может рассматриваться то как достоинство, то как недостаток, и ненормативное использование несклоняемых существительных зависит от стилистической мотивации.

Отсутствие однословного семантического аналога в обозначении верхней одежды, кодифицированная неизменяемость слова *пальто*, утратившего русифицированность, согласно «книжной моде» (И.И. Срезневский), стимулирует исторически заложенную изменяемость формы в коммуникативном пространстве, становясь излюбленным приёмом речетворчества в интернете: *Еду я на метре в шибко драном пальте,/Только кажется мне, что мой поезд стоит./Был вчера без пальта, а сегодня без ума...* (Константин Круглов «Весы»). Однако нельзя оставлять без внимания языковое чутьё, определяемое чувством соразмерности, и не учитывать вкус времени, т.к. дестабилизация и нарушение языковой соразмерности, к сожалению, делает известное высказывание А.П. Чехова «*Для интеллигентного человека дурно говорить должно бы считаться таким же неприличным, как не уметь читать и говорить*» не актуальным.

Речевая практика расширяет инициативную среду носителей, привлекая «морфологическую креативность» (Е.Н. Ремчукова): а) в современных КВНовских текстах: *Ко мне пришли друзья грузины и армяне,/Я польта с них сниму и приглашу к столу!; Мы катались на метре, ты была в своём пальте,/ Ты сказала — я понял, в общем, полный трам-там-там...; Если ты не брешься,/Если ты не моешься,/Очень скоро в зоопарк/Шимпанзой устроишься!; Мне нравится рубахой-парнем быть,/Мне нравится быть девкою-чулками!/Мне нравится шампанзенское пить/С такими как Тарзаны шимпанзами!* Современная «вкусовая интерпретация» активно популяризируется б) в известных телевизионных юмористических передачах «Смехопанорама», «Аншлаг», «Кривое зеркало», «Слава богу, ты пришёл», «Большая разница»; в) в анекдотах и

газетно-журнальных публикациях; г) в речи героев российских телесериалов: *Лучше на метле в Париж, чем на метре в Бирюлево!* (сериал на телеканале СТС «Моя прекрасная няня»); *Ты что, Лидусик, решила своими бигудями нам праздник испортить* (сериал на телеканале СТС «Счастье мое»); *Дорвалась... душа до джакузи с жалюзями...* (Х/ф. «Дети понедельника»); *Что же вы, маэстры...* (Х/ф. «Иван Васильевич меняет профессию»); д) в рекламных текстах: *Закажи более чем 2 кв. м жалюзей и получи скидку 15 %*, расширяя сферу просторечного употребления не только в устной форме.

Часто востребованные реалии жизни требуют «облегченных» грамматических форм, а в среде жалюзийного бизнеса «ненормативные» варианты оправдываются произносительным неудобством слова *жалюзи* в повседневной речи. Рекламный разноречивой аграмматичной формы *жалюзи* сконцентрирован в тексте экспериментальной рекламы: *Вот ведь как! Вопрос простой – / Как же быть нам с жалюзей?/ Мы без этих жалюзей/ Не протянем пару дней./ Свет от солнца закрывает – / Жалюзья нам помогает./ Ну а если хочешь солнца? Жалюзья – это не нонсенс! Ты её перекрути/ И лучи к себе впусти./ Чтобы с солнышком дружить/ Жалюзи умеют крутить!* Частотность употребления этого слова в изменённой форме объясняется его принадлежностью к разряду собирательных имён существительных со значением множественности, что способствует активизации его просторечной формы, которая в перспективе может стать кодифицированной, как и кодификация *кофе* в среднем роде.

Участники различных Интернет-форумов, Интернет-сайтов, Интернет-переписка являются самыми «злостными» нарушителями норм литературного языка. Тенденция немотивированного употребления неизменяемых имён в полной парадигме снижает стилистическую планку информации и искажает прагматическую установку: *Настройка VPN вчера в течение семи часов закончилась фиаской...* (Разговор о новых компьютерных технологиях); *Вообще-то поднятие цен на нефть всегда оказывалось в результате этого фиаской для СССР / России* (Тема форума «Почему цена на нефть так высока?»); *Тонкий политический просчет закончился для болельщиков всей страны фиаской – лучшие комментаторы канули в лету и теперь их можно только читать.*

Если предложенные примеры разграничить по принципу прием/ошибка, то на примере функционирования несклоняемых существительных определяется грань допустимости или запрета в употреблении аграмматичной формы в процессе коммуникации. Удачное использование деструктивной формы этих слов приравнивается к приему выразительности. Просторечное употребление несклоняемых слов – это упрощённая форма использования «грамматической провокации» (Приорова 2010), которая компенсирует поиск ресурсов плана выражения потенциальными, субституированными формами. Она не приравнивается к

выразительным средствам, вне речетворчества, т.к. «Окказионализмы обычно не становятся фактами общенародного языка, а живут лишь в том контексте, который их породил» [Панов 1984, 198]. Факты просторечного использования несклоняемых существительных в качестве грамматических окказионализмов обнаруживаются в произведениях В.В. Маяковского, М. Зощенко, М. Булгакова и др., формируя представление о рамках допустимых изменений несклоняемых существительных не только в художественных текстах, но и в речемыслительном процессе.

Таким образом, при анализе иллюстративного материала с использованием несклоняемых существительных в коммуникативном пространстве и современных СМИ выявляется закономерность, отражающая не только компетентность языковой личности, но и типологические корреляции формально узнаваемой лексико-грамматической группы, которая проявляет свою морфологическую редукцию в кодифицированном варианте и морфологическую агглютинацию в некодифицированной, аграмматичной форме. Систематизация узнаваемых фактов расширяет рамки традиционного изучения данной группы слов и способствует развитию языкового чутья современных носителей языка. «Динамичная морфология» (аграмматичные, деструктивные, просторечные, потенциальные формы) несклоняемых имён реализуется в речетворческом пространстве, где внутренние, системные факторы, управляющие потенциальными ресурсами плана выражения элементов системы, выступают в цепи неразрывных явлений: *жизнь – речь – норма* и являются аккумулятором того, что «народ говорит так, как живёт». Поэтому аграмматичные формы несклоняемых существительных с динамичной морфологией не могут превратиться в морфологические штампы и своеобразные клише, т.к. *изменённая форма неизменяемого слова лишается семантической актуализации вне контекста*, а их потенциальные и окказиональные свойства реализуются только тогда, когда «оживает» их статичная морфология.

Литература

1. Бестужев-Марлинский А.А. Прямая речь. Мысли великих о русском языке / Составление, подготовка текста и вступительная статья Д.Н. Бакуна. – М.: Российский фонд культуры, 2007. – С. 115.
2. Панов М.В. Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) / Сост. М.В. Панов. – М.: Педагогика, 1984. – 354 с.
3. Приорова И.В. Функционально-коммуникативные свойства несклоняемых имён в языке и речи: монография. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2010. – 161 с.
4. Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики: монография. – М.: Изд-во РУДН, 2005. – 329 с.

5. Срезневский И. И. Русское слово: Избранные труды: учебное пособие для пед. ин-тов / И.И. Срезневский; сост. Н.А. Кондрашов. – М.: Просвещение, 1986. – С. 155.
6. Фосслер К. Грамматика и история языка (к вопросу об отношении между «правильным» и «истинным» в языковедении). – М.: Логос, 1910. – С. 157-170.

Е.Г. Рузина (*канд. филол. наук, доц. БГПУ им. М. Акмуллы, Башкортостан, г. Уфа*)

АНТИЧНАЯ КУЛЬТУРА И СОВРЕМЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Для понимания мировой культуры античность имеет важное значение. С ней связаны истоки не только европейской, но и всемирной культуры. На протяжении многих веков человечество обращалось и продолжает обращаться к культурному наследию античности.

Каждый народ и каждая эпоха воспринимала это наследие по-своему, стараясь заимствовать то, что соответствовало идеологическим приоритетам эпохи, общественному укладу государства, уровню просвещения, требованиям развития национальной культуры, литературы, науки.

Для Средневековья античность была материалом, для Возрождения и Классицизма образцом. Эпоха Просвещения, сохраняя веру в «естественные законы» искусства, ставит под сомнение то, что античные авторы достигли совершенства в следовании этим законам. Романтизм считал, что у классиков надо учиться, но нельзя «заставить человечество обратиться вспять, ко временам Гомера». Для реализма античность – исток, без которого не было бы реки, но который не то же самое, что и река.

В истории наблюдаются две стороны того диалектического отношения к прошлому, которое только и может дать творческий результат.

Существовали попытки, которые и теперь можно увидеть, модернизации античности и приспособление отдельных сторон культуры к потребностям сегодняшнего времени. Возможно, что это было бы совсем неплохо, если бы идеи и факты античной культуры рассматривались в тесной связи с исторической обстановкой.

В своё время представители вульгарного социологизма либо совсем отвергали античную культуру, считая, что она бесполезна для нового общества, либо, наоборот, находили в ней отголоски современности и пытались доказать, что новое общество все же превосходит древних.

Известный филолог и философ, глубокий знаток античности С.С. Аверинцев, отвечая на вопрос, что даёт нашему современнику общение с умами отдалённых эпох, пишет: «Древние были не то, чтобы умнее нас – их ум, их неразумие, их возможности и границы были другими: в

сравнении мы вернее увидим собственные возможности, собственные границы: если нам посчастливится, мы на самих себя взглянем по-иному... Но для этого надо, чтобы общение было действительно общением, когда собеседника не выдумывают, а силятся увидеть таким, каков он есть, не творя из него кумира, не вникая в его опыт» [Аверинцев 1988].

В эпоху НТР предпочтение отдавалось точным наукам. Это привело к умалению роли гуманитарных наук, к упадку духовной культуры и дегуманизации общества.

И хотя последние десятилетия ощущается стремление к возрождению гуманитарного образования, способствующему воспитанию духовности, гуманности, повышению интеллектуального и нравственного потенциала будущих специалистов, но пока, к сожалению, результаты оставляют желать лучшего.

Хотелось бы остановиться на вопросе о месте и роли античной культуры в культуре современной, о возможностях и особенностях их коммуникации.

Современная система коммуникации включает в себя язык, литературу, искусство, науку, средства массовой информации, разные формы обучения и, конечно, повседневное человеческое общение.

Известно, что в состав лексики русского языка, как и всех европейских, вошли многочисленные грецизмы и латинизмы: слова, словообразовательные элементы, устойчивые фразеологические словосочетания. Многие из них настолько прочно вошли в русскую речь, что даже не воспринимаются как заимствования. Вспомним такие слова, как «огурец», «капуста», «олады», «тетрадь», «уксус» или фразеологизмы: «подземный мир», «буря в стакане воды», «бросать слова на ветер», «делать из мухи слона» и многие другие. То же можно сказать о таких пословицах, как «Человек – кузнец своего счастья», «Бедность – не порок», «Рука руку моет», «Первый среди равных», «Пришла беда – отвори ворота», «Одна ласточка не делает весны» и другие.

Если обратиться к терминологии, то можно убедиться, что почти вся международная научная, социально-политическая, техническая терминология создана и продолжает создаваться вместе с развитием общества на основе «мёртвых языков», которые являются живым, неиссякаемым источником для обозначения вновь возникающих предметов, явлений, понятий.

В последние десятилетия появились не только в прессе и языке науки, но и вошли в обиход такие термины, как «кибернетика», «компьютер», «консенсус», «конфронтация», «акселерация», «экстремизм», «экология», «стагнация» и многие другие.

Остановимся на одном из них. Термин «Стагнация» (из латинского *stagnum, i n* – болото, стоячая вода) долгое время употреблялся только в экономике для обозначения застоя в производстве, торговле, сельском

хозяйстве. В последнее время он становится термином политическим и обозначает не только само явление застоя, но и период застоя.. В прессе, особенно в публицистике, появились производные слова: «стагнизировать», «стагнизирующий».

Появились и стали популярными в период перестройки такие термины, как «плюрализм», «диалог» (политический, мирный и др.).

Таким образом, политизация современного мышления привела к тому, что многие термины экономические, философские, юридические приобретают политическую окраску.

В повседневный обиход вошли и получили широкое распространение имена героев и богов античной мифологии и литературы, используемые в качестве названий технических новинок, объединений, обществ: ССО «Прометей», спортивное общество «Геракл», ВИА «Орфей», автобус «Икарус», самолёт «Антей», американский космический корабль «Аполлон», торговый кооператив «Меркурий», овсяная крупа «Геркулес», парикмахерская «Венера» и т.п.

В этом сказывается своеобразная мода на античность, имеющая под собой, безусловно, определённые основания. Известный философ, филолог и антиковед А.Ф. Лосев считал, что античное слово, являясь словом-образом, словом-символом, несёт на себе как нагрузку прошлого, так и «заряжённость для осуществления будущего» и «... никакая человеческая жизнь, ни идейная, ни бытовая, повседневная невозможна без символов, которыми мы пользуемся ежеминутно...» [Лосев 1976].

Следует отметить, что в последнее время античность вновь приобретает престиж. Большим спросом пользуются произведения греческих и римских писателей, историков, философов, ораторов. Появилось много новых хороших переводов произведений античных авторов на русский язык в прекрасном издании.

Это, конечно, хорошо. Но жаль, что зачастую некоторые журналисты, писатели, поэты и даже «учёные», не обладающие глубоким знанием античности, подчас легковесно, слишком вольно обращаются с античными реалиями, историческими и литературными фактами, допуская порой безграмотное манипулирование вечными образами греческой и римской мифологии, истории, поэзии. Приведём несколько примеров. Известный российский поэт Евгений Винокуров пишет:

Чествовали шумно Одиссея
От вина Фалернского кося...

Поэт угощал гомеровского героя фалернским вином, которого греки не знали и не могли знать, ибо это вино, лучшее из итальянских, пили римляне.

В другом стихотворении он уверяет:
И был Платон
Врагом поэтов.

Учил он: лириков гони!
Не слушались его советов
И вот их сколько, вот они.

Автор считает, что Платона ослушался даже известный древнегреческий поэт 7 в. до н.э. Архилох, хотя Платон жил в V-IV вв. до н.э. (427-347 до н.э.) [Шанин 1986].

Кстати, известно, что сам Платон писал стихи:

Девять есть муз – говорят.
До чего ошибаются люди,
Есть и десятая – это лесбийка Сапфо.

Известный журналист Василий Песков написал, что Сократ «умер в возрасте 106 лет», хотя известно, что умер он в возрасте 70 (470-399 гг. до н.э.).

Кандидат биологических наук А. Сейбутис в своей статье, говоря о древнейших миграциях, упоминает карту Гесиода. Гесиод – древнегреческий поэт (VII в. до н.э.). Очевидно, автор имел ввиду карту Геродота (греческий историк ~ 484-425 до н.э.).

Г. Гачев пишет «общеизвестен дуб в Лондоне, посвящённый Зевсу и представляющий собой один из наиболее древних и авторитетных оракулов» (Г. Гачев «Жизнь художественного сознания». М.: ..., 1972. – С. 9). Очень жаль, что автор перенёс дуб, стоящий издавна в древнегреческом Додоне, религиозном центре, где находился Додонский оракул при храме Зевса, в Лондон.

В 80-е годы был показан фильм «Пловец». Нырятьщик находит на дне моря близ Батуми корабль, в трюме которого хранятся амфоры с вином. Он и его друзья, смакуя напиток, восклицают: «Как «Изабелла», только слаще». По мнению знатоков, вино может храниться не более 400 лет, а потом оно начинает разлагаться, так что оно никак не могло быть вкусным [Шанин 1989].

В рассказах для школьников украинского поэта А. Федорука «Рождённые в Элладе» (Киев, 1899) мы читаем о том, что один из героев «стучит в окно». Но это невозможно, ибо в древнегреческом доме не было окон. Освещение осуществлялось через широко распахнутые двери и отверстие в крыше. Он же, рассказывая о событиях V в. до н.э., пишет: «Вошёл милетский торговец шкурами, вынул из сумки бумагу...». Но бумага появится значительно позже, через 7 столетий, оставалось ещё 2 в. до изобретения пергамента.

К сожалению, не все книги об античных писателях и мыслителях соответствуют требованиям и иногда вызывают недоумение. Эти слова можно отнести к сочинению Т. Гончаровой «Еврипид» (М.: Молодая гвардия, 1986. Серия ЖЗЛ).

Но нельзя не отметить и то, что многие современные авторы бережно, уважительно и творчески относятся к античным идеям, образам, сюжетам, мотивам.

Так, известный литовский поэт Э. Межелайтис в своём творчестве демонстрирует основательное знание античной культуры – мифологии, истории, философии, поэзии, искусства. В сборнике «Пантомима» [Межелайтис 1980] автор стремится донести до читателя мудрую философскую глубину, прозрачность и ясность античного художественного слова-мысли и слова-образа. В античности поэт видит не только прекрасное, застывшее в мраморе прошлое человеческой культуры, но и ищет в нём ответа на вопрос о человеке и человечности.

Один из образов античности, который всегда привлекал к себе внимание и продолжает – это образ философа Сократа, его ироническая мудрость, приверженность истине. Все мы помним пьесы Э. Радзинского «Беседы с Сократом» и А. А... «Ксантиппа и этот, как его...», с успехом идущие на сценах многих театров. Этот образ привлекает к себе не только драматургов и поэтов, но также философов, психологов и педагогов.

Наша школа и средняя, и высшая стремится научить учащихся самостоятельно мыслить, и поэтому психологи и педагоги в поисках оптимальных форм и методов обучения все чаще обращаются к тем методам коммуникации, которые более 24 века тому назад использовал в своей практике древнегреческий учитель мудрости. Это и чёткая постановка проблемы, и форма доверительного, доброжелательного диалога, умышленное заведение собеседника в тупик, чтобы затем с помощью наводящих вопросов помочь рождению самостоятельной мысли в уме участника диалога и вместе с тем достичь истины. Диалог как метод обмена мнениями и идеями для уяснения истины плодотворен не только в учебном процессе, но и в науке.

Античной культуре и всем её компонентам – философии, науке, искусству, литературе принадлежит немаловажная роль и в интеллектуальном, и в этическом и эстетическом воспитании личности. Все эти стороны воспитания, хотя и не непосредственно, связаны друг с другом. Это понимали ещё древние.

Сенека писал: «Для чего же мы образовываем сыновей, обучая их свободным искусствам? – Дело не в том, что они могут дать добродетель, а в том, что они подготавливают душу к её восприимчивости» [Сенека 1977].

Особо важные коммуникативные, эстетические и этические функции принадлежат античной литературе. Она не только способствовала формированию новых европейских литератур, но и до сих пор питает их идеями, сюжетами, образами, формами.

Трудно переоценить роль памятников изобразительного искусства в современном эстетическом воспитании. «Античность, – как говорил

известный филолог-классик Ф.Ф. Зелинский, – не норма, а живительная сила современной культуры» [Зелинский 1903].

Литература

1. Аверинцев С.С. Попытки объясниться: Беседы о культуре. – М.: Правда, 1988. – 45 с.
2. Зелинский Ф.Ф. Древний мир и мы. – СПб.: Сенатск. Тип., 1903. – 123 с.
3. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1976. – 367 с.
4. Луций Анней Сенека Нравственные письма к Луцилию, письмо LXXXVIII. – М.: Наука, 1977. – С. 190-197.
5. Межелайтис Э. Пантомима. – М.: Советский писатель, 1980. – 343 с.
6. Подосинов А.В. К проблеме сократовского диалога // Античная культура и современная наука. – М.: Наука, 1985. – С. 21-25.
7. Шанин Ю.В. А Зевс гуляет по Лондону // Вопросы литературы. – 1986. – № 4. – С. 224-229.
8. Шанин Ю.В. Не обижайте, старика, Гомера или Можно ли редактировать классиков // Вопросы литературы. – 1989. – № 2. – С. 254-268.

*И.И. Савицкая (канд. филол. наук, доц. Белгосуниверситета,
Республика Беларусь, г. Минск)*

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ЭТНОСА В СЛОВАРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Целью исследования является анализ этнографической и национально-культурной составляющей в белорусском нациообразующем словаре конца XIX в. – «Словаре белорусского наречия» И.И. Носовича (1970 г.). Изучение национального самосознания происходит с использованием метода контент-анализа [Крысько 2002, 293] – одного из методов этнопсихологических исследований, при помощи которого происходит анализ и оценка информации в научных источниках, художественной и мемуарной литературе, документации и т.д. путём выявления и фиксации смысловых единиц текста. К таким источником можно отнести и национальные словари, в которых в значительном количестве содержатся национально ориентированные компоненты, известные носителям языка, возобновляющиеся в их речи и маркирующие их в глазах иностранцев.

Национальное самосознание носителей определённого языка составляет их психологическое и культурное единство, т.е. устойчивые связи и отношения людей внутри социальной группы. Согласно данным этнологов, этничность группы людей определяется такими показателями: «их [людей] владением **языком этноса** и признанием его в качестве “родного”, умением использовать его в общении; их усвоением каких-то **комплексов культуры** этноса, к которому они принадлежат, и умением использовать эти комплексы в повседневной жизнедеятельности; их

использованием (и сохранением) **традиций поведения и образа жизни** этноса, к которому они принадлежат; их **самосознанием** принадлежности к какому-то этносу, имеющему соответствующий этноним» [Ешич 2002, 21-22].

В этом аспекте могут быть рассмотрены «Словарь белорусского наречия» И.И. Носовича. Важным является не только лексический материал этого источника, но и хронология его выхода. Современный белорусский литературный язык как высшая форма национального языка начал складываться довольно поздно – в XIX в. – по причине определённых социальных и исторических факторов (для сравнения: староукраинский язык XIV – середина XVIII веков, современный украинский язык – с конца XVIII в.). Необходимо отметить, что как в первой, так и во второй половине XIX в. во взглядах на белорусский язык не было единства: некоторые исследователи (Б. Линде, М. Максимович) считали его самостоятельным славянским языком, другие (И. Срезневский, А. Соболевский) рассматривали его в качестве диалекта либо русского, либо польского языков. Работа экспедиции 1860-х гг. Географического Общества в т. н. «западнорусском крае», которая должна была описать «племенные и бытовые различия народностей западного края, их численные отношения, распределение по вероисповеданиям и степеням культуры, наконец, хозяйственный быт и степень материального благосостояния» [Пыпин 2005, 213], также не способствовала окончательному утверждению самостоятельности белорусского языка и вообще белорусской культуры: «Деятели 1860-х годов в западном крае так много говорили об «объединении», «обрусении» и т.п., так усердно настаивали на удалении всего местного, напоминавшего «польское» влияние, так усердно считали польским всё, что не было похоже на московское, что местная жизнь стала прятаться в скорлупу, и учёным исследователям (особенно прежде чуждым краю) с трудом приходилось бы отыскивать её проявления, вместо того, чтобы видеть её тотчас воочию без канцелярских ширм» [Пыпин 2005, 215]. Несмотря на это, проведённое этнографическое исследование Беларуси выявило богатое древнее наследие белорусского народа, которое требовало анализа и лексикографической систематизации.

Таким лексикографическим источником стал «Словарь белорусского наречия» И.И. Носовича, запланированный Императорской Академией наук в качестве второй части «Опыта словаря областных наречий», но изданный в Санкт-Петербурге в 1870 г. как самостоятельный труд. И. Носовичу было поручено составить словарь, который систематизировал бы лексику живого народного говора и был бы одновременно источником для лингвистических исследований белорусского языка и пособием при чтении древних памятников письменности.

Это был самый полный на то время сбор лексики и фразеологии живого белорусского языка, который охватывал более 30 тысяч слов

белорусской речи середины XIX века: словесные ресурсы разных белорусских диалектов, лексика печатных источников – актов, грамот, фольклорных сборников, периодических изданий того времени. В работе И. Носовича имеется ряд показателей и приёмов описания лексики, которые обычно реализуются в толковых словарях: наличие дефиниций, толкование реестровых белорусских слов при помощи русских синонимических пар и рядов, стилистические пометы при отдельных реестровых словах. Это даёт основание утверждать, что «Словарь белорусского наречия» положил начало нормализации (кодификации) словарного состава белорусского литературного языка и является первым белорусским национальным словарём.

Значения слов и словосочетаний раскрываются авторскими толкованиями, иллюстрациями в виде пословиц, поговорок, загадок, сток из народных песен и цитатами из общеупотребительной, а также диалектной (восточнобелорусского, т.е. «кривицкого» ареала, который автор считал наиболее «чистым» в этногенетическом плане) речи: **китка** – *Вязка сена отъ 5 до 10 фунт., нарочито употребляемая для продажи (Въ Минской, Гродн. и Виленск. губерніяхъ; пеколокъ 1) Въ Могилевской и Витебской губерніяхъ). Печурка, куда загребають жарь изъ печи. 2) (Въ Минской и Гродненской губерніяхъ). Очажекъ; рея (Лит. Reie). Рига, овинь (употребляется въ Гродн. и Минск. губ.; въ прочихъ же Белорусскихъ губ. Евна).*

Толкование лексического значения слова с добавлением собственно-лингвистических, исторических, этнографических сведений и лингвострановедческого комментария происходило разными способами: 1) указанием на субъекта (говорящего), который наиболее часто употребляет слова, по его происхождению или социальному либо бытовому статусу: **апробація** – *одобреніе, утвержденіе. (Слово употребляемое среднимъ и высшимъ классомъ народа); ассекурація* – *(слово, употребляемое шляхтами и Польскими помещиками въ разговорѣ объ интересахъ имения или капитала.) 1) Поручительство за кого либо. 2) Обеспеченіе имения; ачкурникъ* – *(слово бранное на крестьянь). Мужик. Лапотникъ;*

2) определением (не всегда точно) этимологии слова с указанием на язык-донор: **гербата** – *Herba thea. Чай; люстро* – *заимствовано из Польскаго. Зеркало; могоричь (Лит. Magariczy – попойка после торга). 1) Барышь. 2) Угощеніе, попойка при мене, продаже или какихъ либо другихъ сделкахъ; обещоваць* – *(Слав. Обетовати). Обещать; вантура* – *(отъ Фр. Aventure). 1) Происшествіе. 2) во множ. Шутки, штуки, ухватки; цалёвка* – *(отъ Нем. Zoll – дюймъ). Дюймовая въ толщину тесница, употребляемая для обшивки деревяннаго строенія; герцаць* – *(заимствовано отъ Евреевъ, говорящихъ по немецки). Мотать, плутовать;*

3) указанием на ареал распространения слова: *дзубня* – (в Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях) 1) Палка вязовая, березовая или дубовая, с острым железным концем. 2) Неповоротливая девка и упрямая лошадь; *нудосный* – (в Гродненской и Минской губерниях). 1) Грустный. 2) Досадный, досадительный, наводящий тоску; *нудотный* – (в Могил. и Витеб. губ.) То же, что *Нудосный* в обоих знач.;

4) этнолингвистическим и краеведческим анализом языковой единицы: *сакрамэнт* – Тело и кровь Господа нашего Иисуса Христа. Слово заимствованное от Поляков и употребляемое только в бывших униатских приходах; *кровь* – 1) Кровь (это слово в Белорусском наречии в родит., дат. и предл. падежах ед. ч. имеет криви. <...> Древнее название Славянского племени Кривичи, по Польски *Krewiczu*, по Немецки от Польского же *Krewings*, может быть произведено от криви, и в таком случае может значить: кровные, единокровные, соплеменные). 2) Племя, корень племени.

Отличие белорусского языка подчёркивалось не только историческим и краеведческим комментарием, который придал словарю определённую историко-культурную ценность, но и собственно лингвистическим анализом многих реестровых единиц, согласно которому многие лексемы либо оказались отличными от других языков, либо приобрели белорусскую фонетическую или грамматическую специфику при заимствовании.

Помещая в Словаре наименования-этнографизмы, И.И. Носович не только семантизирует их, но и даёт исторические сведения об их возникновении, косвенным образом подтверждая этническую давность и аутентичность «тех местностей, которые некогда населяло Кривичское племя» [Насович 1983, Вступление к Словарю]: *куница* – 1) Платеж помещику за девицу, выдаваемому в замужество, а особенно в чужое имение. В древности куницы, или куньи шкурки употреблялись вместо денег. 2) Кандалы. В старину при каждой церкви находилась прикованная к стене, близ входа, железная цепь с таковым же наручником, или наножником, или ошейником, называвшаяся куницею, которую надевали на явных грешников, присужденных к публичному покаянию. Даже в начале XIX столетия, видны были еще в древних Белорусских православных церквях так называемые куницы, наводившие страх на простолюдинов. Ныне нигде нет куниц; но слово это еще живет в говоре простолюдинов, как историческое.

Мифологические представления белорусов в «Словаре белорусского наречия» нашли отражение, в частности, в реестровых единицах – наименованиях мифических существ, персонажей из народных сказок и суеверий: *вовколак, доброхот, домовик, клетник* и др. Примечательно, что при семантизации таких слов И. Носович ссылается на «суеверие простолюдинов», однако при этом не принижает их, а часто защищает,

уточняя иллюстрационные сведения согласно с приемлемыми для самого составителя убеждениями: *Купала* – Так называют Белорусские простолюдины святого Иоанна Крестителя, которого память празднуется 24 Июня. Вместо Иоанн Креститель, они говорят Иванъ Купала, на Ивана Купалу, предъ Иваномъ Купалою, следовательно существованіе, по мненію Славянскихъ мифологовъ, какого-то древняго, баснословнаго божества Купалы, которому будто поклонялись древніе Славяне, есть очевидная выдумка. <...> Въ Белорусскихъ песняхъ, приноровленныхъ къ этому гуляню простонародной молодежи, нетъ ни малейшаго намека о боготвореніи небывалаго божества Купалы. Въ одной же изъ песенъ Белорусскихъ, изданныхъ въ 1855 г. Яномъ Чечетомъ, въ Вильне, латинскимъ шрифтомъ, слова: “Самъ Богъ купався”, ясно указываютъ, что по мненію самихъ простолюдиновъ Иван Купала есть Иоаннъ Креститель.

Словарь И.И. Носовича был начат как «Опыт словаря областных наречий» (курсив наш – И. С.), но в процессе составления превратился в «Словарь белорусского наречия». По причине запоздалости складывания белорусского национального языка невозможно было отразить разветвлённую белорусскую стилистическую систему. Однако обобщение в одном источнике богатейших лексических ресурсов т. н. «наречия» дало И. Носовичу возможность подчеркнуть наличие на славянском языковом ландшафте самостоятельного славянского языка, а использование стилистических помет к определённым лексемам – подчеркнуть формирование национальной лексической самобытности этого языка при употреблении в разных языковых ситуациях.

Таким образом, в определённый исторический и этапный период лексикографические источники основными своими чертами отражают процесс становления национальных языков и играют важную роль в формировании языковых систем.

Литература

1. Ешич М.Б. Этничность и Этнос // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте) / Науч. совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 2002. – С. 7-71.
2. Крысько В.Г. Этническая психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 320 с.
3. Насовіч І.І. Слоўнік беларускай мовы. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 1983. – 792 с.
4. Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. 4: Белоруссия и Сибирь. – Минск: БелЭн, 2005. – 256 с.

Э.А. Салихова (докт. филол. наук, проф. УГАТУ,
Башкортостан, г. Уфа)

СТРАТЕГИЙНЫЙ ХАРАКТЕР ПРОЦЕССОВ ОВЛАДЕНИЯ ВТОРЫМ ЯЗЫКОМ

Разработка психолингвистических основ усвоения второго языка (Я2) диктуется, прежде всего, практическими потребностями владеть им как средством общения. Актуальным остается этот вопрос и для части нерусского населения РБ, для которого вторым языком является русский.

Выделяют эмпирически сложившиеся две основные формы овладения Я2: организованную и стихийную. Иначе говоря, как процесс формирования двуязычия в условиях систематического обучения (искусственного) и в условиях иноязычного языкового окружения (естественного). Главным отличием этих двух форм является осуществление их в различных видах деятельности: в учебной и гетерогенной для процесса обучения. В последнем случае мотив и цель общения не соответствуют результату – овладению языковыми средствами, они являются «сопутствующим эффектом» (Д.Н. Узнадзе) этой деятельности. Возникновение новых коммуникативных задач сопровождается приобретением языковых средств их реализации, которые и способствуют усложнению и расширению форм коммуникации.

Несмотря на то, что все формы овладения Я2 могут укладываться в общую схему типов обучения (исходя из их мотивационной основы), нам представляется, что специфика этого процесса, как овладения новой системой средств общения, причем вторичной, остается вне рассмотрения. Так, анализ овладения Я2 с этой точки зрения не является исчерпывающим для процесса, имеющего внутреннюю закономерность и специфичные функции в психическом развитии человека. По мнению Ю.А. Самарина, одним из индикаторов способностей, в том числе к овладению языками, может выступать *темп ассоциативного процесса*. Этот механизм обусловлен скоростью образования ассоциаций в той или иной области знаний или практической деятельности, что характеризует темп усвоения совокупности умений и навыков, или же новизной самостоятельно образуемых ассоциативных комплексов, определяющих творческую деятельность человека. Автор полагает, что одним из показателей владения Я2 является сравнительная быстрота темпа речи на нем, соответствующая темпу речи на родном. Скорость речи зависит от темпа протекания ассоциативного процесса, заключающегося в подборе нужных слов и грамматических конструкций, выражающих то или иное содержание мысли.

Необходимым является выделение принципа, различающего основные формы овладения языком и обладающего различительными признаками для всех видов усвоения языка, стимулированных различными методами обучения. Для его выделения можно было бы исключить известное противопоставление путей овладения родным и вторым языками, данное Л.С. Выготским: снизу вверх – от простых («элементарных») форм к сложным; и сверху вниз – от высших, связанных

с осознанием произвольности к простым формам, сопряженным со спонтанным использованием иностранной речи. Принимая эту позицию за базовую, надо либо объединить все случаи овладения Я2, либо отождествить путь развития стихийного билингвизма с путем овладения родным языком, что может быть оправдано лишь в общем смысле. Ни в одном из названных случаев нет возможности дифференциации указанных понятий. Анализ, данный Л.С.Выготским, служит другой цели – демонстрации аналогии с развитием спонтанных/неспонтанных понятий и поэтому несколько схематичен для рассматриваемых случаев.

Б.В. Беляев представляет процесс овладения иностранным языком с учетом типа связи иноязычных форм и мышления человека и также отчетливо различает два возможных пути овладения Я2: языковой/речевой практики и школьного обучения. Они характеризуются различными способами или психологическими закономерностями осуществления усвоения языка: один способ – интуитивный, т.е. вырабатывающий специфическую интуицию – чувство языка; второй – сознательный, который может завершиться столь же сознательным, дискурсивно-логическим (не являющимся подлинным) владением или же прийти к интуитивному, т.е. подлинному владению. В отличие от Л.С. Выготского, Б.В. Беляев представляет три пути овладения иностранным языком, построенных на соотношении способа и результата овладения. Однако в концепции автора третий – интуитивный – способ овладения иноязычной речи остается без детальной характеристики.

Представляется очевидным, что исследование различных форм овладения Я2 ставит основной задачей разработку общей психолингвистической теории овладения Я2 и, в первую очередь, выяснение психологической, психолингвистической, лингвистической природы естественной логики процесса. В чем же суть процесса овладения Я2? Можно предположить, что естественной моделью стихийного усвоения Я2 является процесс овладения языком ребёнком. Не допуская отождествления психологической природы овладения Я1 и Я2, даже если в большинстве совпадают внешние условия, мы рассматриваем в качестве одной из главных задач исследований подобного рода установление конкретных психолингвистических признаков, возможностей, дифференцирующих указанные закономерности.

Психолингвистическая специфика создает изменение целой совокупности мотивационно-потребностных факторов и факторов когнитивного характера, которые не могут не влиять на процесс усвоения Я2: он усваивается субъектом, обладающим вербализованными психическими процессами посредством слова, ассоциаций, представлений, образов. Таким образом, постулировать, что стратегии овладения Я2, даже не управляемое извне, не может не отличаться от стратегий овладения родным языком. На установление конкретных её модификаций направлена

часть наших поисков. В этом нами видится путь установления естественной логики процесса овладения Я2. Логика этого процесса должна отражать особенности перехода объективной языковой закономерности в объект. Для выделения дифференцирующего признака предполагается рассмотреть соотношения между получаемыми испытуемыми в результате свободного ассоциативного эксперимента лингвистическими данными и процессом овладения Я2. Это даст возможность судить о характере стратегии переработки данных. По-видимому, они могут различаться по способу управляемости и по уровню осознанности. Закономерность формирования языковой системы, вероятно, определяется общим психолингвистическим механизмом.

Нельзя не обойти вниманием следующее. При ознакомлении с отечественными и зарубежными исследованиями по рассматриваемой тематике мы столкнулись с неоднозначностью трактовки феномена стратегии. Термин «овладение» часто используется по отношению к стихийному процессу (соответственно, усвоение – к организованному), подразумевает завершение его владением языком. Единого общепринятого определения понятия стратегии в приложении к условиям овладения Я2 пока не имеется; разные авторы акцентируют свое внимание на тех/иных особенностях стратегий, описывая их цели, возможности, значимость; на соотношении осознаваемого/неосознаваемого при их использовании [Larsen-Freeman & Long 1993]. Мы оставляем за собой право в каждом конкретном случае использовать оба понятия. Владение языком представляет собой способность говорения и понимания речи на этом языке, в основе которой лежит выработка языковой установки или установки речи на данном языке.

В процессах овладения (вероятно, и пользования) языком требуется принятие множества решений по восприятию и использованию обучаемыми языкового материала и совершаемых ими действий (идентификация формы, функции, их значения и смысла при восприятии речи, выбора слов, конструкций при производстве речи и др.) В психологии стратегиями в общем виде называют закономерности в принятии решений в ходе познавательной деятельности. Так, Дж. Брунер подводит под его понимание некоторый способ приобретения, сохранения и использования информации, служащий достижению определенных целей в том смысле, что он должен привести к определенным результатам. Попытка осмыслить это понятие в приложении к обучению Я2 сделана в работе Н.В. Имедадзе [1979], где оно рассматривается как конкретное содержание дифференциации языковой установки.

По мнению А.А. Леонтьева, нет необходимости предполагать, что стратегия овладения родным языком жестко фиксирована: одному функциональному уровню могут соответствовать различные языковые средства, используемые множеством способов, в конечном счете, в равной

мере удовлетворяющих познавательные и коммуникативные потребности ребенка. Усвоение родного языка предполагает выбор и дифференцированное использование различных стратегий.

Общим же признаком всех стратегий овладения языком считается их эвристичность. Г.В. Ейгер и И.А. Рапопорт [1991] указывают на появление новой предметной области методики обучения неродному языку – «стратегий изучающего язык».

Интерпретируя вслед за Д.Н. Узнадзе суть овладения языком как переход от объективно существующей языковой структуры в субъект, Н.В. Имедадзе характеризует стратегию усвоения языка как конкретное содержание дифференциации языковой установки. За этим понятием в концепции Д.Н. Узнадзе стоит конкретно-психологическое явление, известное в психологии под именем феномена «побуждающего характера» предметов. В процессе её возникновения можно выделить следующие важные моменты: потребность, активность и ситуация удовлетворения потребности. Последние из них образуют некоторое единство лишь в процессе активности, которая и является основным источником возникновения установки. Значит, она есть не что иное, как момент деятельности, поскольку «определяет уровень переработки поступающей информации, уровень адекватности отражения объективного языка закономерности [Имедадзе 1979, 27].

Целесообразной в русле данных рассуждений представляется мысль, что ведущий тип общения с ребенком может определять выбор конкретной стратегии овладения языком. Использование ребенком различных стратегий, вероятно, не исключает общей закономерности. На наш взгляд, овладение лексикой отражает содержательный аспект общения с ним, этот материал индивидуально-вариативен, менее формализуем, чем грамматический и богаче фонетического аспекта. Овладение лексикой и грамматикой родного языка позволит выявить специфические психолингвистические факторы проявления от общего когнитивного развития.

Зависимость овладевающего языком от характера лингвистической информации, проявляемой, в частности, в использовании каких-либо стратегий, может быть обнаружена и описана на материале усвоения второго языка при условии сравнительного анализа такого овладения родным языком. В таком случае эта информация неупорядочена и дозирована. Установив общность каких-либо закономерностей, можно приписать их собственно психологически обусловленной стратегии овладевающего. Если подобное возможно практически, то необходимо ответить на вопрос о целесообразности моделирования выбора и использования определенных стратегий для эффективности и оптимизации обучения второму (в т.ч. иностранному) языку.

В экспериментальном исследовании Н.В. Имедадзе подробно обсуждают стратегии овладения родным и вторым языком на материале грузинского (Я1), грузинского и русского (Я1 и Я2) языков в сопоставлении полученных данных с результатами исследований других авторов. В сводной таблице показано, что при разных условиях овладения Я2 в различных временных промежутках преобладают различающиеся стратегии переработки языковой информации («языка входных данных»), что приводит к тем или иным результатам.

<i>Ситуация овладения языком</i>	<i>Характеристика форм овладения языком</i>
Параллельное овладение Я1 и Я2 (возраст 3 года) при изоляции языка по принципу «одно лицо – один язык»	<p><u>Стратегии</u> переработки языковой информации («входных данных») спонтанные, активные, эвристические.</p> <p><u>Психологический механизм и уровень осознания</u>: универсальная последовательность усвоения языковых явлений модифицирована взаимодействием языковых систем.</p> <p><u>Результат</u>: через стадию смешанной речи ребенок приходит к автономному, неинтерферирующему, продуктивному владению Я1 и Я2.</p>
Усвоение Я2 в условиях учебного поведения экспериментальное обучение (возраст – 6-7 лет) с общением в естественных ситуациях (1 этап) с использованием приемов стимулирования спонтанной речи и вербальных игр на отработку отдельных конструкций	<p>Преобладание неполного общения, проявление интуитивно-поисковой стратегии.</p> <p>Имеют место спонтанная последовательность усвоения языковых явлений и модифицированная вторичность формируемой системы. Это приводит к спонтанной ненормативной речи, обеспечивает способность общаться при элементарном уровне овладения Я2.</p>
Усвоение Я2 в школе по действующим программам (возраст – 8-16 лет) с использованием приемов комбинированного метода и вводом материала посредством учебных действий	<p>Выступают неполное обобщение, генерализация, перенос из родного языка, последовательность усвоения Я2 частично отражает их ввод.</p> <p>Результатом является ненормативное, неспонтанное, подверженное интерференции усвоение Я2 с частичными речевыми навыками.</p>
Усвоение Я2, построенное на принципах поэтапного формирования (от 10 лет) с использованием 2 и 3 типов обучения (см.: [Гальперин 1966])	Поэтапное формирование действий по усвоению отдельных грамматических категорий, что приводит к нормативному конструированию высказываний без спонтанности речи.

Подробное рассмотрение процессов овладения родным языком с точки зрения соотношения ввода лингвистического материала и его переработки выявило специфические проблемы этой формы усвоения языка: 1) очевидна независимость стратегии овладения от ввода языковой информации; 2) установлена природа гипотетического механизма переработки этой информации.

Анализ процессов овладения Я2 параллельно с родным показал следующие особенности: методическое упорядочение способа общения с ребенком как подход к управлению усвоением языка отразилось на продвинутом этапе развития речи. Первоначально речь ребенка представляла совокупность лексических единиц двух языков. В процессе грамматизации речи проявляется поисковая стратегия (выдвижение и проверка гипотез), обилие построенных по аналогии форм, широкий диапазон сверхгенерализаций. Быстро проходящий характер интерференции можно рассматривать как специфическую черту этой формы усвоения Я2.

Материалы наших наблюдений над речью детей-билингвов дошкольного и младшего школьного возраста показали, что способность объективации слова как самостоятельной действительности, как «значащей формы» развивается в направлении преодоления ситуативной прикованности, когда ребенку приходится решать две коммуникативные задачи эквивалентными средствами двух языков, реализовывая одну интенцию. Именно в процессе «переключения кодов» – перевода происходит противопоставление планов выражения и соединения, что и является предпосылкой постижения отношения «форма-значение». Это обстоятельство отмечается многими исследователями психологии речи как первостепенное, причем не столько для практического владения языком, сколько для развития лингвистического мышления ребенка.

Неопределенность трактовки понятия «стратегия», а также недостатки используемых процедур их обнаружения не снимают значимости исследований указанной проблемы. Это побуждает глубже разобраться в теоретическом аспекте того, что понимается под стратегиями, поставить задачу отработки методики сбора соответствующих данных, их анализа в целях использования в процессе обучения Я2/ИЯ тех возможностей, которые дает оперирование стратегиями овладения Я2 через их перенос на новые учебные и практические ситуации.

Литература

1. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч. в 6 т. Т. 2. – М., 1982.
2. Гальперин П.Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследования мышления в советской психологии. – М., 1966. – С. 236-277.
3. Ейгер Г.В., Рапопорт И.А. Язык и личность. – Харьков, 1991.
4. Имедадзе Н.В. Экспериментально-психологическое исследование овладения и владения вторым языком. – Тбилиси, 1979.
5. Larsen-Freeman D. & Long M.N. An introduction acquisition research. – London-New York, 1993.

Л.Ф. Сахибгареева (канд. филол. наук, доцент Башкирского института физической культуры, Башкортостан, г. Уфа)

АББРЕВИАЦИЯ И ДЕЗАББРЕВИАЦИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В ЯЗЫКЕ

Аббревиация традиционно относится к одним из самых продуктивных способов словообразования, и аббревиатуры различных типов давно стали неотъемлемой частью словарного состава многих европейских (и не только) языков.

Можно утверждать, что целый ряд вопросов, связанных с аббревиацией, утратил научную перспективу. Исходя из вышеизложенного, данная работа имеет своей целью осветить малоизученные аспекты аббревиации, в том числе диалектическую оппозицию аббревиации и дезаббревиации.

Рассматривая причины и условия образования сокращений, нельзя не упомянуть о противоположных тенденциях как импульсе развития языка в современную эпоху.

Практически на каждом языковом уровне, в каждом «участке» внутри языка и в его соотношениях с внеязыковой действительностью мы можем обнаружить бинарные оппозиции и многоаспектные противоположности, которые характерны для языка и его функционирования в соответствующую эпоху.

Наблюдения показывают, что в периоды «спокойного» развития языка таких противоположных тенденций мало, тогда как в эпохи коренной ломки общества, быстрого изменения условий, в которых живет и функционирует язык, эти тенденции проявляются в полную силу. В качестве проявления противоположных тенденций в языке, вызываемых также не внутренними, а скорее пограничными – психолингвистическими – причинами, названа реализация принципа экономии речевых усилий, действие которого приводит к рациональной краткости речевых (а затем и языковых) единиц разных уровней, и противоположного принципа мотивированности этих единиц, воздействие которого приводит к созданию достаточно протяженных элементов языка (речи) [Лейчик 2006].

В то же время в языке постоянно наличествует стремление к наиболее полному отображению признаков объектов и явлений, этим языком обозначаемых. Семантически это выражается в мотивированности языковых (а на первых порах существования) и речевых знаков. Фонетически же это выражается в увеличении протяженности данных знаков. Особенно ярко это видно в научных и технических терминах, которые могут содержать от 1-2 до 17 слов, каждое из которых обозначает признак специального понятия.

Если же обратиться к другим «участкам» и уровням языка, то можно увидеть, что принцип экономии языковых средств ограничен в своем действии – ему всегда противостоит принцип оптимальности длины

языковых и речевых единиц и их сочетаний. При всех обстоятельствах, в речи, особенно в устной форме речи (в любом стиле), задача «экономии усилий» не стоит: главное здесь – мотивированность знака, выразительность высказывания. Краткость (точнее, оптимальность) достигается лишь как равнодействующая этих двух противоположных тенденций.

Данное положение находит свое подтверждение при анализе лексики и словообразования большинства индоевропейских языков в XX-XXI вв. Уже в начале прошлого века (фактически с 10-х гг.) расширяется процесс аббревиации, причем не только на письме, как прежде, а в произнесении (то есть используются не только графические, но и так называемые лексические аббревиатуры).

В последние годы появился качественно новый способ аббревиации – омоакронимия.

Омоакронимы – это совершенно особые, уникальные лексические единицы, отличающиеся от других аббревиатурных единиц. Их основная особенность заключается в том, что они, с одной стороны, аккумулируют значение исходного словосочетания, с другой – в них привносится сигнификативное значение узуального слова. Поэтому омоакронимы несут информацию двух видов:

предметно-логическую, связанную с коммуникативной функцией языка;

дополнительную, коннотативную, связанную с прагматическими намерениями автора/авторов акронима.

Поскольку омоакронимы напрямую апеллируют к языковой памяти говорящего и слушающего, наряду с вышеназванными функциями следует упомянуть и когнитивную.

В настоящее время омоакронимия является наиболее развитой и важной ступенью аббревиации. Особенно охотно прибегают к омоакронимии при создании специальных терминов, что вполне объяснимо: обилие терминов затрудняет их запоминание, но, «подогнанные» под какое-либо широко известное и широко употребляемое слово, они быстро входят в речевой обиход, а потом закрепляются в языке, т. к. стереотипность форм сокращения дает возможность легко сохранить их в памяти. В образовании омоакронимов тесно взаимодействуют морфологический и лексический аспекты: первый определяет структуру омоакронима, второй – его семантику. Разработана навигационная система для прибрежного плавания. Назначение системы – *to give a ships watch an evolving real-time graphic display of the vessel's position in a river, channel or harbor*. Её задача – облегчить плавание в стеснённой акватории – совпадает с задачей лоцмана, обеспечивающего проводку судна. Соответственно выбирается название навигационной системы *pilot*. Для терминологического словосочетания комбинируются такие

терминоэлементы, которые характеризуют технические параметры системы и одновременно дают возможность в результате компрессии получить омоакроним: *pilot* < *Precision Intercoastal Loran Translocator system* “высокоточная радионавигационная система прибрежного действия, работающая на принципе транслокации”.

Это явление получило название «коррелятивной аббревиации», под которой В.В. Борисов, понимает процесс параллельного, одновременного создания сокращения и коррелята, а также случаи подбора новых коррелятов к уже существующим значениям [Борисов 1972, 91].

На базе омоакронимов в русском языке наблюдается развитие омоакроморфов (разновидность омоакронимов, совпадающих с одной из личных форм именной или глагольной парадигмы) и омоакрофонов (акронимические омофоны, т. е. разновидности омоакронимов, совпадающих по звучанию при различии их морфологического состава). Так, сочетание «получить овцу» создано на базе омоакроморфа *овцу* (особо важные (и) ценные указания) [Липатов 1984].

Омоакроморфы, в отличие от омоакронимов, носят всегда случайный характер и приобретают «значение», лишь будучи включенными в каламбурные словосочетания: «Поступал в МИМО, но проскочил мимо», «Город МИГОм обогреем».

Во французском языке по аналогии с повсеместно распространенным сокращением *TGV* < *train à grand vitesse* “скоростной поезд” была создана аббревиатура *Déjeuner à grand vitesse* “скоростной завтрак”. Этот пример лишний раз подчеркивает тенденцию к использованию аббревиатур в стилистических целях.

Другой тип омонимии, сложившийся в настоящее время – это омонимия между собственно инициальными аббревиатурами. Так, сокращение *SS* большинством французов воспринимается как *Sécurité Sociale* “социальная помощь”. В церковной среде серия *SS Jean-Paul II*, *SS le Pape* /фр./ будет автоматически передаваться как *Sa Sainteté* “Его Святейшество”. Таким образом, это зависит от социального контекста. Ср. в русском языке: *ССБ* < *Сотовая связь Башкортостана* и *ССБ* < *Союз студентов Башкортостана*.

Существуют также сокращения-неологизмы и устаревшие сокращения. Аббревиатура *NATO*, широко применявшаяся в годы второй мировой войны, имела своим коррелятом *North African Theater of Operation* [Борисов 1972, 91]; в современном же контексте *NATO* передаётся как *North Atlantic Treaty Organization*.

Примерно на рубеже XIX–XX вв., почти одновременно с появлением такого нового способа словообразования, как аббревиация, в русском языке возникло явление дезаббревиации, выступающее своеобразной реакцией разговорно-речевой стихии на необычность нового типа слов в языке. Впервые дезаббревиацию как языковой феномен описал

А.Ф. Журавлёв [Зеленин 2005]. Он рассматривал дезаббревиацию в контексте «вторичного фразообразования», расчлняя его на а) фразопреобразование и б) дезаббревиацию. Дезаббревиация, в свою очередь, делится на: 1) дезаббревиацию в стилистических целях (например, вместо стершихся аббревиатур колхоз и совхоз журналист с целью обновления внутренней формы слов использует синтаксическую конструкцию: коллективные хозяйства); 2) сознательные ложные расшифровки аббревиатур, которые, по мнению А.Ф. Журавлёва, представляют определенный интерес (например, в речи лектора: целевая установка → ЦУ → ценные указания) – На наш взгляд, этот раздел типологии дезаббревиатур заслуживает более тщательного изучения, учитывая сходство процесса образования дезаббревиатур с процессами омоакронимии и коррелятивной аббревиацией; 3) особая разновидность дезаббревиации – условная дезаббревиация слов, не являющихся аббревиатурами: водка «Экстра» → «эх, как стало трудно русскому алкоголику» или с инверсией «алкоголик русский, терпи, скоро конец этому!».

Дальнейшее развитие это направление получило в работе А.В. Зеленина «Дезаббревиация в русском языке», в которой автор анализирует психологические, культурологические, семасиологические, семантические механизмы дезаббревиатурных форм в современном дискурсе [Зеленин 2005].

Таким образом, аббревиация и дезаббревиация всегда шли рука об руку в языке, составляя диалектическую оппозицию двух процессов: словообразовательной номинации (семасиологический аспект) и деноминации (ономасиологический аспект). Дезаббревиатурные образования вторичны, поскольку их статус поддерживается только наличием в языковом континууме аббревиатур, послуживших источником этой вторичной номинации (деноминации). Дезаббревиатуры представляют собой своеобразные «эхо-слова» с особыми функционально-семантическими и прагматическими свойствами (языковая игра, пародия). При изучении коммуникативно-функциональных аспектов аббревиации будущим исследователям придётся рассматривать явление, которое всегда существовало параллельно с аббревиацией, однако практически не изучено в европейских языках – дезаббревиацию.

Литература

1. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. – М.: Воениздат, 1972.
2. Зеленин А.В. Дезаббревиация в русском языке // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1. – С. 78-98.
3. Лейчик В.М. Противоположные тенденции как импульс развития языка в современную эпоху // Вестник МАПРЯЛ. – № 52. – 2006. – С. 23-30.
4. Липатов А.Т. Омонимия и аббревиация. Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1984. – № 3. – С. 50-56.

О.Р. Семёнова (*канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и МПРЯ ЧГПУ, г. Челябинск*)

О ПРОЕКТЕ СЛОВАРЯ РУССКИХ ГОВОРОВ ЮЖНОГО УРАЛА

Изучение особенностей функционирования диалектов как территориальной разновидности языка вносит существенный вклад в развитие регионального языкознания.

В настоящее время существует несколько типов уральских диалектных словарей. Одним из фундаментальных диалектных словарей является «Словарь русских народных говоров» под редакцией Ф.П. Филина, в котором «собраны воедино и должным образом обработаны все доступные записи словарных особенностей всех русских народных говоров XIX-XX столетий» [СРНГ 1966, 1]. К дифференциальным диалектным словарям относятся «Словарь русских говоров Среднего Урала» (т. 1-7, Свердловск, 1964-1984), «Словарь говоров Соликамского района Пермской области» (составитель О.П. Беляева, Пермь, 1973), «Словарь пермских говоров» под редакцией А.Н. Борисовой и К.Н. Прокошевой (Пермь, 2000-2002).

«Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области» под редакцией Ф.Л. Скитовой представляет полный тип уральских словарей.

В «Системном словаре предметно-обиходной лексики говоров Талицкого района Свердловской области» К.И. Демидовой (Свердловск, 1986) смысловые признаки слова характеризуются с точки зрения конкретной системы.

Словарный состав одного носителя уральского говора описывается в «Диалектном словаре личности» В.П. Тимофеева (Шадринск, 1971) и в «Словаре диалектной личности» В.Д. Лютиковой (Тюмень, 2000).

В «Словаре пермских памятников XVI века- начала XVIII века» Е.Н. Поляковой (Пермь, 1996, вып.1-3.) включена лексика, зафиксированная в деловых памятниках XVI века – начала XVIII века, написанных на территории Верхнего и Среднего Прикамья. Это слова русского литературного языка и живой народной речи (диалектной и просторечной). Данный словарь содержит богатый этнографический материал по Уралу*.

---

* Подробно о пермской диалектной и ономастической лексикографии см. в книге: Е.Н. Полякова Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья: Материалы для самостоятельной работы: учеб. пособие/ Е.Н. Полякова. – Пермь, 2009.

В последнее время актуализировался этнолингвистический подход к рассмотрению русских говоров. «Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья» И.А. Подюкова, С.В. Хоробрых, Д.А. Антипова (Усолье, Соликамск, Березники, Пермь, 2004) представляет попытку описания комплекса свадебной обрядности по диалектным и фольклорным данным. Интерес к языковому наследию Южного Урала послужил толчком для создания таких работ, как «Этнолингвистический словарь услышанных и записанных слов в Челябинской области (Старинные слова, прибаски, притчи, песни, пословицы и поговорки) Н.А. Баскаковой (Челябинск, 2002) и «Этнолингвистический словарь Нязепетровского района» Т.П. Ильиной (Челябинск, 2007).

Отсутствие комплексного описания лексики русских говоров Челябинской области предполагает разные подходы к её сбору и систематизации. Основная *задача* словаря русских говоров Южного Урала – *показать современное состояние* словарного состава русских говоров Челябинской области. Ориентация на живое реальное словоупотребление делает необходимым учет особенностей использования диалектного слова в разных слоях говора, что требует соответствующей методики, основанной на синтезе традиционных для диалектологии (полевой сбор материала) и социолингвистики (анкетирование) методов.

Подготовительный этап был направлен на выявление диалектной лексики среди носителей традиционного слоя говора. Основное внимание уделялось степени сохранности диалектного слова в системе говора и его активности в речи носителей традиционного слоя и среднего слоя говора. Принадлежность слова к диалектному словарю традиционно определяется на основе сопоставления данных литературного языка и местных говоров. Любое отличие от литературного слова может являться основанием для включения слова в диалектный словарь – это основной признак диалектной лексикографии.

На следующем этапе проводилось анкетирование среди представителей всех возрастных групп, следуя принятой социальной дифференциации:

1) традиционный слой говора – информанты 60 – 80 лет, коренные жители (в третьем, четвертом поколении), основные носители говора, безграмотные и малограмотные пенсионеры; 2) средний слой говора – информанты в возрасте 40 – 60 лет (рабочие, служащие и пенсионеры со средним, среднетехническим и профессионально-техническим образованием); 3) передовой слой говора – информанты в возрасте 10 – 40 лет (школьники, студенты, молодые люди со средним и высшим образованием).

Анкета состояла из двух частей: социологические сведения об участнике опроса (Ф.И.О., год рождения, место проживания, образование, вид занятости) и собственно лингвистическая анкета, в которой

необходимо было указать степень бытования («знаю»/ «употребляю») предложенных слов (100-200 в зависимости от темы) и их значение. Работа с анкетами имела две формы: 1) устный опрос диалектоносителей по районам области; 2) опрос с привлечением компьютерных технологий (в рамках этой формы на сайте ЧГПУ была выложена анкета). В отделы народного образования были разосланы информационные письма с просьбой о содействии и помощи в сборе диалектной лексики и в привлечении к анкетированию школьников и учителей. Всего в эксперименте приняло участие более 600 человек в возрасте от 10 до 90 лет. По итогам эксперимента производился простейший анализ частот «знания» и «употребления» диалектных слов в речи той или иной группы информантов. На основании наблюдений над речью жителей Южного Урала и данных опроса и анкетирования информантов собственно диалектные слова по характеру их употребления делились на активные («употребляю») и пассивные («знаю, но не употребляю»). Приведем пример оформления материала соцопроса в Каслинском районе Челябинской области:

№	Слово и его значение	Передовой слой			Средний слой		
		Актив.	Пассив.	Н/уп.	Актив.	Пассив.	Н/уп.
<i>Лексика природы</i>							
1	БережИна – берег	36%	18%	45%	9%	18%	55%
2	БерЕзник – лес, роща с преобладанием берёзы	45%	9%	36%	55%	18%	18%
3	Берёзовка – березовый сок	55%	18%	27%	64%	18%	9%
4	БерестО – кора берёзы	27%	27%	27%	55%	18%	18%
5	ДикАрка – дикая яблоня	27%	18%	55%	45%	36%	18%
6	ЛЫва – лужа	36%	18%	45%	45%	27%	18%
7	ОБАбок – подберёзовик	36%	45%	9%	55%	18%	9%
8	СинЯвка – сыроежка	55%	27%	9%	64%	18%	18%

Учет живой реализации диалектного слова делает необходимым введение особых «социальных помет» для отражения динамических процессов, протекающих в лексической системе диалектов в данный период времени. Социальные пометы содержат информацию об относительной частоте представленности слова в речи носителей разных слоёв говора. Представим в таблице средние статистические данные проведенного исследования в сопоставительном плане:

№	Диалектные номинации кухонной утвари и посуды	Катав-Ивановский район			Красноармейский район		
		Тр. слой	Ср. слой	Пер. слой	Тр. слой	Ср. слой	Пер. слой
1	БарАн - рукомойник	40	10	-	65	30	5
2	БерестЯник - глиняный горшок, оплетённый	-	-	-	100	43	5

	берестой.						
3	Глѐк - глиняный горшок с узким горлышком.	15	-	-	35	-	-
4	МЕдница -медный таз	70	38	10	15	-	-
5	ЧерепУшка - глиняная миска	100	50	20	100	100	90

Материалы эксперимента позволяют расположить слово на временной оси с точным критерием степени его употребительности в разных слоях говора. Сложное восприятие ряда «в тр.слое – ... %; ср. – ... %; пер. – ..%» вполне заменимо на «устар.», если диалектное слово встречается только в традиционном слое. Главное, что положение слова на шкале активности/пассивности употребления в диалектной системе приобретает более или менее объективный характер. Таким образом, социальные пометы помогают решать как теоретические (выявление причин сохранности лексики, перехода диалектных слов в просторечные, социальная дифференциация лексики и др.), так и практические (например, повысить объективность характера помет) цели. Социолингвистические данные могут быть привлечены для лингвогеографического описания региона и создания областного лексического атласа, поскольку отражают ареал активного использования слова в диалектной речи, например:

Диалектное Слово	Агаповский	Троицкий	Уйский	Чесменский	Итого % акт. употребл. по Южному Уралу
	+ активно употребляют не менее 50% жителей				%
АнчУтка - грязнуля	+	-	+	+	60
БАСко -красиво	+	-	+	-	63
БЫзиться - сердиться	+	-	+	+	56
ЗатирЮха - похлёбка из муки	+	+	+	+	75
Запон - фартук	+	+	+	+	63
Уросить - капризничать	-	-	+	+	29

Синхронный подход не исключает использования языковых фактов прошлого, а позволяет отобрать только те факты, для которых в языковом сознании диалектоносителей находится определенное место. Границы словника определяются употребительностью конкретной лексемы в речи уральцев и её актуальностью для иллюстрации особенностей местного быта и для понимания процессов, протекающих в южноуральских говорах на современном этапе.

Итак, источниками для словаря русских говоров Южного Урала могут служить:

1. Выборка из диалектных словарей лексем, имеющих территориальную помету с указанием районов и городов Челябинской области.

2. Материалы диалектологических экспедиций в районы области (картотека диалектных слов; ответы на вопросы «Программы собирания сведений для Диалектологического атласа русского языка» и «Программы собирания сведений для Лексического атласа русского языка»; магнитофонные записи спонтанной диалектной речи и др.), хранящиеся в кабинете лингвокраеведения ЧГПУ.

3. Данные социологического анкетирования.

В словарной статье дается разнообразная информация о диалектном слове: толкование, примеры из живой речи, эмоциональная характеристика, особенности употребления слова в разных слоях говора в настоящее время, территория бытования слова на Южном Урале в сопоставлении с ареалом его распространения на территории России, этимологическая справка и др. дополнительная информация. Приведем пример словарной статьи:

БАЗЫ́ГА, и, м. и ж. (неодобрит.) – Ворчливый, сварливый и придиричивый человек. *Старая базыга*. [Уйск., Агап.]♦актив. употребл. в тр. сл.; ср. сл. – 50%.//Даль: стар. песенное: старый хрыч / т.1, с.38//СРНГ: бранно *Аи же ты, старая базыга новодревняя* (былина). Олон., Уржум., Вят. / т.2, с.51■ Восходит к словам с корнем **баз** – «кричать» (ср. базанить, базлать); и.е. * bha – «говорить» {ЭССЯ, т. 1, с.171}.

Литература

1. Словарь русских народных говоров. – Вып. 1-39 / под. ред Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – М.; Л.-СПб, 1965-2005.
2. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под. ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1-19. – М., 1974-1993.

Ю.С. Фомина (преподаватель БГПУ им. М. Акмуллы,
Башкортостан, г. Уфа)

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК СУБЪЕКТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОЗНАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ¹

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке федеральной целевой программы (ФЦП) «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы – «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области гуманитарных наук». Тема НИР: «Этноконфессиональная история и языковое наследие народов Урала».

Важными компонентами мотивационно-потребностной и когнитивной сфер языковой личности являются ценностные ориентации, которые зачастую представляют собой результат становления и развития мировоззренческих взглядов говорящего, что обнаруживается в его жизненных приоритетах, целевых установках, интересах, а также оценках относительно окружающей действительности и самого себя. Благодаря наличию ценностных ориентаций, закрепленных в сознании, индивид способен дифференцировать разнородные объекты с точки зрения их значимости в момент совершения конкретного коммуникативного акта.

Так, при выявлении ценностных ориентаций студентов использовался прием ранжирования: испытуемым было предложено разместить 15 общечеловеческих понятий в порядке убывания их значимости. Ядро ценностей исследуемой личности составляют такие понятия, как *здоровье* (студенты всех факультетов ставят его на 1 место), *любовь* и *семья* (им отводится то 2, то 3 место). Другой значимой категорией остается *дружба* (2-8 места). В век войн и терроризма важным для студентов является понятие *мир (не война)*, его ставят на 4-8 места. *Образование* в иерархии ценностей студентов занимает 3-7 места, поскольку оно особенно престижно в современном мире. Периферию шкалы ценностей формируют такие понятия, как *политика* (16-20 места), *сохранение нации* (14-19) и *развлечения* (14-18).

Место той или иной категории в иерархии ценностей исследуемой личности нередко обнаруживает зависимость от специфики и профессиональной направленности факультета. К примеру, студенты естественно-географического факультета *экологию* ставят на 11 место, тогда как испытуемые других специальностей – на 12-17. Студенты-художники ценят явления *культуры* (5 место), а студенты факультета физической культуры важное место отводят *спорту* (9), для прочих же респондентов *спорт* не имеет столь существенного значения (15-20). Сравнение ценностных ориентаций студентов-филологов показало, что для старшекурсников уменьшается значимость *интересов общества* (ср. ФФ 1к – 10, а ФФ 5к – 15), *образования* (ФФ 1к – 3, а ФФ 5к – 6), *карьеры* (ФФ 1к – 9, ФФ 5к – 11) и *спорта* (ФФ 1к – 15, ФФ 5к – 18). Большую значимость приобретают *деньги* (ср.: ФФ 1к – 11, ФФ 5к – 7) и *секс* (ср.: ФФ 1к – 17, ФФ 5к – 10). Подобная динамика прослеживается и у студентов факультета иностранных языков.

Таким образом, обнаруживается взаимозависимость между ценностными ориентациями и потребностями личности¹, причем сопоставление тех и других с преобладающими жизненными сферами говорящего позволяет обозначить доминирующую направленность

---

¹ Ценностные ориентации вызывают у индивида потребность в деятельности, поскольку они содержат элементы мотивации и отражают эмоционально-смысловое отношение к миру.

индивида в данный момент его существования. В виду сказанного следует отметить, что период обучения в вузе становится важным этапом развития личности, поскольку он связан с самоопределением, поиском смысла жизни, формированием ценностных приоритетов, выбором профессиональной деятельности. В это время индивид выстраивает свою жизненную траекторию, исходя из имеющегося личного и социального опыта, особенностей восприятия окружающей действительности и наличия в сознании некоторого набора ценностей как субъективно значимых компонентов, обуславливающих тип поведения человека в обществе. Язык же выступает средством описания и фиксации, тех мотивов, потребностей и целей деятельности, которые занимают центральное положение в содержании сознания языковой личности студента.

О мировоззрении и ценностных ориентациях студентов свидетельствуют оценочные реакции. Например, стимул *русский* вызвал ассоциации, содержащие позитивную оценку качеств, поведения и образа жизни представителей русского народа: *патриот 7, добрый 5, человек широкой души 2, мудрый 1, щедрый 1*. Мелиоративная оценка выражается также следующими существительными и наречиями: *душа 12, сила 3, гордость 2, единство 1, находчивость 1, смелость 1*. Кроме того, ряд ответов испытуемых связан с положительной оценкой русского языка: *правильный 1, сложный и богатый язык 1* (оценка синкретична).

Однако немало реакций свидетельствует об отрицательной оценке русских и их деятельности. Выделяются: а) прилагательные и глаголы – *ленивый 1, непостоянный 1, пьяный 1*; б) существительные и наречия – *кризис 2, апатия 1, меланхолия 1, неудача 1, разложение общества 1*. Следует констатировать, что, вопреки достаточно распространенному в обществе представлению о преобладании негативной оценки всего русского и самих русских, наш материал показывает обратное: доминирует положительная оценка (91 к 22), причем русские монолингвы, а также билингвы и полилингвы положительные и отрицательные реакции привели примерно в одинаковых пропорциях.

Интерес представляют оценочные ассоциации, возникшие в результате восприятия стимула *электорат*, всего 37% из них можно отнести к положительным: *большие люди 1, верхушка общества 1, знатоки 1, умы человечества 1* (возможно, в двух последних реакциях заключена ирония). Негативные оценочные реакции студентов кажутся вполне оправданными в период становления в нашей стране демократии, они обнаруживают оборотную сторону выборов (отрицательные ассоциации составляют 63% от общего числа ответов, приведенных на стимул *электорат*): *борьба за власть 1, бюрократия 1, казнокрадство 1, коррупция 1, фальсификация 1, черный пиар 1*. Сам электорат оценивается противоречиво и вызывает в испытуемых сложные чувства: *ведомые 1, ищущие 1, обездоленный 1, отвращение 1, толпа 1, сборище 1*.

Относительно лексемы *ноктюРН* респондентами были даны положительные оценочные реакции. Среди них зафиксировано одно наречие – *тонко* 1, большую же группу составляют имена существительные и прилагательные: *душа* 1, *утонченность* 1; *впечатляющий* 1, *необычное* 1. Стимул *боа* породил в сознании студентов ряд реакций, содержащих позитивную оценку. Посредством одних лексем передаются эмоции, чувства, ощущения, вызванные элементом одежды *боа*: *красивый* 8, *шикарное* 5, *изысканность* 1, *экстравагантность* 1. Другие реакции положительно оценивают индивидов (*красивые девушки* 1) или представителей отдельной группы, функционирующей в рамках целого общества (*элита* 1), выделяя присущее им качество (*элегантная* 1). Ответ *красивое, модное слово* 1 отсылает нас к формальному аспекту единицы *боа*, включая ее в то же время в социальный контекст употребления. Негативная оценка преобладает в реакциях, выражающих неодобрительное отношение к людям определенного общественного класса (*буржуи* 1, *дамочка* 1, *фифочка* 1), приметами которого являются *излишество* 1, *разврат* 1 и *вычурность* 1.

Положительную оценку содержит большинство реакций, полученных на слово *китап*: *интересная* 2, *наследие* 1, *познавательная* 1, *радость* 1, *святыня* 1, *хорошая* 1. Эти ассоциации учитывают содержательную сторону предмета и указывают на его ценность с точки зрения функциональной значимости. Лишь два ответа имеют отрицательную оценку – *мука* 1 и *ужас* 1. Они, скорее всего, обусловлены процессом обучения респондентов в вузе, в частности связаны с его сложностью. Данные реакции были отмечены студентами-первокурсниками факультета иностранных языков и физико-математического факультета, которые, вероятно, еще не успели перестроиться и принять новые для них условия учебной деятельности. Стимул *йорт* вызвал следующие реакции: *тепло* 14, *уют* 13, *убежище* 3, *понимание* 1, *спокойствие* 1; а слово *ярар* – *отлично* 5, *замечательно* 1, *прекрасно* 1, к последним примыкают ассоциации *мир* 2, *дружба* 1, *успокоение* 1, так как они описывают ситуацию, царящую дома, в семье и в обществе в целом – согласие. Несомненно, эти реакции характеризуются как позитивные. Негативную оценку выражает ассоциация *невежество* 1, возникшая в сознании испытуемого на стимул *барыбер*; возможно она фиксирует недостаток знаний респондента в области башкирского языка. В целом башкирским лексемам в большей степени присуща положительная оценка: из 79 оценочных ответов лишь 3 содержат негативную оценку.

Итак, оценка, входящая в содержание прагматикона языковой личности, обусловлена восприятием действительности говорящим и его отношением к различным проявлениям окружающего мира: любая новая информация воспринимается индивидом субъективным образом, то есть осмысливается и закрепляется в сознании исходя из имеющегося опыта,

устоявшихся понятий и представлений, отраженных в значимых единицах языка. Оценка помогает ориентироваться человеку в изменяющихся условиях, в том числе в процессе коммуникативной деятельности, когда язык используется в качестве особого значимого средства, способствующего урегулированию отношений между говорящими и созданию атмосферы положительного общения.

Е.Е. Хазимуллина (*канд. филол. наук, доц. БГПУ им. М. Акмуллы, Башкортостан, г. Уфа*)

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА УРАЛА*

По ряду причин исследование взаимообусловленности языка, общества и культуры становится остро актуальным в эпоху активных межэтнических контактов. Как известно, современная социальная действительность характеризуется наличием двух противоположных тенденций: с одной стороны, сообщества интегрируются, консолидируются в целях наиболее эффективного решения глобальных политических, экономических, экологических и иных задач, а с другой – составляющие их народы стремятся сохранить своеобразие национальной культуры, языка, менталитета, традиций. Последняя тенденция оказывается настолько сильной, что многие ученые называют XXI век «этническим ренессансом». Противодействие глобализации проявляется также в сохранении исторически сформированных региональных межэтнических общностей (историко-культурных зон, по А.С. Герду, или историко-этнографических областей, по терминологии Т.М. Гарипова), позволяющих малочисленным народам чувствовать себя относительно защищенными на определенной территории благодаря соседству и тесному содружеству с другими народами большей численности, проживающими компактно. Подобные объединения в определенной мере сдерживают ассимиляцию, поскольку принципом их существования является компромиссная толерантность (см. об этом [Хазимуллина 2006, 21]) и мирное взаимодействие, с долговременным сохранением межэтнических границ.

Как и этнос, феномен региональной межэтнической общности основывается на психологической дифференциации членов данной группы и других субъектов, ей не принадлежащих, – «своих» и «чужих»; важнейшим идентификационным признаком для региональной общности выступает территория и «сопричастность» населяющих ее людей к ее

---

*Исследование выполнено при финансовой поддержке федеральной целевой программы (ФЦП) «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

настоящему и историческому прошлому. Широко распространенное, «наивное» понятие Урала как места бытования Уральской региональной межэтнической общности, границы между Европой и Азией, срединного хребта России (в прямом и переносном смысле) – не вполне соответствует Уральскому автономному округу как административной единице. Для более точного его определения необходимо проведение специального исследования. Другой основой региональной межэтнической общности является прочная социальная связь, возникающая благодаря взаимодействию, а также сходству культур, представленных на данной территории, в силу тождественности географических, климатических условий и, как следствие, форм хозяйствования, экономики. Интегрирование народов в межэтническую общность осуществляется, как правило, на базе доминантной культуры и языка с наиболее широким спектром функционирования. Тем не менее, современные региональные объединения не представляют собой абсолютно гомогенных образований, в их пределах в той или иной степени сохраняются черты своеобразия этносов (в том числе благодаря мерам сознательно проводимой политики), их языков, менталитета и способов поведения, правда, культурная дистанция между народами в этом случае сокращается.

По верному замечанию В.А. Звегинцева, сферой осуществления языковых контактов является общество и психика человека [Звегинцев 1962, 204]. Отклонения от норм в использовании различных языков билингвами могут приводить к взаимопроникновению и постепенному смешению данных языков, но только тогда, когда они приобретают закономерный характер и распространяются на все общество или на значительные его части. Лексические заимствования из области культуры свидетельствуют о том, чему один народ учился у другого: «предметы, созданные как природой, так и промышленностью, переходят от одного коллектива к другому, равно как и определенные модели – технологические процессы, способы ведения войны, религиозные обряды или формы индивидуального поведения» [Блумфильд 2002, 503, 488]. Такое взаимодействие называется «культурной диффузией». Поскольку связь между языком и культурой является очень тесной, билингвизм со временем может приводить к «бикультуре», по терминологии А.С. Герда [Герд 2005, 37], а затем и к полному растворению одной культуры в другой. Все эти процессы имеют место практически в любой историко-культурной зоне, являющейся результатом «многовековых смешений, трансформаций в области хозяйства, семейных отношений, языка, материальной и духовной культуры» [Там же, 94]. Мощным фактором, сдерживающим полную ассимиляцию народов Урала, выступают конфессиональные различия, а также стремление этносов с активным самосознанием к сохранению собственной идентичности.

Лингвокультурное пространство Урала должно определяться как область исторических контактов между различными народами, культурами и языками: финно-угорскими (марийским, мордовским, удмуртским, хантыйским, мансийским), тюркскими (татарским, башкирским, чувашским), славянскими (русским, украинским, белорусским) и др. Лингвокультурологическому описанию в нем подлежат разноуровневые «культуроносные» единицы языка – с социальной и «культурно-исторической памятью», с внутренней формой, стилистической окраской, безэквивалентные наименования, фразеологизмы, поговорки, ономастикон. Социокультурной значимостью обладает также таксономия, семантика и грамматика языка: широта словарного состава, его тематический спектр, проработанность, детализованность языковой картины во многом определяется практическими потребностями говорящих, связанными с условиями быта, хозяйствования народа и т. п. (еще Э. Бенвенист говорил о необходимости составления «словаря культуры» на базе лексики). Показательны в этом плане и языковые лакуны: наименования получают только те сущности, которые являются жизненно важными.

Особый предмет исследования – символы, архетипы, мифологемы, обряды, поверья, ритуалы, обычаи, закрепленные в языке, литературе и фольклоре; эталоны, стереотипы речевого поведения и речевой этикет. Изучение всех этих феноменов дает представление о коллективном сознании и бессознательном, о менталитете народа, его историческом опыте, способах освоения действительности и позволяет реконструировать разнообразные формы традиционной культуры. Фольклор наглядно представляет исследователю духовный мир: в сказках, былинах, песнях, причитаниях, заговорах, присловьях, загадках, приметах, пословицах, поговорках и др. жанрах содержатся знания народа о мире, самом себе, наиболее значимые понятия и образы. Анализ происхождения лексики определенных тематических групп (например, терминов родства, обозначений частей тела, наименований жилых помещений, хозяйственных построек, интерьера, утвари, традиционных блюд, одежды, обуви, украшений и т. п.), описание субстрат-адстратно-суперстратных явлений дает возможность судить о миграции и способах взаимодействия пришлых народов с относительно автохтонными. Для решения вопросов этноглобтогенеза необходимо учитывать, в частности, то, что в языках народов, живших некогда охотой и собирательством, широко представлены наименования животных и растений, разнообразных явлений окружающего мира. Народы же, основным источником существования которых является рыбная ловля, имеют в своем словаре множество названий рыб, а также орудий и приемов рыбной ловли. Земледельческо-скотоводческий способ хозяйствования предопределяет наличие в языке единиц, обозначающих орудия, способы, этапы возделывания земли, переработки урожая, наименований домашних

животных и приемов ухода за ними, а также элементов народного календаря, символов обрядовой магии и т. д.

По определению В.В. Воробьева, предмет лингвокультурологии составляют «...национальные формы бытия личности, воспроизводимые в системе языковой коммуникации и основанные на культурных ценностях конкретно-исторического общества» [Воробьев 1999, 126]. Культурные установки, «культурные аксиомы» (они «не нуждаются в объяснении и признаются естественными и единственно верными» [Иная ментальность 2005, 6]), отражают духовные и поведенческие ориентиры того или иного коллектива (группы, социума) и содержатся в особых концептах, выступающих культуuroобразующим фактором. Следовательно, изучение концептов, как и выявление содержания собственно языкового сознания говорящих (например, методом массового ассоциативного эксперимента), также входит в задачи лингвокультурологии. Согласно типологии В.И. Карасика, лингвокультурологию должны интересовать прежде всего: 1) специализированные этнокультурные и социокультурные концепты, в концентрированном виде выражающие особенности соответствующей культуры; 2) неспециализированные концепты, культурная специфика которых выражена в меньшей мере и требует поиска скрытых культурно значимых ассоциаций [Иная ментальность 2005, 9].

Огромная работа по сбору и анализу фактического материала проводится в ряде крупнейших научных центров Урала – в Екатеринбургской школе этнолингвистики (см. исследования А.К. Матвеева, Е.Л. Березович, М.Э. Рут, Д.П. Гулика, Ю.Б. Воронцовой, Н.Д. Гультяевой, Т.В. Леонтьевой, В.В. Липиной, И.В. Родионовой и др.), в научной школе лингвокультурологии и стилистики под руководством Н.А. Купиной на базе Уральского государственного университета им. А.М. Горького, в Центре истории и культуры народов Южного Урала, действующем в Оренбургском государственном аграрном университете (см. работы Т.С. Паниной, Т.А. Камсковой, В.А. Колесниковой, А.В. Федоровой, Л.С. Паниной и др.), в Челябинском государственном педагогическом университете (Л.Т. Бодрова, И.А. Голованов, Э.С. Дергачева, И.А. Подкопаева, Т.В. Садовникова, Л.И. Стрелец и др. реализуют программу «Духовная культура Урала»), в Челябинском государственном университете (руководитель – Л.А. Шкатова), в Пермском государственном университете (руководители – Т.И. Ерофеева, Е.Н. Полякова), в Магнитогорском государственном университете (руководители – С.Г. Шулежкова, Т.И. Рожкова), а также в ведущих вузах Башкортостана – Башкирском государственном университете (см. исследования Л.Г. Саяховой, К.З. Закирьянова, Л.М. Васильева, В.Л. Ибрагимовой, Л.Л. Аюповой, З.П. Здобновой и др.), Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмуллы (см. труды Т.М. Гарипова, Р.Х. Хайруллиной, М.Г. Усмановой, Г.Х. Бухаровой,

Г.М. Курбангалеевой) и др. В исследованиях уральских лингвистов выявляются закономерности развития национальных языков (различных их подсистем и уровней) во взаимосвязи с традиционной духовной, материальной культурой, социальными реалиями, решаются вопросы лингвоэтнического районирования и этноглобтогенеза. Итоги этой работы отражаются в специальных монографиях, научных статьях, словарях, атласах, кандидатских и докторских диссертациях.

Лингвокультурологическое описание конкретного региона должно основываться на данных этнографии, культурологии, истории, антропологии, географии, фольклористики, семиотики, социологии, психологии, лингвистики, когнитологии, истории и других гуманитарных наук, в чье ведение входят язык, общество, личность и культура. Конечным итогом изучения лингвокультурного пространства Урала может стать модель регионального варианта взаимодействия конкретных языков и культур. Такой целостной модели в науке пока не существует ни в ее синхронной, ни в диахронической реализации. Однако теоретические подходы к решению этой сложной задачи уже намечены (см. [Герд 2005, 59-81]).

Итак, комплексное изучение историко-культурной зоны Урала подразумевает синхронно-диахроническое моделирование отдельных подсистем этносов и языков и дальнейшее их интегрирование в единую эволюционную модель. Данная стратегия предполагает возрастание степени научной абстракции, последовательное отвлечение от малозначимых фактов, акцентирование лишь основополагающих, исторически релевантных явлений и процессов изучаемого региона. Необходимо наметить три этапа возможного междисциплинарного исследования, каждый из которых требует применения определенной совокупности методов: 1) отбор, описание и сравнение отдельных феноменов этно- и лингвогенеза различных периодов и ареалов изучаемой историко-культурной зоны; 2) воссоздание синхронных и диахронических микромоделей историко-культурных типов (в частности, финно-угорского, тюркского, славянского и т. д.); 3) сравнение различных состояний и создание макромоделей историко-культурной зоны Урала, описывающей особенности этногенеза, лингвогенеза, генезиса культуры и религий. Синтез привлекаемых из разных наук сведений должен осуществляться на единых основаниях – принципах историзма, системности, социокультурной мотивированности, этноцентризма и антропоцентризма.

Литература

1. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. – 2-е изд., исправл. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – 457 с.
2. Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1962. – 384 с.
3. Блумфильд Л. Язык. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС. 2002. – 608 с. (Серия «Лингвистическое наследие XX века»)

4. Воробьев В.В. О статусе лингвокультурологии // Русский язык, литература и культура на рубеже веков: IX Межд. Конгресс МАПРЯЛ. №1. Тез. докл. и сообщ. – Братислава, 1999. – Т. 2. – С. 125-126.
5. Иная ментальность / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
6. Хазимуллина Е.Е. Толерантность как субъективный фактор языковой ситуации (на примере Республики Башкортостан) // Вопросы филологии. № 2(23). – М.: Изд-во ИИЯ, РАЛН, Института языкознания РАН, 2006. – С. 19-23.

*А.Р. Яковлева (аспирант кафедры общего языкознания
БГПУ им. М. Акмуллы, Башкортостан, г. Уфа)*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Активное заимствование западной журналистской модели отразилось на лексико-грамматических и стилистических особенностях российских общественно-политических текстов. Сегодня российские печатные СМИ весьма схожи с англоязычными: наличие броских заголовков, широкое использование газетных штампов и различных экспрессивных языковых средств. И всё же между российской и англоязычной прессой существует ряд различий как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Сравнивая публицистические традиции разных стран, мы имеем дело с различными культурными, историческими и политическими условиями, в которых эти традиции развивались.

Англо-американская журналистика основана на информационных началах, отсюда требование максимально нейтральной интонации, отсутствие авторской интерпретации событий в тексте сообщений. Данная тенденция способна оградить читателя от волюнтаризма прессы, комментариев дилетантов, непрофессионального толкования событий, а также откровенной манипулятивной пропаганды. В западной традиции комментарии принято собирать на определенных страницах, существуют отдельные газеты фактов и мнений.

В то время как англоамериканские СМИ всегда действовали в правовых условиях свободы, российские СМИ получили свободу лишь в конце XX века, поэтому в российской журналистике не сложилась традиция четкого разделения достоверной информации и субъективного мнения. Иногда публицисты деествуют под влиянием определенных властных структур, либо желая привлечь большие массы, при этом определенное воздействие на читателя зачастую важнее, чем объективное освещение событий и явлений [Михайлов 2004].

Следует также выделить ряд языковых отличий российских общественно-политических текстов от англоязычных.

В области лексики необходимо отметить распространенность книжной лексики в российских газетных текстах. Особенно популярна торжественная лексика, пришедшая из лозунгов и призывов советского периода (*свершения, труженик, сыны народа, почин и т.д.*), и устаревшая лексика (*бить челом, грош, барский, чадо, изгой*), которая переносится на сегодняшние социально-политические реалии. Например: «*В школах — караул! Москвичи сутками дежурят у дверей, чтобы пристроить свое чадо в более престижное учебное заведение*».

Также российские газетные тексты отличает метафоризация военной лексики (*фронт работ, объявить войну, сдать позиции, борьба с коррупцией и т.д.*); употребление слов, несущих в себе отрицательную оценку (*бесчинства, марионетка, интриги, происки, возня и т.д.*).

Специфика англоязычных газетных текстов заключается в распространенности односложных слов с универсальной семантикой (*ban, bid, claim, crack, crash, cut, dash* и т.д.). Также в англоязычной прессе частотной лексикой являются неологизмы, образованные при помощи конверсии и словосложения (*stay-in, ride-in, take-over, lay-out* и т.д.), а также способом усечения многосложных слов, значения которых часто раскрываются лишь в контексте (*libs, dems, cons vics* и т.д.)

Грамматическая специфика российских газетных текстов выражена меньше, чем англоязычных, где существуют узуальные отступления от общезыковых грамматических норм и правил (опущение второстепенных семантических элементов, изменение значений временных форм, нарушение общепринятого порядка слов). В заголовках российских газет чаще употребляются существительные, образованные от глагола, чем сами глаголы, в англоязычной прессе, напротив, преобладают глагольные заголовки. Например: “*Just 96 months to save world, says Prince Charles*” [8]; «*Принц Чарльз: На спасение мира осталось всего 8 лет*».

Среди общих языковых черт российской и англоязычной публицистики следует отметить стилистическую разноплановость лексики, широкую распространенность неологизмов, политических эвфемизмов, газетных штампов, аббревиатур, существительных с абстрактно-обобщенным значением, частое употребление сложных предложений, причастных оборотов, пассивных конструкций.

Как в российской, так и в англоязычной прессе широко используются стилистически выразительные средства (ирония, метафора, языковая игра, оксюморон, парадокс и т.д.), в основе которых лежат лингвокультурологические особенности определенной страны.

Неотъемлемой чертой публицистического текста является его субъективный характер.

Автор газетной статьи призван придерживаться определенной точки зрения, которую он выражает либо открыто, либо завуалировано, оказывая влияние на сознание реципиента. Авторская позиция определяется

выбором описываемых фактов, а также выбором дополнительной информации. Автор способен выбрать выгодные для убеждения оценки и события. Очень часто одни и те же события рассматриваются в российских и англоязычных печатных СМИ с различных позиций.

Нами был проведен сравнительный анализ двух статей, посвященных проблеме затянувшегося конфликта в Ливии. Материалом для анализа послужили статьи из газет «Деловой Петербург» и «Christian Science Monitor».

В российской статье преобладает речевой жанр прогноза, причем статья несет негативный, нагнетающий характер: *«Совбез ООН не ограничился Ливией. Бомбы падают на Триполи, а строители нового мирового порядка уже "санкционируют" очередную смену кабинетов. Эксперты считают, что волна революций может дойти до Узбекистана и Туркменистана»*. Англоязычная статья носит более аналитический, фактуальный характер, при этом сохраняется экспрессивность сообщений, которая может выражаться, к примеру, постановкой определенного вопроса: *“With US bombs and missiles hitting Libyan targets, lawmakers and other observers want to know how long the fighting will continue and whether Muammar Qaddafi will be forced from power”*.

Подобный тон сообщений характерен не только для данных статей, но и в общем для исследуемых газетных текстов, это связано прежде всего с социально-политическими различиями между странами.

Максимальный воздействующий эффект достигается использованием языковых средств. Среди лексико-стилистических средств как в русскоязычной, так и в англоязычной статье стоит отметить большое количество метафор и метонимий, большинство из которых являются стертыми. Использование метафор и метонимий в газетных текстах позволяет создать яркий образ происходящего: *«...в 1960-х годах "по Африке тоже прокатилась волна освободительных революций". Возможно, что ветер, который поднял ту волну, дует сегодня с той же самой стороны»*; *«Сирия стоит перед лицом большого заговора»*; *«Режим Каддафи мог рухнуть за 3 дня»*; *“Qaddafi defiant in the face of allied strikes”*; *“America's credibility and prestige suffers all over the world”*. В статьях также встречаются клишированные фразы, в т.ч. обладающие метафоричным характером: *«Сирия тоже не сдастся без боя»*; *«Сейчас международное сообщество призывает восстановить справедливость»*; *“And we should seize the moment”*.

Российскую статью отличает наличие сарказма, выражающего критику политических действий НАТО. Эффект сарказма достигается приданием негативного смысла позитивным суждениям: *«Тем временем Совбез ООН продолжает "спасать" страны с нестабильной политикой и хорошим багажом природных ресурсов. После Северной Африки уважаемая организация миротворцев обратила свое внимание на другой*

регион»; а также путем использования парадоксальных высказываний: *«Режим Каддафи мог рухнуть за 3 дня, но альянс НАТО, к которому в четверг перешло руководство операцией, строит планы на 3 месяца».*

Российская статья отличается более простым синтаксисом, что в целом облегчает интерпретацию текста *«Обилие этнических групп в стране стало одной из причин разобщенности. В декабре прошлого года в стране прошли выборы президента. Действующий президент страны Лоран Гбагбо заявил, что выборы выиграл он. Однако по версии, на которую опирается Совбез ООН, победа досталась Алаассану Уатгара. Сейчас международное сообщество призывает восстановить справедливость».*

Англоязычная статья, напротив, построена при помощи сложных предложений, из-за необходимости указывать источник информации. *“On Sunday talk shows, the comments ranged from “too little, too late” to concerns about what any endgame might be as the US engages in a third war in Muslim countries. Senator John McCain (R) says President Obama “waited too long” before taking military action against Qaddafi.”* Авторы англоязычных статей от себя стараются сообщать лишь сухие факты, а эмоциональный и оценочный фон достигается путем использования соответствующих цитат.

Воздействие на читателя оказывает способ подачи основной и дополнительной информации. Как правило, основной факт располагается на первом месте. В качестве дополнительной информации автор подбирает аргументы, подтверждающие его позицию.

В обеих анализируемых статьях обсуждается затянувшийся конфликт в Ливии, но автор русскоязычной статьи прежде всего критикует военную политику НАТО, соответственно в качестве дополнительной информации автор приводит следующие факты: *«Совбез ООН не ограничился Ливией. Бомбы падают на Триполи, а устроители нового мирового порядка уже “санкционируют” очередную смену кабинетов»; «США и Великобритания, подвинув Россию, рассматривают Ливию как рынок сбыта оружия»; «Совбез ООН одобрил санкции против бывшего руководителя президентской республики Кот-д’Ивуар – Лорана Гбагбо».* Так, автор российской статьи не обвиняет НАТО напрямую, а делает это путем броских саркастичных высказываний, приводя попутно определенные факты.

Основным фактом в англоязычной статье является проведение военной операции, поэтому на первое место в предложении выносятся следующие фразы: *“With US bombs and missiles hitting Libyan targets...»; «As the US-led attack on Libyan targets...»; “With no-fly zone in Libya now...”.*

Точка зрения, выражаемая в англоязычной статье, гласит, что режим Каддаффи необходимо свергнуть без лишнего промедления, которое может лишь усугубить ситуацию. Упор делается на то, что ливийский правитель представляет собой тирана и диктатора, причем в статье автор

обвиняет его напрямую: *“This is a great opportunity to replace a tyrannical dictator who is not a legitimate leader, who is an international crook. And we should seize the moment and talk about replacing him, not talk about how limited we will be.”*

В качестве дополнительной информации автор приводит тот факт, что восточные страны могут оказаться на стороне Каддафи, что значительно усугубит ситуацию: *“But so far, only tiny Qatar has agreed to commit military forces in the fight against Qaddafi”*. Основное отличие от российской статьи, которая носит пессимистичный характер, это наличие призыва действовать без промедления.

Заголовок в англоязычной статье построен в виде вопроса, точно раскрывающего основную тему статьи и заставляющий читателя задуматься над конкретной ситуацией: *“At war in Libya: How long will it last? Will Qaddafi be gone?”*

Заголовок русскоязычной статьи содержит в себе предположение, которое выглядит как угроза, способная настроить широкие массы негативно *«Война в Ливии может дойти до Узбекистана и Туркменистана»*, при этом данная информация не является в статье основной. Таким образом, англоязычная статья кажется более обоснованной, а российская – более эмоциональной и субъективной.

Итак, правильный подбор фактов в сочетании с умелым использованием языковых средств, способен сформировать у читателя определенное мировоззрение и убеждение в правильности авторской позиции.

Фундаментальные различия языка российской и зарубежной публицистики обусловлены, во-первых, лексико-грамматическими и стилистическими особенностями каждого конкретного языка; во-вторых – историческими событиями, которые оказали влияние на формирование журналистских традиций внутри страны; и, в-третьих – различными авторскими позициями относительно общественно-политических событий происходящих в мире.

Литература

1. Засурский Н.Я. Средства массовой информации России. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 380 с.
2. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 266 с.
3. Михайлов С.А. Журналистика Соединенных Штатов Америки. – Спб., 2004. – 448 с.
4. Война в Ливии может дойти до Узбекистана и Туркменистана // Деловой Петербург от 31 марта 2011. URL: http://www.dp.ru/a/2011/03/31/Vojna_v_Livii_mozhet_dojti/gallery/3248/23151 (Дата обращения: 31.03.2011).
5. Brad Knickerbocker // March 20, 2011 // At war in Libya: How long will it last? Will Qaddafi be gone? URL: <http://www.csmonitor.com/USA/Military/2011/0320/At-war-in-Libya-How-long-will-it-last-Will-Qaddafi-be-gone> (Дата обращения: 31.03.2011).

СОДЕРЖАНИЕ

Гарипов Т.М., Курбангалеева Г.М., Капишева Т.Ю. ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ НА КАФЕДРЕ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ БАШКИРСКОГО ГПУ ИМЕНИ М.К. АКМУЛЛЫ	
Аюпова Л.Л., Салихова Э.А. К ПРОБЛЕМЕ ИСЧЕЗАЮЩИХ ЯЗЫКОВ	
Баженова Т.Е. НАИМЕНОВАНИЯ КОНОПЛИ И ЕЁ РАЗНОВИДНОСТЕЙ В САМАРСКИХ ДИАЛЕКТАХ	
Боровикова А.М. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В ЗЕРКАЛЕ СМИ. ЖАРГОНЫ В РЕКЛАМЕ	
Волова Е.С., Савелова Л.А. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ	
Волынкина Т.А. ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НАРЕЧНЫХ ЦВЕТОНОМИНАЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	
Губанов С.А. КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ М. ЦВЕТАЕВОЙ (ЭПИТЕТ И ПРОПОЗИЦИЯ)	
Данилова Р.Р. О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ В ЛИНГВИСТИКЕ	
Данилова Р.Р. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ КОНЦЕПТА «СЕРДЦЕ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ ТАТАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ (ПО ДАННЫМ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)	
Дегтярёв Г.А., Романов А.Е. НАЦИОНАЛЬНОЕ БОЕВОЕ ИСКУССТВО (ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)	
Иванова В.Н. РЕЧЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕРМИНА-МЕТАФОРЫ	
Иванова Л.А., Самохина Л.А. ЯЗЫКОВАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ	
Каксин А.Д. МОДАЛЬНЫЕ И ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫЕ СЛОВА В ХАКАССКОМ И ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	
Косов А.Г. ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМЫ ДОКУМЕНТОВ В ДЕЛОВОМ ЯЗЫКЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА	
Массальская Ю.М. ОСНОВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ЯЗЫКА КАК ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ	
Нафиков Ш.В. ВОСЕМЬ БАШКИРСКИХ ЭТИМОЛОГИЙ НА ФОНЕ СВОИХ БОРЕАЛЬНЫХ СООТВЕТСТВИЙ	
Нечаева Е.А. ЭРИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	
Печаткина О.В. МОТИВАЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЙ ПОЛИСЕМАНТИЧНОГО СЛОВА	
Потешкина А.Г. ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ТЕКСТАХ АНГЛИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ РЕКЛАМЫ	
Приорова И.В. АГРАММАТИЗМ НЕСКЛОНЯЕМЫХ ИМЁН КАК ФОРМА КРЕАТИВА В СМИ	
Рузина Е.Г. АНТИЧНАЯ КУЛЬТУРА И СОВРЕМЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ	
Савицкая И.И. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ЭТНОСА В СЛОВАРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ	
Салихова Э.А. СТРАТЕГИЙНЫЙ ХАРАКТЕР ПРОЦЕССОВ ОВЛАДЕНИЯ ВТОРЫМ ЯЗЫКОМ	

Сахибгареева Л.Ф. АББРЕВИАЦИЯ И ДЕЗАББРЕВИАЦИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В ЯЗЫКЕ	
Семёнова О.Р. О ПРОЕКТЕ СЛОВАРЯ РУССКИХ ГОВОРОВ ЮЖНОГО УРАЛА	
Фомина Ю.С. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК СУБЪЕКТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОЗНАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	
Хазимуллина Е.Е. К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА УРАЛА	
Яковлева А.Р. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ	